

Гарун Тазиев Вода и пламень

С "Калипсо" в Красном море

Тебе, Полина, жена моя

*Есть слезы,
Которых ни с кем не поделишь.
Слезы железной судьбы.
Робер Вивье. Замкнутое чудо*

Непогода в Средиземноморье

– Эге! Дюпа!

Голос капитана Кусто, стоявшего на мостике, был хорошо слышен в нашем коридоре по левому борту.

– Давайте-ка сюда троих ученых! Двоих – драить палубу, одного – в машинное отделение!

Белый «Калипсо» кренится с боку на бок всеми своими 380 тоннами на зеленой поверхности разошедшегося не на шутку Средиземного моря. Судно вышло два дня назад из Тулона в океанографическое плавание по Красному морю, для чего загрузилось химиками, физиками, биологами, геологами, инженерами, водолазами, врачами, даже парашютистами и кинооператорами. Всю эту братию окрестили «учеными» профессиональные моряки – старпом Саут, стармех Монтюпе, боцман Бельтран, электрик Мартен, радист Соваж, механик Леандри и кок Анен; всего нас насчитывалось на «Калипсо» двадцать человек. Кого не хватало на судне, так это простых матросов: как повелось, именно на эту статью расхода у экспедиции не хватило средств.

Вот почему представителям разнообразных научных дисциплин пришлось сразу же отбросить мысль о прогулочном рейсе. Еще до выхода в море мы прошли обкатку в Тулоне, два дня перетаскивая на лямках снаряжение по булыжной набережной военного порта; этого срока вполне хватило на то, чтобы превратить интеллигентов в нормальных людей. И теперь они стояли вахту не хуже заправских марсовых.

В полуоткрытую дверь каюты всунулась голова Дюпа.

– Мсье Шербонье, там нужно помыть палубу...

Шербонье, сорокалетний зоолог из музея природоведения, захлопнул книжку, которую пытался читать наперекор бортовой качке, и свесил ноги с верхней койки прямо к моему лицу.

– Ну, Дюпа, нагрел меня-таки!

Он втиснулся в узенькое пространство между переборкой и нижней койкой, откинул падавшую на глаза черную прядь, зажег прилипшую к губе сигарету и принялся одеваться. Судно раскачивало все сильнее, и я не без удовольствия думал о том, как хорошо, что

жребий меня миновал и можно остаться под одеялом. Мой спутник тщательно застегнул доверху робу, натянул резиновые сапоги, двумя шагами пересек каюту и, ухватив ручку двери, бросил:

– Повезло вам! Спокойной ночи.

Спокойной ее, правда, никак не назовешь. Море расходилось настолько, что приходилось следить, как бы тебя не вытряхнуло на пол... Но вскоре усталость сморила меня. Работать на судне приходилось больше обычного: «Калипсо» вышел в море, едва закончив основной ремонт, так что уборка неумолимо добавлялась к вахтам. Сухопутным обитателям трудно вообразить, сколько тонн всякой грязи остается на корабле, вышедшем из дока. К счастью, мусор можно было сваливать прямо за борт, и мы с наслаждением делали это – что упало, то пропало!

Буря настигла нас в Ионическом море. Едва мы обогнули кончик итальянского сапога, как оказались во власти северного ветра, сорвавшегося со снежных вершин югославских гор. Стоял конец ноября 1951 года, зима выдалась лютый. «Калипсо» – бывший минный тральщик, переоборудованный в океанографическое исследовательское судно. Не знаю, свойство ли это всех минных тральщиков – кататься при волнении, словно яйцо по столу, но наш «Калипсо» владел им в совершенстве. К бортовой качке добавилась теперь и килевая.

Крепкий ветер вырывал в зеленой поверхности глубокие пропасти. Судно подобно упрямому насекомому ползло по волнам, ввинчиваясь в обезумевшую стихию между покрытыми пеной гребтами.

За ночь шторм разъярился еще сильнее, так что, когда утром я вышел из каюты, чтобы заступить на вахту, мне стало не по себе. Весьма неприятно было ощущать наличие отдельных органов: сердца, желудка и прочего. Вскрабавшись по трапу, я облокотился о планшир мостика с наветренной стороны и вскоре живительный воздух и бодрящая водяная пыль развеяли тягостное чувство.

Вахтенный офицер Саут стоял у руля. Крепко упершись короткими ногами в пол, положив руки на штурвал, он флегматично смотрел сквозь стекло, по которому хлестала вода, и лишь передвигал окурочек во рту. Вахта, собственно, заключалась в том, чтобы следить, как бы впереди или по борту не возникли вдруг огни встречного судна. Четыре часа надо было настороженно вглядываться сквозь почти непрозрачную толщу дождя и водяной пыли, сдуваемой с гребней волн. Зыбкое небытие вокруг таило угрозу, приходилось быть готовым в любую секунду совершить нужный маневр... К счастью, до сих пор не было ни огней, ни судов. Мы были одни в непроглядном мире, так что под конец напряженное бдение стало казаться ненужным и монотонным.

Окашиваемый ветром и водой, вцепившись в металл поручня, я составлял как бы одно целое с кораблем. Недомогание бесследно рассеялось, какой-то восторженный подъем овладевал душой при виде того, как маленький, приземистый «Калипсо» упрямо сопротивляется натиску враждебных стихий...

Зеленоватый отсвет габаритных огней слабо освещал бак. Бледный треугольник голых досок, по которому прокатывалась волна, то нырял вниз, в бездну, то усилием корпуса выпрямлялся и лез вверх по склону морской горы навстречу темной туче. Минутами казалось, что под килем – пустота и судно вот-вот провалится в нее. Сердце замирало. «Калипсо» кренился и таранил волну. Мощнейший «апперкот» сотрясал корабль, и тот замирал, словно боксер, натолкнувшийся на встречный удар противника. Но подобно крепкому бойцу на ринге «Калипсо» двигался дальше, не прерывая боя.

Ветер свистел в натянутых снастях, то свирепо завывая, то понижая тон своей странной партитуры. Иногда он вдруг опадал до невозможной тишины. Потом снова, как бы издали, слева, с севера, поднимаясь крещендо, ветер переходил в безумный галоп, заволакивая грохотом наш крохотный – размером с палубу – мир.

Вахтенный обязан заносить в судовой журнал все происшествия, случившиеся за время его дежурства: встреченные суда, острова, мысы, огни, приметные места на берегу, изменения курса и скорости, работу машин, отклонения гироскопа от ориентировки по

Полярной звезде... На морскую карту, похожую внешне на негатив обычной карты, – моря там испещрены надписями, а континенты пустые – наносятся координаты судна. Вся эта кропотливая работа скрадывает однообразие.

В нашу вахту, если не считать шторма, ничего примечательного не случилось... В конце каждого часа матрос пробирался на корму, смотрел показания лага и заносил цифры в журнал. Лаг – чудесный маленький прибор из красной меди, представляющий собой ротор с винтообразными лопастями, приводимыми во вращение набегающим потоком воды. Чем быстрее идет судно, тем быстрее вращается лаг, а значит, и счетчик, прикрепленный к планширу. Скорость хода и пройденное расстояние меряются относительно воды и, естественно, нуждаются в коррективах, учитывающих течение и качку. Но в штормовую ночь, когда не видно ни звезд, ни береговых огней, приходится полагаться только на лаг.

Корма не имела релингов, на юте были протянуты тросы, за которые приходилось цепляться, чтобы не смыло за борт. Ухватившись за трос, мы склонялись над маленьким циферблатом счетчика в двух метрах над кипящей поверхностью – дивное ощущение... Волна вдруг вспухала, готовая вот-вот поглотить нас. Поход к лагу и возвращение назад доставляли удовольствие, сравнимое только со скалолазанием. Мы быстро освоили технику этих хождений, главное – надо было научиться предвосхищать момент «взбрыкивания» судна перед таранным ударом встречной волны; тогда достаточно было крепко упереться в палубу, а в короткий миг, когда наступало равновесие, большими прыжками, расставив руки, мчаться дальше.

В ту ночь мне так и не удалось совладать с морской болезнью. К концу третьего часа вахты я с трудом держался в штурманской рубке, навалившись животом на высокий стол с выложенными лощиями и судовым журналом, ухитряясь заносить туда цифры в промежутках между падениями. То и дело приходилось бросать карандаш и кидаться к борту... Мерзкое ощущение, следующее за физическим облегчением, горькие упреки за то, что не смог сдержаться...

Кончив вахту, спустился по мокрому трапу в коридор, где меня начало больно швырять от стенки к стенке. Дождавшись, когда пройдет волна, успел проскользнуть в каюту и захлопнуть дверь. Сердце отвратительно подпрыгивало.

– Шербонье, ваша вахта!

Сбросив промокшую робу, кулем свалился на койку.

– Кажется, погодка не очень?

Шербонье – один из редких людей на борту, не переживший ни единого приступа морской болезни за все двухмесячное плавание. Он деловито спрыгнул со своего ложа, успев по пути зажечь сигарету. За три дня ожесточенной работы на борту Шербонье сбросил избыток жира, накопленного за время сидячей работы в лаборатории, и вновь обрел фигуру двадцатилетнего парня.

Мой спутник вышел. Я закрыл глаза, силясь успокоиться и забыться. Не тут-то было: приходилось цепляться правой рукой за ребро койки, чтобы сохранять равновесие и не выскочить при толчке на пол. Какой уж тут сон!

Приоткрываю один глаз. Шербонье забыл выключить свет в ванной, и теперь видно, что висящая напротив одежда качается вправо-влево, вправо-влево. Зажмуриваю веки, но искушение слишком велико – вновь разлепляю левый глаз. Тени безжалостно раскачиваются из стороны в сторону, и это уже не одежда, длинная роба и брюки, отвердевшие от соли, качается подобно маятнику громадного ватерпаса. Это ходят стены кабины, тридцать градусов влево, сорок градусов вправо... Глаз не слушался осовевшего разума: призрак цвета хаки на вешалке без устали ходил по белой стене туда – обратно, туда – обратно. Много раз я закрывал веки, пытаясь избавиться от дьявольского наваждения, но, как нельзя не касаться языком больного зуба, так и я не мог не смотреть на этот осциллоскоп, от которого замирало сердце.

Часам к пяти утра рокот моторов вдруг начал стихать, а потом совсем смолк... Странное затишье сменило грохот. За три дня стук и стрекотанье дизелей сделались для нас

такими «свойскими», что мы перестали их замечать, а теперь явственно слышалась тишина.

Двигатель стал!

Килевая качка тотчас прекратилась. Зато бортовая разошлась настолько, что одежда в кабине подлетала почти к потолку. Неуправляемое суденышко развернуло бортом к волне, и короткие, злые волны Средиземноморья, почувствовав власть, начали играть «Калипсо» словно пробкой, угрожая вот-вот опрокинуть. Не требовалось быть морским волком, чтобы оценить серьезность положения.

«Наверное, надо помочь на палубе, – сказал я себе – Схожу посмотрю».

Упершись локтями и коленями в раму койки, я с трудом удерживал равновесие. Резкий удар швырнул в просочившийся на пол рассол все вещи, которые не были жестко закреплены. Стукнув меня по ногам, пара книг, камера «Роллефлекс» и металлическая коробка со счетчиком Гейгера-Мюллера присоединились к уже плававшим внизу грязным ботинкам, размокшим сигаретам, зубным щеткам и фонарикам.

Встать? Бежать на помощь? Конечно... Но на что я гожусь, высосанный, почти уничтоженный тошнотой?

Внезапно «Калипсо» качнуло так, что я решил – все. В мозгу слабо простучало: «Надо бы натянуть брюки, а то море холодное...» Усилие показалось сверхчеловеческим. «А, черт с ними! Будь что будет». По крайней мере кончатся мерзкие мучения...

На юте окатываемый пеной Кусто руководил аварийным маневром: экипаж монтировал плавучий якорь, чтобы дать судну продержаться до того, как починят двигатель. Засорились инжекторы дизеля – в узенькие трубочки забились грязь, поднятая штормом со дна мазутного резервуара. Упираясь локтями, а то и лбом в трубы, Монтюпе и Леандри вскрывали двигатель, прочищали форсунки и ставили их на место. Плавучий якорь выбрасывают на прочном тросе за борт, он погружается вертикально одним концом в воду и не дает судну сильно дрейфовать. Это своего рода горизонтальный парашют, уменьшающий шанс опрокидывания.

Даже в обычное время ют «Калипсо» выступает всего на два метра над водой. А в эту ночь он выглядел мостиком подводной лодки. Вымокшие насквозь, пристегнувшись к тросам, чтобы не смыло волной, люди связывали балки и рангоутное дерево. Ветер крепчал все больше и больше, сорокаметровое судно казалось щепочкой в ладонях пенистых гребней.

Больше часа экипаж вел бой на два фронта: механики – в темном трюме, глотая тошнотворный запах горелой солярки, а моряки и «ученые» – на палубе, сдирая в кровь руки и с трудом шевеля одеревенелыми от холода пальцами. Времени не было, любая минута могла стать последней... «Калипсо» держался. Волны понапрасну ярились, пытаясь опрокинуть его. Однако мы понимали, что чудо, как всякое чудо, не может длиться вечно.

Плавучий якорь наконец был готов. Теперь предстояло поднять и сбросить за борт деревянную махину в полтонны весом. Люди, собираясь с силами, на мгновение выпрямились, и в эту секунду сквозь завывание ветра послышался мощный утробный рокот моторов.

Морской бульвар

Четыре утра. Желтые огни города мигают словно звезды на далеком небосклоне. К нам подходит катер почти такой же длины, как «Калипсо», оттуда поднимается по трапу лоцман, и судно отваливает. Мы движемся на самом малом среди созвездий – неподвижных грузовых и пассажирских кораблей. Фредерик Дюма ведет нас, подчиняясь указаниям египетского лоцмана. Тот одет в светло-голубой форменный плащ, на голове аккуратно сидит красивая фуражка. Позади них – наш капитан с вклокоченными волосами, в плаще, надетом прямо поверх пижамы. Двое исхудалых, одетых черт знает как французов забавно выглядят в соседстве с подтянутым египтянином...

Лоцман явно не доволен таким неглижированием. Губы Дюма морщатся при каждом

резком замечании – лоцман, по-видимому, принял его за простого палубного матроса, а маневрировать в Суэцком канале очень и очень непросто.

Мы провели полных два дня в Порт-Саиде, где пришлось чинить нанесенные штормом повреждения. К счастью, авария была несерьезной. Пострадал главным образом отсек, который мы называли «фальшивым носом», – внешняя обшивка из толстого листа вокруг форштевня. Между ней и корпусом оставалось свободное пространство, заканчивавшееся нишей. В этом углублении, находившемся в двух с половиной метрах ниже ватерлинии, были проделаны пять иллюминаторов, расположенных в форме креста. Лежа там, человек получал великолепный обзор подводной жизни как во время хода, так и при стоянке судна.

Никогда не забуду дивного зрелища, открывшегося мне в Тирренском море, когда я улегся в этом фальшивом форштевне. Буквально в метре промчались четыре роскошных дельфина, словно подводная квадрига, в которую был запряжен «Калипсо». Гладкие бока серебрились в прозрачной воде. Маленькие живые ракеты мчались с поразительной скоростью. По очереди они поднимались к поверхности, прорезали ее и исчезали на мгновение в ртутных брызгах, словно растаяв в атмосфере, а после прыжка вновь соскальзывали в глубину к собратьям.

Во время бури в фальшивый нос набралась вода. На следующий день после шторма, когда мы остановились на краткий отдых в закрытой бухте на южном берегу Крита, Дюма полез посмотреть, что стало с нашим «аппендиксом». Еще в Тулоне это нововведение вызвало нарекания специалистов. Они дружно пророчили: «Ваша система долго не протянет. Потечет при первом ударе. Уменьшит скорость». Первый же день плавания принес успокоение: потери скорости были неощутимы, судно легко делало свои двенадцать узлов. Зато по части крепости сомнения оставались.

Итак, Дюма полез вниз, взяв в зубы наргиле – подобие усовершенствованной водолазной маски; воздух в нее подается под давлением через резиновый шланг, а наконечник ныряльщик держит в зубах, напоминая со стороны курильщика турецкого кальяна.

Пять долгих минут мы стояли, сгрудившись наверху, с беспокойством ожидая результата. Наконец Дюма влез по мокрому трапу, разжал челюсти, выпуская загубник наргиле, и объявил, что вода внизу держится на уровне ватерлинии.

– Фальшивый нос прохватил насморк, – сострил Шербонье, потряхивая растрепанной шевелюрой.

Течь оказалась незначительной: просто в месте крепления стойки к фальшивому форштевню разошелся плохо сваренный шов. Однако из-за этой щелки пришлось двое суток простоять в Порт-Саиде.

Канал... Ровный и гладкий водный бульвар выглядит автострадой, проложенной по песчаной пустыне. На западном берегу, правда, пустыня подступает не сразу: параллельно каналу идет железная дорога и асфальтированное шоссе. Песок начинается дальше. Зато на восточном берегу рыжие дюны подходят прямо к воде.

Это один из редких уголков мира, где можно видеть на одной версте автомобиль последней марки, паровик, океанское судно и караван одногорбых верблюдов. Средства передвижения как бы располагались по убывающей скорости с запада на восток...

Мы шли мимо развороченного пути, вагоны и платформы валялись под откосом.

Подобного не приходилось видеть с 1944 года. Во мне еще живы воспоминания о том, как с бьющимся от радости сердцем мы закладывали взрывчатку под рельсы и потом слушали взрывы в ночном лесу, уходя от немецкой облавы. Но здесь вид разрухи не вызвал ничего, кроме горечи...

«Калипсо» явно интриговал экипажи других судов. Станный облик: то ли военный тральщик, то ли прогулочная яхта, сверкающая белизной краски, которую мы усердно накладывали трое суток подряд; разношерстный экипаж: представительный капитан, облачившийся по случаю официальных визитов на берегу в форму капитана 3-го ранга, несколько типичных морских волков (Саут, Бельтран и Монтюпе), а рядом какой-то сброд.

Живописные существа – кто в шортах, кто во фланелевых брюках, а кто и просто в плавках. Со стороны было видно, что на палубе царят сверхдемократические порядки: скажем, вот этот бородач, весь вымазанный белой краской да еще с кистью в руке, запросто болтает с самым капитаном! Есть от чего прийти в изумление чинным офицерам соседних судов. А тут еще совсем непонятный фальшивый нос...

Будучи объектом любопытства других экипажей, сами мы с живейшим интересом глазели на стоявший по левому борту норвежский сухогруз, где на палубе появились две очаровательнейшие пассажирки. При виде их на «Калипсо» сразу возник разговор о потенциальной опасности для пловцов со стороны акул. Было рассчитано, что вплавь до «норвежца» можно добраться за две минуты, так что спор заключался в том, решатся ли акулы за столь короткое время напасть на человека... Однако молодых океанографов удержали на борту не акулы и не полное незнание языка очаровательных пассажирок, а прозаическая грязь, пластами плававшая вокруг. Геллеспонт, в воды которого окунался лорд Байрон, был, несомненно, куда чище...

Занимался день, когда мы прошли канал. Справа подымался массивный откос розоватого цвета, удаляясь, насколько хватало глаз, на юго-восток; то была гигантская стена дикого камня, окаймляющая Африканский континент.

И Суэцкий залив, и Акабский, врезанный в сушу с другой стороны Синайского полуострова, и Красное море, куда мы держали путь, – все эти длинные морские желоба образовались в результате грандиозного катаклизма, изменившего лик Земли.

В эпоху, которую геологи именуют третичным периодом, каких-то несколько миллионов лет назад (а возраст затвердевшей Земли исчисляется примерно в три с половиной – четыре миллиарда лет), земная кора раскололась от гор Таурус в Турции до озера Ньяса в Африке, от 35–36° северной широты до 20° южной. На протяжении около шести тысяч километров вдоль 35-го меридиана тянется зигзагом колоссальный разлом. Этому гигантскому сбросу соответствует подъем такого же порядка, вознесший на тысячи метров вверх морское дно, лежавшее прежде на километровых глубинах. Так возникла гирлянда гор, тянущаяся от Альп до Гималаев в одном полушарии, и Кордильер с Андами в обеих Америках.

Что же послужило причиной столь грандиозного смятения на земной поверхности?

С тех пор как двести лет назад Гораций-Бенедикт де Соссюр заметил, что вершины высочайших гор несут морские отложения, было сделано немало попыток объяснить этот феномен. Вначале считалось, что своей складчатостью земная кора обязана охлаждению поверхностного слоя; гипотеза, однако, натолкнулась на серьезное возражение: если поверхностный слой Земли охлаждается, выпуская калории в межзвездное пространство, он, безусловно, должен был остыть больше внутренней части. Объем же последней не меняется, поэтому поверхность не могла сморщиться наподобие засохшего яблока. Кстати, одна из недавних теорий гласит, что Земля отнюдь не охлаждается, а, напротив, нагревается под действием радиоактивности скальных пород, и идея общего или частичного нагрева позволяет так же строить тектонические теории.

Другая гипотеза имела колоссальный успех и вызвала яростную полемику: речь идет о теории дрейфа континентов. Сформулированная еще в 1859 году Шнайдером-Пеллегрини, она получила известность лишь после того, как в 1915 году ее развил геофизик Альфред Вегенер. Согласно этой теории, разработанной в дальнейшем Эмилем Арганом (1922 г.), на планете существовал первозданный континент Пангея, плававший на подстилающем слое расплавленных пород; потом он разбился, и его отдельные части пустились в плавание – обе Америки к западу, Индостан и Австралия к востоку и, наконец, Антарктида к югу.

Дрейфуя, эти континенты своей массой спрессовали толстые слои осадочных отложений, скопившихся в результате эрозии в морских желобах на окраинах континентов. Сжатие достигло со временем такой силы, что первоначально горизонтальные слои сморщились, наложились друг на друга и в конце концов колоссальным давлением были подняты с морского дна, иногда – как в гималайской цепи – до десяти километров ввысь.

Естественно, что параллельно этому процессу шел и обратный: в других местах в результате дрейфа континентов земная кора растягивалась настолько, что давала трещины. В результате образовались горные цепи и гигантские провалы, подчас в несколько тысяч метров глубиной.

Такова вкратце схема, предложенная сторонниками гипотезы мобилизма, то есть движения континентов. Как раз по одной из таких закрытых морем трещин шел сейчас «Калипсо».

Возможно, эти деформации как-то связаны с конвекционными движениями в толще расплавленных пород мантии, на которой покоится (или плавает) кристаллическая кора Земли. Часть ученых полагает, что внутреннее «подкорковое» вещество относительно твердое, однако большинство сходится на том, что оно вязкое и под воздействием колоссального давления больших глубин способно течь. Перепад температур, безусловно существующий на разных ее уровнях или даже в различных местах одного уровня, порождают течения, обладающие фантастической мощностью; они без труда поднимают, втягивают, мнут или ломают корку поверхности. Наш земной покров очень тонок: от силы 50–60 километров, меньше одной сотой радиуса Земли. На глобусе радиусом в метр толщина земной коры окажется менее сантиметра, а Эверест там будет выглядеть жалкой крохой... Зато на том же глобусе вязкая мантия займет пространство в сорок пять сантиметров вокруг таинственного ядра нашей планеты.

Нас, однако, интересует в первую очередь именно то, что происходит в этой смехотворно тонкой коре, на которой мы обитаем. Поэтому в отличие от товарищей по «Калипсо», радостно ждущих начала работ в Красном море, где им предстоит изучать флору и фауну, я с не меньшим восторгом ожидаю встречи с большими разломами – свидетелями грандиозных происшествий в земной коре. Местами сквозь трещины там изливалась вулканическая лава, и я надеюсь, что за два месяца мне удастся увидеть какие-нибудь новые следы гигантского феномена.

Среди коралловых рифов

Пройдя пролив Джубал, мы взяли курс на маяк рифа Дедал посреди Красного моря. Солнце укладывалось за раскидистыми фиолетовыми горами. Полоса неба, выпиленная зубьями скал, перешла из ярко-оранжевой в пурпур. Обозначилось серо-стальное облако, подсвеченное ореолом расплавленного золота, а громадные снопы света и тени просачивались, чередуясь, сквозь индиго небосвода. Постепенно над горизонтом поднималась дымка, незаметно для глаза сгущавшаяся от сиреневого к фиолетовому, а еще позже на море упала тьма. Звезды сверкали, как в морозную ночь, хотя никакого мороза не было. Дул ласковый теплый ветерок, и судно шло, покачиваясь, по черной воде...

Аравийский берег мы заметили утром, часов около девяти. Параллельно берегу, закрытая легкой кисеей, прослеживалась далекая горная цепь, слегка вырисовывавшаяся на бледном горизонте.

Еще час спустя мы были уже в трехстах метрах от низкого пустынного берега; развернулись, забирая круче к северу, к коралловым рифам. Ихтиологи приготовили сосуды для первых образцов.

Берег был в кабельтове: песок, бесцветные камни, жалкие пучки пепельной травы. Несколько верблюдов, трое бедуинов, возможно следивших за нами уголком глаза, не поворачивая головы.

Я отсиживал вахту в «вороньем гнезде». Рифы, меж которыми мы петляем, очень маленькие. Они не открываются, то есть вода покрывает их целиком. Одни из них легко угадываются по белым барашкам разбиваемой волны, другие можно различить только по изменению окраски моря. Эхолот – плохой помощник в таких местах: стены рифов отвесно обрываются, так что прибор сигнализирует об опасности слишком поздно. Сейчас, когда

солнце светит с нужной стороны, распознавать подводные «надолбы» довольно легко.

– Эге! Рифы, десять градусов слева! Три мили! За время плавания мы успели овладеть морскими мерами. Сажень (1,82 м) – это расстояние между кончиками пальцев раскинутых рук человека хорошего роста; кабельтов – 120 саженей, около 200 метров; миля соответствует одной минуте широты, то есть 1852 метрам... Судно идет самым малым против довольно сильного северо-восточного ветра; он бьет в лицо, полощет штанины. А спину буравит солнце.

– Эге! Рифы прямо по правому борту! Чуть дальше остальных!

Первый риф уже явственно виден, похожий на зеленого ската в темно-синей воде. Медленно подходим вплотную. Зеленая линия вытягивается в эллипс, становится изумрудной маленькой прерией, окаймленной белой пеной рассекающихся волн.

Между двумя подводными глыбами обнаруживается проход метров в сто. Машины работают на малых оборотах. Будем бросать якорь здесь? Невдалеке против ветра с трудом движется баркас под треугольным парусом. Он скроется из виду не раньше чем через несколько часов, а мы не можем себе позволить глушить динамитом рыбу на глазах у всех... В бинокль прекрасно видны трое арабов в белых одеяниях и огромных тюрбанах, сидящих на корточках вдоль борта узкого баркаса. Суденышко глубоко зарывается в провалы между волнами, но каждый раз исправно выпрямляется. Они явно наблюдают за нами: что делают здесь эти румы?¹ Слегка увеличиваем скорость, проходим рифы и поднимаемся дальше к северу, где на горизонте полно белых черточек новых рифов. Четверть часа спустя из своей корзины вижу зеленый кружок, о который ломаются волны. Темные водоросли колышутся на поверхности. Мы уже совсем близко. По-моему, пора останавливаться, но Кусто медлит... Стоя на мостике, пригнувшись к переговорной трубе, он спокойно отдает команды рулевому:

– Десять направо!

Судно слегка отклоняется вправо. Мы идем, нет, ползем к рифу. Сквозь прозрачную воду отчетливо вижу светлую скалу, ошестинившуюся ракушками. Неужели не остановимся?

– Стоп правый!

«Калипсо» почти разворачивается на месте. – Стоп все моторы!

Вахтенный уже пять минут ждет следующего приказа. Кусто выпрямляется и бросает:

– Отдать якорь!

Бельтран обеими руками отпускает тормоз. Цепь, увлекаемая тяжелым якорем, грохочет в клюзах.

Нельзя не залюбоваться в кристально чистой воде густыми коралловыми деревцами, живыми полипами, нежно окрашенными в лиловое и белое.

Довольно трудно вообразить себе, что эти кораллы – живые существа. Они принадлежат к классу беспозвоночных животных типа кишечнополостных, куда входят и медузы; так же как и они, коралловые полипы желеобразны, мягки, прозрачны. Но в отличие от медуз они наделены твердым известковым скелетом и не плавают, а живут, как правило, в одном месте мощными колониями из тысяч и тысяч слепившихся особей. Для этих хрупких существ требуются хорошие условия: температура от 18 до 34 градусов, высокая прозрачность воды с соленостью от 27 до 40 ‰. Вот почему колонии полипов – строителей рифов встречаются лишь в полосе между тропиками Рака и Козерога и вдали от устьев рек.²

Отдельные разновидности способны жить почти на стометровой глубине, но наилучшего развития достигают колонии, существующие не глубже 40 и даже 25 метров. Это обусловлено чистотой воды, насыщенностью кислородом и наличием пищи – микроскопического планктона. Аэрация и обновление зависят от приливов и течений,

¹ Производное от слова «римляне» – арабское наименование европейцев.

² Красные кораллы, идущие на ювелирные изделия, не строят рифов. Встречаются лишь в отдельных местах Средиземного, Черного и Желтого морей.

поэтому наиболее активный рост кораллов происходит на внешних краях рифа.

Сами рифы образованы тысячелетним нагромождением известковых скелетов миллиардов полипов, к которым добавляются раковины моллюсков; масса скрепляется известковыми останками водорослей. Сооружение может достигать колоссальных размеров как в глубину (при бурении на атолле Фунафути в Тихом океане щуп не достиг скального основания, пройдя триста метров ископаемых кораллов), так и на поверхности (некоторые колонии занимают до ста морских миль в диаметре).

Следует различать несколько типов рифов. Бахромчатые или окаймляющие рифы – это коралловые образования, тянущиеся вдоль побережья континента или острова. Если же риф отделен от берега более или менее широкой и глубокой полосой воды, его называют барьерным; самый знаменитый из них – Большой барьер у северо-восточного побережья Австралии. Наконец, существуют атоллы – кругообразные сооружения, диаметр которых колеблется от нескольких десятков саженей до двухсот километров. Почти все они разбросаны в Тихом океане; Красное море насчитывает едва три-четыре атолла. Структура их весьма любопытна: пояс звездчатых едва выступающих из воды кораллов-мадрепор, на которых трепещут по ветру кокосовые пальмы, а внутри пояса – лагуна обычно глубиной порядка 25–50 саженей. Ровное дно лагуны покрыто коралловым илом и щетинится тысячью коралловых отростков. Зато в сторону моря рифовый пояс обрывается иногда почти вертикально на абиссальную глубину.

Своим происхождением атоллы обязаны вулканическим опусканиям. Об этом говорит и кругообразная их форма, и обилие вулканов в Тихом океане, где нет скалистых островов другого происхождения. Но поскольку колонии полипов не могут развиваться ниже 60 – 100 метров, между тем как толща мертвых кораллов уходит на куда большую глубину, образование рифов, по всей видимости, началось в то время, когда вулканы еще выступали над поверхностью моря. По мере того как вулканы опускались под воду, рост продолжался. Здесь друг другу противостоят две теории: согласно одной, вулканические острова медленно погружались в пучину океана; согласно другой, поднимается океаническое дно. Последнее объяснение мне представляется более доказательным. В Индийском океане и Красном море (являющемся по существу его заливом) кроме бахромчатых рифов встречается довольно значительное количество очень маленьких круглых рифов – столбов с отвесными стенами, уходящими на головокружительную глубину. Там рост кораллов противостоял подъему воды, и вместо вулканического цоколя, вполне вероятно, колонии полипов начали развиваться на вершущах холмов, когда море в древности начало заливать долину.

Двое ученых подтаскивают ялик к краю планшира и мощным усилием сбрасывают его за борт. Кусто и его верный собрат по погружениям Дюма спускаются вниз, и посудина отваливает.

Первая разведка, перед тем как приступить к основной цели экспедиции – изучению подводной части коралловых рифов.

Надев маску и взяв в рот загубник, Кусто уходит в воду, ялик следует за ним. Через короткое время они с Дюма торопливо карабкаются на борт. Кусто весь сияет:

– Неописуемо! Не-о-пи-су-е-мо! Потрясающе! Все, что мы видели в Средиземном море и даже в Гвинейском заливе, – дребедень!

Из темной фотолаборатории появляется Эрто:

– Ну, что там, Жак, действительно красиво? Только не говорите, что это не-о-пи-су-е-мо...

Уж он-то хорошо изучил своего друга Кусто!

– Именно так, старина! Не-о-пи-су-е-мо!

– Что конкретно?

– Все! Безумные краски всех оттенков... Коралловые цветы немыслимой формы. Представьте: лепесток два метра в диаметре, толщина – едва сантиметр, лежит на черешке, а под ним, в тени – сонм дивных рыб! Неописуемо...

Ялик снова отваливает. На веслах сидит Дюма, загорелый до черноты мощный торс

делает его похожим на бербера. На корме с большим достоинством восседает Шербонье, вооруженный сачками, на носу изготовился с гранатой Дюма. Под обрывом, там, где риф круто уходит вниз, Кусто засек наиболее сильное скопление. Свесившись через борт, Дюма всматривается в прозрачную воду. Ялик подходит еще ближе, и Дюма бросает свою бомбу. Тупой удар взрыва чувствуется сквозь корпус судна, вверх взлетает фонтан... Ялик подсакивает на волнах, расходящихся вокруг рифа. Несколько секунд ожидания, и вот брюхом вверх всплывают первые рыбы.

Мы с палубы «Калипсо» дружным хором даем указание ялику:

– Вон, вон! Да нет, сзади! Левее... Еще! О, потрясающе!

Конечно, подобная ловля далека от спортивной охоты и не оставляет рыбе ни единого шанса на спасение, но в данном случае цель оправдывает средства. Нам нужно добыть малоизвестные экземпляры здешней фауны. Красное море очень глубокое и почти закрытое: оно соединено с Индийским океаном узким Баб-эль-Мандебским проливом, через который циркулируют лишь поверхностные слои. Вода в море ультрапрозрачна: оно окаймлено с обеих сторон песчаными пустынями, и ни одна река не загрязняет его своими наносами. Температура более высокая, чем в остальных морях: оно лежит в одном из самых горячих районов земного шара.

Ялик возвращается и вываливает на палубу «Калипсо» богатейший урожай. Тут и обычные рыбы – серые, голубоватые, серебристые, но гораздо больше рыб необычных – плоских, каплеобразных, вытянутых, дискообразных, необычайно ярко разукрашенных в карминные, синие, оранжевые, охряные, бархатисто-черные, хромовые, малахитовые цвета, одетых в киноварь и пурпур... На теле – мелкие точки и крупные пятна, зебровидные полосы. Вот маленькая зеленая рыбка, покрытая черными, голубыми и красными полосами, с полуоранжевым-полужелтым хвостом...

При виде этого зрелища Дюма теряет свою обычную флегматичность, а наш инженер Жан де Вутер забывает о своей уже ставшей на борту легендарной сдержанности. Весь экипаж столпился на палубе и ахает от восторга. Единственно, кто не реагирует на красоты диковинного улова, – это наши деловитые биологи Шербонье и Мерсье-Леви. Они сосредоточенно выуживают образцы, методично раскладывают их, фотографируют, после чего заключают в склянки или опускают в большой молочный бидон со спиртом...

Абу-Латт

В Джидду мы прибыли под вечер, не прибегнув к помощи лоцмана, а пройдя «слаломным» курсом а ля Кусто внушительный барьер параллельных рифов. Встреча была не очень приветливой... Споры с таможенниками, бесконечные переговоры с властями (Дюма успевает истощить весь запас арабских слов), запрещение сходить на берег до прохождения медосмотра (который должен состояться лишь на следующий день). Все эти придирки – результат того, что мы пренебрегли услугами лоцмана...

Джидда – это внешние врата святого города ислама, Мекки, коммерческий, консульский и дипломатический центр, единственный во всем Аравийском королевстве город, где позволено жить немусульманам. Столица Саудовской Аравии Эр-Рияд лежит в глубине пустынного континента.

Джидда – узкий порт среди царства песка и скал. Корабли бросают якорь далеко на рейде перед грядой окаймляющих рифов. Город разбит на невысоких холмах и своими минаретами, поднимающимися среди старинных многоэтажных домов, не обманывает надежд путешественников: это действительно ворота в легендарный Восток...

Увы! Когда мы наконец ступили на берег, сказочный флер «Тысячи и одной ночи» мгновенно исчез, уступив место бетонному «модерну», громадным американским автомобилям и вездесущей рекламе: сквозь вязь арабских букв явственно лезло в глаза «Пейте кока-колу!»... Среди этого уродливого наспех возведенного «модерна» старинные

дома с частой деревянной решеткой на окнах, ажурной резьбой и тяжелыми обитыми гвоздями дверями выглядели смиренными свидетелями былого величия.

Аравия, священная земля ислама, всегда была закрыта для «неверных». Торговля с ними шла через прибрежные города – Янбо, Джидду, Эль-Кунфиду. Внутреннюю часть полуострова занимает бескрайняя выжженная солнцем пустыня, по которой рассыпаны оазисы и редкие колодцы. Растительность представлена пучками жесткой травы и верблюжьей колючкой. Кочевые племена пустыни до последнего времени сохраняли свой собственный уклад жизни.

После первой мировой войны здесь неподалеку от Персидского залива нашли нефть. Сейчас нефтеносные скважины, где добычу ведет американский концерн «Арамко», приносят королю Саудовской Аравии сотни миллионов долларов в год отчислений. Ничего удивительного нет поэтому, что вслед за автомобилями, холодильниками и транзисторами, консервами и подслащенными напитками все убожество коммерческих аванпостов Запада проникло в Аравию. До сего времени король оставался непреклонным, и «цивилизация» не продвинулась дальше отданной на растерзание Джидды. Как только кончается асфальт и начинаются пыльные закоулки старого города, исчезают и зазывные рекламные щиты. Дальше идет пустыня.

Мы совершили по ней короткую экскурсию на вездеходе, принадлежащем молодому симпатичному и увлеченному своим делом французскому консулу. Он повез нас по дороге на Медину прилегающей к морю долиной. Вскоре мы свернули на восток по сухому руслу реки. Оно тянулось добрых пятьдесят километров среди рыжих гранитных гор, выступавших из золотистого песка, потом начались головокружительные откосы черного базальта. Верста за верстой мы обгоняли тягучие караваны – извечные мирные вереницы терпеливых верблюдов. Иногда сбоку открывался оазис, похожий на зеленеющее чудо.

Так мы доехали до условной границы вокруг Мекки, которую строжайше запрещено преступать «неверным». По обе стороны новой мощеной дороги, связывающей Джидду со священным городом, выставлены большие щиты, где по-арабски и по-английски объявлено о запрете. В пустыне же никаких знаков, указывающих о приближении к святыне, нет. Но в глазах местных фанатиков это не оправдание. Консул Лоссак прекрасно осведомлен об этом, поэтому мы поворачиваем на юг, затем на запад... и все-таки въезжаем в опасную зону.

Мы получили на эту экскурсию официальное разрешение, данное Кусто министром иностранных дел. Капитан также просил допустить нас на двести километров в глубь территории, но не здесь, а дальше к югу, на уровне 20-й параллели. Мне очень хотелось осмотреть тянущуюся параллельно морю горную цепь, по всей видимости окаймляющую одну из больших трещин, входящих в систему грабена.³

Кусто получил разрешение и на это, поэтому я заранее радовался перспективе двухнедельной экспедиции для изучения неведомого доныне района. Легкость, с какой было дано согласие на обе просьбы, навела меня на мысль, что миллиарды долларов, потоком вливающиеся в эту богатую нефтью страну, несколько смягчили отношение к чужеземцам. Позже мне суждено было убедиться в своем заблуждении.

В восемь утра, подгоняемые свежим северо-западным бризом, мы шли на юг к большому скоплению рифов Фарасана. Эта банка шириной в двадцать лье протянулась больше чем на 500 километров почти от самой Джидды до Баб-эль-Мандеба.

На морской карте видны бесчисленные точки рифов, россыпи атоллов, собранные в семейства или разделенные глубокими проливами, подчас в сто, двести саженей, даже больше... Одних выдают буруны, другие предательски скрыты водой... Местами среди мельтешения цифр и крохотных кружочков вдруг зияет белое пятно, помеченное таинственными словами: «Очень опасно», «Опасные рифы, глубины непроходимы для судов» или «Замеры не проводились».

³ «Грабен» (нем.) и «рифт» (англ.) – термины, которыми геологи обозначают большие разломы земной коры.

Мы плыли как раз по одному из этих пятен; странно, но оно ничем не отличалось от прочих мест. – Прямо по курсу – риф!

С палубы зеленоватая граница еще не видна, ее заметил вахтенный с мачты. Кусто сбавил ход. Капитан решил повторить вчерашнюю операцию с динамитом. Однако прежде следует разведка. В поисках места для якоря судно придвинулось почти вплотную к кромке рифа. Впечатляющая близость! Свесившись через борт, мы, казалось, дотягивались до ветвистых или круглоголовых кораллов. Но то была иллюзия: колонии не достигали нескольких футов до поверхности кристальной воды. На сей раз в воду ушли четверо в сопровождении моторной шаланды. Сверху пловцы являли презабавное зрелище: распластавшись на животе, раскинув ноги в голубых ластах, выставив наружу зады и вертикальные столбики дыхательных трубок, они прилежно смотрели вниз.

– Эге! Акула!

Де Вутер засек ее с мостика. Гибкое мощное тело рыскало возле «Калипсо». Тревога! Мы заорали во все горло вслед за де Вутером... Но пловцы нас не слышали. Акула меж тем кружила возле судна, не думая уходить. С одной стороны, конечно, заманчиво поспинать ее, но вдруг она не одна? Надо спустить ялик, предупредить товарищей... В ту же секунду они разом повернули и, яростно работая ластами, понеслись к шаланде. В следующее мгновение они уже переваливали через борт. Мы облегченно вздохнули.

Оказывается, их напугала вторая акула, нацелившаяся на Кусто.

– Что и свидетельствует о ее неопытности, – заметил каш капитан, отличающийся, как известно, крайней худобой.

Не дойдя какой-то сажени до ныряльщиков, хищник отклонился от линии атаки, подтвердив тем самым наблюдение, что акулы нападают, лишь сделав несколько разведочных кругов возле жертвы. Зато сколько волнений!

– Подруга вовремя осознала свою ошибку, – заключил Кусто.

Мы двинулись на малой скорости курсом на юг. Не прошло и пяти минут, как глухой удар потряс корпус. Судно остановилось.

Сели!..

Так и есть: в восьми саженях ниже поверхности торчал риф, на который наскочил «Калипсо». Вокруг, насколько хватало взора, простиралась голубая безбрежность. Полное, слишком полное одиночество...

Спустили на воду шаланду, бросили ей буксир, и она всеми слабыми силенками своего подвесного мотора принялась стягивать корабль с рифа. К счастью, мы находились с подветренной стороны, и волна подталкивала нас в нужную сторону. Ходовая скорость была мала, так что мы застряли не очень крепко, и через какое-то время судно вновь оказалось на плаву. Гора с плеч! Саут невозмутимо занес в вахтенный журнал: «09.40. Пощупали риф».

Поставив второго впередсмотрящего, ощупью двинулись к Абу-Латту.

Абу-Латт – небольшой островок на банке Фарасан, значащийся в лоции и на геологической карте как вулканический. Следовательно, это самый северный вулкан Красного моря, наименее удаленный от Джидды, где мы заправлялись водой и продовольствием. Правда, моим коллегам на борту не было особого дела до того, вулканический ли остров или нет, их интересовала биология моря. А Кусто, к сожалению, пришлось потратить слишком много времени на дипломатические и светские приемы в Джидде, так что времени добираться до южных вулканов не осталось. Он выбрал для меня поэтому самый близкий, дабы я не уехал без своей порции лавы!

Вулкан, даже потухший, представляет для меня интерес. Можно определить время, когда он угас. Прекращение же активности связано с другими тектоническими процессами, поэтому важно установить причину вспышки и угасания вулканизма. В данной науке, насчитывающей менее ста лет, оригинальное наблюдение способно дать ключ ко множеству загадок.

Впереди показался маленький обрубленный конус, похожий на рисовое зернышко, положенное на линию горизонта – Абу-Латт. Вскоре по обе стороны конуса возникли низкие

берега. И наконец остров выплыл целиком. Его размеры было трудно определить, ибо вокруг не было ни единой точки отсчета: ни одинокой пальмы, ни человеческого жилья. Два усеченных конуса, один побольше, другой поменьше, подымались над низко сбегавшим к воде берегом. Когда мы подошли совсем близко, вокруг острова стал виден зеленый пояс бахромчатого рифа. Распластав черные крылья над белым брюхом, нас начали облетать крупные птицы. Они планировали над «Калипсо», вертя головой и с живейшим интересом разглядывая нас.

– Безумцы, – сказал Шербонье.

– Безумцы? Почему?

– Да нет, не мы... Птиц так зовут.⁴

Мы подходили уже совсем близко к островку, когда цвет конусов начал немного беспокоить меня: он ничем не отличался от низкого берега, а тот был явно кораллового происхождения... Надежды, однако, терять не хотелось, и я пристально вглядывался в бинокль, стараясь найти хоть малейшие признаки вулканизма.

Продефилировали немного вдоль рифа шириной триста – четыреста метров, он огибал остров красивой зеленой лентой. Потом Кусто повел судно в разрыв между двумя белыми бурунами. Целый час занимался он любившейся игрой – кружением в лабиринте, куда ни один другой капитан не отважился бы забраться. Я спрашиваю себя не как мы дойдем до цели – тут я был спокоен, – но как судно сумеет развернуться и выбраться отсюда... Наконец в двухстах метрах от берега на глубине двадцать метров был брошен якорь.

Тело главного конуса теперь было ясно видно. Больше уже не имело смысла тешить себя иллюзиями: все здесь было коралловое. Древний ископаемый коралл вознесся в небо в результате подъема морского дна. Случай придал конусу форму вулкана, словно для того, чтобы сыграть шутку с составителями лоции и картографами, не потрудившимися осмотреть его вблизи...

Кстати, в лоции этот остров длиной четыре-пять километров и шириной в километр значился как необитаемый и полностью лишенный пресной воды. Пришлось запастись ею для группы, которая там высаживалась. Однако, несмотря на все нетерпение биологов, жаждавших приступить к работе, предстояло искать другое место для высадки. Не мог же «Калипсо» юлить между рифами каждый раз, когда понадобится снабжать базу! К тому же из этого лабиринта надо было еще выбраться...

Оставив натуралистов на суше, «Калипсо» уйдет на разведку северной оконечности банки Фарасан, проведет глубоководные погружения между рифами, а через две недели заберет робинзонов. Судну требовалась надежная и более или менее удобная якорная стоянка. Решено было обойти остров вокруг. К несчастью, ветер за это время усилился, и крутиться между коралловыми надолбами стало небезопасно. Увы, то уже был не первый потерянный день с начала экспедиции. В компенсацию мы получили спокойную ночь на якоре без вахт...

Наутро ветер утих. За полчаса немыслимого хода, во время которого он семьдесят пять раз менял курс и режим работы моторов, капитан твердой рукой вывел нас из лагуны.

Поиски оказались бесплодными: у Абу-Латта не нашлось хорошей якорной стоянки. Пришлось выбрать с подветренной стороны вне зоны рифа открытое, с ровным дном место на глубине сорок метров. Оно было вполне приемлемым при обычном северо-западном ветре, но в дни, когда шарки резко дул с юго-востока, «Калипсо» приходилось сниматься с якоря и уходить в открытое море, борясь с волнами сутки кряду. Мы смотрели из своего лагеря на песчаном берегу, как судно кренится с борта на борт иногда на целых шестьдесят градусов!

Экипажу «Калипсо» можно было не завидовать – достаточно вспомнить про морскую болезнь и чертыхания, которыми сопровождалась обеды в кают-компании. Кок «Калипсо»

⁴ Перепончатопалые птицы, родственники пеликанов, обитающие в тропиках.

Анен, блондин, казавшийся еще белее под своим колпаком, творил чудеса: шторм не шторм, а он придерживался выработанного меню; и чем больше качало, тем более жидкий суп он подавал. Только уж совсем страшная буря могла его заставить снизойти до жаркого. Анен обожал высовывать голову в маленькое камбузное окошко и смотреть своими окруженными бесцветными ресницами смеющимися глазами на то, как мы сражаемся с горячим варевом, норовившем выплеснуться на колени. Тарелки можно было закреплять деревянными штырями, для чего в столе было несколько рядов дырок, однако против обезумевшего супа мы были бессильны...

Однажды вечером в непогоду я дожидался относительного затишья, прежде чем открыть дверь в кубрик, боясь, как бы со мной вместе туда не ворвалась крупная волна – из тех, что мы прозвали «китами». Во время ожидания мне пришлось стойчески вынести удары нескольких весомых «китов»... Вымокнув с ног до головы, я не стал ожидать следующей порции, а толчком отворил дверь и ступил резиновой подошвой на линолеум, уже щедро политый бульоном. В следующий момент судно резко накренилось, нога моя поехала по густо смазанному суповым жиром полу, и семь метров до противоположной стены я одолел на спине вверх ногами. Под бурные раскаты хохота я торпедировал стул, на котором восседал Бельтран, как раз подносивший ко рту тарелку с супом – он намеревался проглотить его, не прибегая к помощи ложки. Срезанный наповал, словно нападающий команды регби от подножки защитника, Бельтран рухнул на меня вместе с тарелкой, содержимое которой он, к сожалению, еще не успел перелить в себя. Тут судно легло на другой бок, и мы отправились в противоположную сторону, прихватив с собой по дороге Саута, за которого Бельтран безуспешно пытался зацепиться. Вместе с нами поехал стул Саута, стул Бельтрана и тарелки, и ненужные ложки.

Едва мы успели как следует трахнуться головой о трубы отопления, как нас вновь понесло на другой борт по катку пола, обильно усеянному вареной вермишелью. Наконец, когда «Калипсо» стряхнул с себя очередного «кита», мы смогли подняться, все в синяках, шишках и ссадинах, страдая, правда, больше не от них, а от безудержного хохота десятка зрителей, сгибавшихся в три погибели на привинченной банкетке по другую сторону стола. Но, как водится, смех быстро передался нам, так что все кончилось, к общему удовольствию.

Вот почему, наблюдая со своего острова, как «Калипсо» приплясывает на волне, прикованный к якорной цепи, словно пес, мы не могли не жалеть своих товарищей и не порадоваться лишней раз тому, что мы-то в данный момент стоим на твердой земле.

Выбрав место, мы не стали сразу выгружаться, а двинулись к аравийскому берегу. В лоции значилось, что милях в двадцати находится селение под названием Лит. Капитан счел необходимым нанести эмиру здешних мест визит вежливости: не только остров входил в его владения, от его согласия зависел и геологический рейд к манящим горам в глубь континента, который мы рассчитывали предпринять в дальнейшем.

Якорь бросили в закрытой бухточке, в нескольких кабельтовых от пологого берега с развалинами крепости времен турецкого владычества. Наш дипломатический корпус перелез в шаланду: капитан, врач и лейтенант Дюпа (переводчик). Лит вырисовывался вдали – зеленое скопление пальм, над которым возвышался средневековый замок. Наши товарищи сошли на пляж. Вскоре из Лита прибыл американский лимузин не самой старой постройки и повез их к эмиру.

Они возвратились через несколько часов, очарованные как самим эмиром, так и оказанным приемом. Знаки внимания были проявлены с восточной пышностью. С не меньшей широтой было обещано всячески спешествовать нашим желаниям...

В приподнятом настроении мы вернулись на Абу-Латт и приступили к выгрузке. Алюминиевая шаланда начала курсировать между берегом и судном; бухта в этом месте напоминала полумесяц, дно было идеальное, и шаланда осадкой всего в несколько сантиметров легко скользила над головками кораллов.

За три-четыре часа мы вытащили на песок свои ящики и стеклянные банки, сосуды с формалином и спиртом, свернутые палатки, походные кровати, продовольствие, кухонные

принадлежности, емкости с пресной водой (ее у нас было всего сто литров, не разгуляешься...), рацию, топографические инструменты, приборы, оружие и т. д. и т. п. Борясь с порывистым ветром, натянули палатки метрах в десяти – двенадцати от берега под забавной известняковой стенкой; снизу ее разъела вода, так что она напоминала козырек.

Затем «Калипсо» выбрал якорь и покинул нас, держа курс на Джидду.

Крабы

Пока товарищи устраивали – одни на открытом воздухе, другие в палатках – свои лаборатории, я отправился в глубь острова. Крохотный клочок пустыни, заброшенный посреди моря. Солнце в зените длинными иглами прижигало кожу.

Один наконец! У нас на борту царило полнейшее согласие, но я был счастлив, что могу побыть один после трех недель скученности, почувствовать свободу, которую в полной мере ощущаешь лишь на твердой земле. Корабль – замкнутое пространство, где все разграничено и расчерчено; там, как в плену, можно мерить шагами лишь определенную площадь. Самая длинная прогулка по прямой на палубе «Калипсо» занимает восемь метров пятьдесят сантиметров. Маловато для геолога...

А сейчас чудесно: один и свободен. Почва на острове довольно ровная, она образована осколками кораллов и морских раковин: ведь сам остров не что иное, как всплывший риф. Несколько тысяч веков назад эти мадрепоры жили в неглубокой воде. Каким же образом случилось, что нагромождение кораллов поднялось над поверхностью, обратив сгусток жизни в каменистый остров?

Поверхность слегка наклонялась с юга на север; было несколько незначительных впадин глубиной от двух до пяти метров. Ни вулканических выходов, ни сланцев, ни одной из излюбленных геологами пород. Все коралловое. Крушение иллюзий, но что поделаешь! Оставалось лишь составить карту островка и попытаться найти следы его истории: погружений, всплывтий, разломов в результате подвижки земной коры в районе Красного моря и т. д.

Первым делом надо было соорудить туры, по которым с помощью теодолита проводят триангуляцию поверхности, а для этого начать таскать к нужному месту здоровенные камни весом по сорок – пятьдесят килограммов. Хотя за последние недели мы сильно обгорели, я чувствовал на лбу, спине и ногах знакомое приятное щекотание. Во время хождений по Африке я разгуливал в одних полотняных шортах, шокируя белых обывателей. Меня закидывали медицинскими предостережениями: опасность перегрева, риск укусов насекомых... «По крайней мере наденьте шлем или безрукавку!» За три с лишним года мне удалось обзавестись одним-единственным последователем, прожившим в полном неведении относительно прелестей загара пятнадцать лет в Африке. Тем не менее и он осмеливался щеголять без шлема и рубашки, только когда мы отправились в джунгли, подальше от повелительного взора его супруги!

Минут за двадцать я прошел островок с востока на запад; посреди пяточка торчали негустые заросли колючки, торжественно окрещенные «оазисом». Потом обошел кругом подножие тридцатиметрового конуса, которому Абу-Латт был обязан своей фальшивой репутацией вулкана. У западного берега долина опускалась до уровня моря.

Узкая полоска белого песка отделяла каменистую землю от зеленой воды лагуны; она была тихой и неглубокой. Оттуда торчали сотни темных «голов». То были блоки мертвого коралла, изрезанные мелкими выемками; своим черным цветом они обязаны водорослям, всегда поселяющимся на мертвых кораллах. Кое-где на этих головах белыми пятнами выделялись стайки птиц – хохлатых цапель, розовых и белых фламинго, чаек. Они часами просиживали неподвижно на своих крохотных постаментах...

На северной оконечности Абу-Латта три мыска, соединившиеся с островом пуповиной, казалось, устремились в открытое море. Там гнезилось несметное число пернатых: очень

достойные пеликаны, белые колпики с плоскими черными клювами, белобрюхие орланы, чайки и множество безумцев, которым мы сразу начали симпатизировать. Они были очень доверчивы и не боялись людей. Однажды птица села в двух шагах от Жака Эрто, распустив темные крылья над белой грудкой. Эрто очень серьезно посмотрел на нее и промолвил:

– Я считал, что у меня белая грудь, сударыня, но ваша – прямо с рекламы стирального порошка «персиль».

В одной из бухточек на песчаном дне волшебной прозрачной зеленой лагуны с фиолетовыми пятнами подводных рифов лежала мертвая птица, из воды наружу торчало ее черное крыло. На теле суетились крабы – оциподы.⁵ Издали они выглядели розовыми и соломенно-желтыми мешочками. Я подошел ближе, чтобы сфотографировать сцену... Присел на корточки возле жертвы и стал ждать, пока напуганные крабы вернутся назад. Оциподы, как правило, земляные крабы. Они роют норы и прокладывают галереи в песке, откидывая его короткими рывками клешней, после чего у входа образуются маленькие конусы по пять – десять сантиметров, удивительно напоминающие деревенку лилипутских хижин. Как и все крабы, они прилежные могильщики, не оставляют без присмотра неубранные тела; крабы питаются мертвыми органическими веществами, которые изыскивают для себя на воде и под водой.

Мои крабики остановились на некотором расстоянии и теперь наблюдали за мной внимательными глазками: над поверхностью торчал целый лес крохотных перископов. Немного спустя они стали приближаться, вылезая из лагуны боковым ходом, останавливаясь, поворачивая назад, справа налево, слева направо. Бег их напоминал танец балерины на пуантах. Останавливаясь, они сгибали свои восемь коленок и ложились животом на песок. Понадобилось целых десять минут, прежде чем двое самых отважных молодцов величиной с ладонь подобрались вплотную к мертвой птице. Один был розовый, второй светло-желтый. Они двигались с остановками, каждый раз оглядывая меня своими эллипсоидными глазами и тревожно подрагивая стебельками. Наконец они доползли до цели, забрались на мертвую птицу и погрузили в нее свои широкие клешни. По-видимому, они были счастливы...

Их «коллеги» все еще в нерешительности держались позади. Развернувшись цепью, соблюдая дистанцию в один-два краба, они двигались с предельной осторожностью. Несколько шажков вправо, стоп! Несколько шажков влево, стоп! Все дружно ступали на пуантах и так же дружно приникали брюхом к песку во время остановок. В трех метрах от цели они окружили ее полумесяцем шириной шесть метров. Балет продолжался, и казалось, они уходят в сторону, но полумесяц сужался: четыре метра, три, два... Теперь они касались друг друга коленками, все еще выжидая, хотя два первых разведчика уже во всю драли птицу.

Они нравились мне все больше, эти оциподы: всегда ведь начинаешь симпатизировать объекту изучения. Было время в моей жизни, когда я точно так же полюбил картофельных жуков, а в Парижском музее природоведения я знал девушку, которая занималась пауками и относилась к ним с крайней нежностью... Полумесяц сжался в кулак и превратился в желто-розовое, достаточно пугающее месиво. Настигнув свою неподвижную жертву, они облепили ее со всех сторон. Теперь уже слышалось лишь деловитое щелканье клешней.

Месяца через два я сам оказался в неприятном положении жертвы, окруженной толпой крабов. По моей просьбе меня высадили одного на крохотном островке Мармар, что в двенадцати милях на юго-запад от Абу-Латта. «Калипсо» ушел на сутки.

На закате я разбил лагерь и вынес походную койку из палатки. Солнце едва успело скрыться за густо-синим горизонтом, как десятки оциподов выстроились полумесяцем метрах в четырех от меня. Я как раз разводил огонь. Аккуратно разламывая собранные в кустарнике сухие веточки, я укладывал их ровной пирамидкой. Движения, похоже, пугали

⁵ Быстроногие, как Ахилл...

крабов, но, когда работа была закончена, я застыл, глядя на своих визитеров. И те начали приближаться. Разумеется, не по прямой, нет, крабьим ходом! Шажок влево, шажок вправо, остановка, взгляд, ненова шажок... Фронт сжимался, вскоре первый ряд был уже совсем близко, а сзади надвигались десятки и десятки новых крабов. Они вздрагивали, поводя стебельчатыми глазами.

Мой резкий жест вызвал короткую панику. Потом ряды сомкнулись вновь в четырех метрах, и механический балет продолжался в полной тишине. Новый жест уже не испугал их, последовала лишь краткая остановка, и затем вновь осторожное продвижение. Я встал. Но не успел пройти и двух шагов, как вся армия оказалась у кромки лагуны...

Опустилась ночь. Я присел на койку, но пять минут спустя таинственный круг опять сомкнулся, даже в темноте различались светлые пятна на песке. Вновь отогнал их, но крабы не соизволили даже добежать до воды. Пришлось сделать несколько шагов, чтобы заставить их разбежаться. Они явно привыкали к человеку. Подобное недвусмысленное доказательство разума меня вовсе не радовало.

«Пожалуй, это уже на всю ночь», – сказал я себе. После утомительного дня безумно хотелось спать, но перспектива проснуться с отгрызенными ногами была не из лучших. «А сами-то они, мерзавцы, не спят, что ли? Может, огонь меня оградит, он ведь отпугивает даже леопардов».

Высушенное жгучим солнцем дерево занялось высоким пламенем. Крабы немного откатились... Огонь был веселый, без дыма, потрескивали собранные на берегу доски. После дневного штиля поднялся легкий бриз, черное небо посверкивало звездами. Крабы больше не приближались, но упрямо держались в четырех метрах от костра. Только теперь расслабившись, я почувствовал, в каком напряжении находился все это время. Я твердо знал, что эти создания не опасны, что они питаются только мертвечиной. И все же...

Я вытянулся на койке. С одной стороны кучей лежали доски, с другой – потрескивало живое пламя. Бледные посетители не уходили, следя за мной настороженными глазами. Мне стало не по себе.

Я не люблю беспокойства. Во мне начала закипать злость:

– Проклятые твари! Вы оставите наконец человека в покое или нет?!

Вскочив, я запустил во врагов большим куском коралла. В несколько секунд они домчались до воды, оставив на поле боя двух раненых, безуспешно шевелившихся многочисленными клешнями. Пришлось запастись боеприпасами и лечь, следя краем глаза за двумя трепыхавшимися крабами... Еще через короткое время, позабыв о недавней панике, собраты окружили их. Понесут в убежище? Нет, для этой толпы они были нечаянным ужином: едва мои жертвы перестали дрыгать усиками, ближайшие родственники схватили их клещами и передали задним на растерзание. Жертвы в отчаянии задвигались, и нападающие замерли...

Постепенно раненые шевелились все реже и реже. Но до того как они окончательно не застыли, изголодавшиеся собраты не решались прикоснуться к ним. Только замерев окончательно, они стали добычей дрожащих от нетерпения клешней. В отблесках пламени это ночное пиршество выглядело фантасмагорией.

Когда на рассвете я проснулся, на белом сухом песке были лишь бесчисленные отпечатки крабьих лапок, больше ничего...

Радости погружения

Жизнь на Абу-Латте быстро вошла в колею.

Жан Дюпа остался за старшего, и было бы трудно найти более умелого и компанейского командира. Мы разбились на две команды, дежуря по очереди (готовка, посуда, уборка лагеря), но Дюпа всегда по доброй воле включался в работу, деля ее с товарищами. Атмосфера в группе была превосходной, так что каждый помимо своей работы

охотно делал что-то еще. По счастливому стечению обстоятельств, все эти люди, незнакомые друг с другом до «Калипсо», пришедшие из разных, иногда соперничающих научных учреждений, образовали слитное ядро. В экспедиционной жизни крайне важно, чтобы человек не только выполнял свои обязанности, но и тактично включался в чужие дела. Шарбонье и Дюпа, Калам и Мерсье-Леви оказались идеальными спутниками.

«Калипсо» доставил из Джидды новую партию ученых, прилетевших из Франции: Жаклин Занг и Клода Франсис-Бефа, физико-химиков, зоолога из Сорбонны, профессора Пьера Драша и Андре Гилыне, географа из университета Нанси. Изучение острова пошло быстрыми темпами. В разное время суток, днем и ночью, Занг, Калам и Франсис-Беф брали пробы морской воды в лагуне. Образцы потом анализировали, определяли соленость, кислотность, плотность. Температура воды менялась незначительно: когда с борта «Калипсо» был погружен на 150 метров термобатиграф (прибор, записывающий температуру), то оказалось, что она держится почти на одном уровне до глубины 110 метров: 27 °C... Понятно, что нырять в столь теплые воды было большим удовольствием. А погружались мы часто: за новыми образцами для натуралистов, за лангустами на обед, а то и просто освежить кожу. Первое время акваланги оставались не у дел – компрессоры работали не очень четко, и надо было ждать, пока механики отладят их. Ныряли поэтому в ластах и масках для подводной охоты с дыхательной трубкой. Видимость в прозрачной воде оставалась почти идеальной.

Верхнюю горизонтальную часть подводного рифа (мы прозвали ее «подносом») занимали обширные песчаные зоны с довольно скудной фауной: морские звезды, голотурии, темно-коричневые закрученные в спираль существа, родственные актиниям, морские ежи, редкие серо-голубые рыбы... Но как только мы доплывали до края, где стена рифа отвесно обрывалась вниз, морская полупустыня сменялась подлинным буйством жизни. Лес кораллов всех разновидностей, сплетение тоненьких веточек, массивные шары, почкообразные конкреции... Лиловые ветви, белые пальцевые отростки, оранжевые сферы – цвета живых кораллов всегда очень нежные, пастельные. И в гуще этого сращения под нависшими балконами или в узких горловинах плавали пестро разукрашенные рыбы – всех форм, всех цветов, всех сочетаний пятен, полос, глазков и линий.

Там-то мы и собирали основной урожай для наших биологов. Тихонько шевеля ластами, мы плыли, выставив наружу трубку и опустив лицо в воду, пока в поле зрения не попадал особо интересный коралл. Тогда, сделав большой вдох и сильно оттолкнувшись ластами, мы уходили на пять-шесть, иногда десять метров. Ударом молотка или щелчком стальных кусачек отделяли коралл и выныривали, пуская фонтан из трубки. Добычу подбирал ялик, курсировавший от одного пловца к другому. Дальше рифа, где вода из зеленой становилась цвета индиго, мы не отваживались заплывать: на глубине рыскали акулы и барракуды...

Когда же заработали компрессоры аквалангов, мы начали глубоководные погружения.

Акваланг – изобретение капитана Леприера, усовершенствованное Кусто и Ганьяном, – позволяет человеку чувствовать себя как рыба в воде в течение почти двух часов. Как известно, приспособление это состоит из металлического баллона, куда закачивают под большим давлением воздух, надежного редукционного клапана, автоматически доводящего давление воздуха до нормального, и, наконец, двойной резиновой трубки, кончающейся загубником. Остальное все, как у обычного подводного охотника, разве что в холодных водах человек надевает обтягивающий резиновый гидрокостюм. Но холодные воды были сейчас далеко-далеко! Здесь температура на любой доступной глубине была замечательной. Это, кстати, вещь весьма редкая, она обусловлена особой конфигурацией Красного моря, которое не имеет выхода в большие океанские глубины, в царство низких температур.

Море расположено в одном из самых жарких районов земного шара, где идет большое испарение, и поэтому оно исключительно соленое. Кроме того, в него не впадает ни одна большая река, а следовательно, нет поступления пресной воды. Соленость океанов держится на уровне 33‰, а в Красном море превосходит 40‰; к вкусу здешней воды надо

привыкнуть. Повышенная плотность заставляла утяжелять пояса – без дополнительного груза человек даже во всем снаряжении не мог «вонзиться» в поверхность. Честное слово, меня всегда удивляло, как это люди умудряются тонуть: ведь в море трудно погрузиться даже при старании! Чтобы держаться на воде, достаточно раскинуть руки и ноги, сохранять хладнокровие и постараться не наглотаться воды.

«Калипсо» возвратился из короткого плавания в район большого рифа Шаб Сулеим и Шаб Дженаб,⁶ милях в двенадцати к западу. Дюма с профессором Драшем ныряли почти на семидесятиметровую глубину; они держались возле стены, поднимающейся над ровным дном с четырехсотметровой глубины. На обоих увиденное произвело громадное впечатление. Больше часа они находились на пределе человеческих возможностей – на границе, отделяющей безопасную зону от губительного «зова» больших глубин, среди невероятной фауны. Оба вернулись с убеждением, что «с акулами можно иметь дело». После тревожной встречи в начале экспедиции мы стали принимать особые меры предосторожности: погружались только группой и неподалеку от спасительного мелководья рифов, каждый непременно вооружался ножом или скобелем, прикрепленным к запястью на темляке; кроме того, к щиколотке мы привязывали мешочек с веществом, которое, растворяясь в воде, должно было отпугивать акул (знаменитый «акулий порошок» из военных излишков). Но, похоже, химики тут дали маху, потому что акулы слетались именно на этот запах, приносиваясь к нам...

За время бесчисленных погружений не было ни единого случая нападения, хотя хищники всех размеров кружили, иногда целыми стаями, вокруг пловцов.

«Калипсо» – белое пятнышко в безбрежном синем просторе – встало на свое привычное место. Я закончил топографическую съемку островка, и по этому поводу мне устроили водолазное крещение. Лямки прижали к спине тяжелый строенный баллон сжатого воздуха, к поясу пристегнули грузила из свинцовых чушек, приладили к лицу маску и к ногам ласты. Все. Я стал спускаться по лесенке с шаланды. Войдя в море по пояс, я зажал зубами наконечник, проверил поступление воздуха и нырнул.

– Будете следовать за мной, – приказал мне Дюма, командовавший погружениями.

Но когда я полностью погрузился, освоился с дивным ощущением невесомости, избавился от тревоги и начал искать глазами товарищей, они уже исчезли из поля зрения. Перевернулся на спину и увидел, что нахожусь всего в двух метрах от поверхности: она серебрилась совсем близко над головой. Отчетливо темнела тень ялика, которым управлял Нивелло, присутствие его добавило уверенности. Я перевернулся на живот и устремился вниз, слегка отталкиваясь ластами. Дно было недалеко, очень скоро я уже смог дотронуться до него; из блеклого песка торчали темные выступы. Двадцать толчков ластами, и я добрался до закраины, где риф обрывался вглубь. Без малейшего усилия, как настоящая рыба, я стал спускаться вниз головой, едва не касаясь откоса животом. Вода была настолько прозрачна, что ее как будто не существовало. Впереди расступилась стайка цветастых рыб – так разлетаются снежинки под носками лыж; мирно без спешки они вплывали в сплетение коралловых ветвей. Внезапно уши мне пронзила резкая боль... Я был готов к этому неизбежному ощущению всех ныряльщиков – боль наступает из-за перепада давления в окружающей среде. «Когда почувствуете боль, – предупредили меня, – наберите побольше воздуха и резко выпустите его через ноздри. Если боль не пройдет, поднимитесь на несколько метров, сделайте паузу, а потом можете опускаться дальше».

Я понапрасну набирал воздух и фыркал, пришлось вернуться назад. Боль тотчас исчезла, словно по волшебству, и я заскользил вниз по узкому коридору, стиснутому с обеих сторон мощными коралловыми выступами. Иногда ровные ступеньки были покрыты песком. Поначалу я рассчитывал не отклоняться по вертикали от ялика, но намерение успело забыться, все успело забыться теперь, когда я летел в когда-то враждебной стихии. Исчезли

⁶ Шаб (араб.) – риф.

силы тяготения, я одинаково комфортно чувствовал себя вниз и вверх головой, стоя и лежа. Здесь не падаешь и не спотыкаешься, здесь паришь. Необычайная эйфория охватывает человека, он движется как во сне, почти не замечая прозрачной жидкости.

Вопреки распространенному мнению тело хорошо переносит силу давления: ведь наш организм на девять десятых состоит из жидкостей, а жидкости почти не сжимаются. Только «полости» ощущают его – легкие и среднее ухо. Но грудная клетка, а потом и среднее ухо заполняются воздухом, который благодаря хитроумному редукционному клапану бесперебойно поступает из баллонов. Таким образом мало-помалу в организме создаются привычные условия.

Вскоре я добрался до любопытной выемки на дне. Словно путнику после долгого пути, захотелось присесть на песок и оглядеться. Но человеку, сбросившему с себя путы тяготения, не так-то просто усидеть в невесомости. Не спеша я стал кружиться вокруг кораллового колодца. Глубина была, наверное, метров двадцать пять. Вокруг плавало множество рыб: голубоватые *carangues*, питающиеся кораллами, синие рыбы-попугаи с твердым клювом, пестрые рыбы-доктора, тускло поблескивавшие в лазурной воде, рыбы-иглы длиной около метра с челюстями, утыканными мелкими остренькими зубками...

Уже поднимаясь, я заметил в нескольких метрах над головой громадный белый ромб, слегка помахивавший «крылами», словно сказочная птица. То была манта, гигантский скат теплых морей. Эти рыбы во множестве водятся здесь, а на юго-восток от Абу-Латта их было такое количество, что Дюма назвал то место Мантоградом. Однажды, выйдя в море с Саутом, он загарпунил манту; та в смертельном испуге нырнула, увлекая за собой хрупкий ялик. К счастью, она не сразу помчалась на глубину, иначе бы суденышко перевернулось. Дюма воспользовался короткой паузой, прицелился и добил ее из карабина. Мы вытянули на борт «Калипсо» огромную плоскую рыбу, черную сверху, белую снизу, в размахе плавников она достигала шести метров.

Сейчас скат медленно парил надо мной. В голове разом замелькали жуткие истории, которые рассказывали об их повадках: застигнув под водой ловца жемчуга, скат бросается на него и придавливает всей тяжестью ко дну, либо заворачивается вокруг него и душит, либо убивает человека на месте ударом ядовитого жала – оно заканчивает его заостренный хвост... Внезапно я ощутил всю беспомощность своего одиночества. Но тут же вспомнил, как Драш препарировал ската на палубе «Калипсо»: он показал нам его беззубый рот (в глотке у манти размещены оригинальные фильтры, с помощью которых она подобно киту втягивает в себя крохотные организмы планктона).

Я продолжил подъем, слегка отклонившись в сторону. Манта мирно парила семью-восемью метрами выше, потом качнула плавниками и в несколько секунд исчезла из поля зрения. Поразительно, насколько почти незаметные движения плавников и хвоста позволяют рыбам сниматься с места почти с фантастической скоростью.

Вскоре после первого погружения у меня состоялась новая встреча с большой рыбой, на сей раз это была акула. Я говорил уже, что они часто кружили возле рифа, и мы с тревожным восхищением следили за беззаботными «полетами» этих обтекаемых мускулистых «морских ракет». Вот уж кто стартовал с места, как космический корабль! Трехметровая акула, которую я заметил за коралловым выступом, устремилась с такой скоростью, что я не успел даже шевельнуть ластами... Нож или скобель в такой ситуации абсолютно бесполезны.

И все же даже при встрече с акулой-людоедом у подводника есть шанс на спасение, если он сумеет сохранить хладнокровие. Акула не нападает с ходу, а вначале примеряется к жертве и обходит ее кругом (по словам Кусто, хорошо знакомого с ними, акулы «принюхиваются»). Тут как раз пловец и может подготовиться к отпору. Однако те акулы, с которыми мы встречались в Красном море, похоже, были больше напуганы человеком, чем он ими. Что касается легендарных «людоедов», то они предпочитают пожирать утопленников или, на худой конец, людей, плавающих на поверхности. Дело, видимо, в том, что, погрузившись под воду, ныряльщик становится частью морской фауны (он легко

плавает, у него есть опасные «отростки» – руки, он смотрит), так что акула при встрече с неведомой ей человеко-рыбой предпочитает держаться в стороне.

Зато в сравнении с пловцом на поверхности у акулы полное преимущество: она замечает только болтающиеся конечности и незащищенный живот. Весьма соблазнительный объект для охоты...

Пенители моря

Неделя шла за неделей. Каждый вел наблюдения по своей специальности. Скланки и бидоны наполнялись неисчислимым разнообразием рыб, ракообразных, иглокожих, моллюсков, червей. Шербонье удалось добыть по одному экземпляру разновидностей живших на рифе птиц. Самыми любопытными были фрегаты; они появлялись ровно в четыре с половиной часа пополудни, непременно парами, пролетая над головой с громким, писклявым криком. Где они прятались все остальное время?... В хвосте у них торчали два длинных пера, отчего Дюпа прозвал их птицами-термометрами. Матросы парусного флота, давшие им имя фрегатов, были еще не знакомы с употреблением медицинского термометра...

Заканчивали свои наблюдения химики; у них составила внушительная коллекция бутылочек с образцами морской воды, которые во Франции будут подвергнуты тщательному анализу.

Что касается геологического изучения Абу-Латта, выпавшего на мою долю, то все было просто: кроме древних кораллов, образующих островную массу, там обнаружилось несколько слоев окаменелых ракушек, а кое-где еще подобие глинистых отложений (по всей видимости, результат химического разложения известняков). Мы установили, что остров всплыл не благодаря понижению уровня моря, что, кстати сказать, выглядело вполне правдоподобно, ибо тот уровень, который мы принимаем за основу, подвержен колебаниям. Абу-Латт вышел на свет после поднятия «цоколя» как следствие образования разломов. Эти гигантские трещины идут в трех направлениях вдоль Красного моря и Аденского залива, а потом продолжают к югу. Разломы, породившие тысячелетия назад наш островок, составляли часть великого процесса, который дал начало и самому Красному морю.

«Калипсо» часто уходил на несколько дней, задерживаясь иногда дольше срока. Так, накануне рождества он должен был доставить нам из Джидды свежие продукты и воду. Три дня мы глотали слюнки в ожидании обещанного пиршества... Дюпа аккуратно записывал в журнал: «24 декабря 1951 г. Рождество. – 25 декабря, снова рождество. – 26 декабря, все еще рождество...»

В другой раз свежие продукты кончились, и нам пришлось взяться за консервы. По правде говоря, жаловаться было грех, поскольку свежевывловленная рыба и лангусты не переводились на столе. Но под жестоким аравийским солнцем больше всего хотелось овощей и хлеба. Однажды поутру, грызя сухарь, Дюпа вдруг сказал:

- Подождите, сейчас сделаю хлеб.
- Хлеб? Вот здорово! А много это займет?
- Минут двадцать, от силы двадцать пять.

Час спустя он все еще колдовал над своим изделием... Это был «сахарский хлеб». Дюпа, долгие годы прослуживший в пустыне командиром отряда верблюжьей кавалерии, готовил хлеб оригинальным способом. Он замесил тесто – оно не должно быть не слишком густым, не слишком жидким – и бросил его в небольшое углубление, куда предварительно наложил горячих древесных углей. Затем забросал его сверху песком. Присев на корточках рядом с печью, Дюпа острой палочкой проверял готовность хлеба; во всей его позе чувствовалось бесконечное терпение кочевого жителя пустыни. Время текло. Наконец с превеликой осторожностью он извлек вожделенное блюдо на свет. Мы заранее пожирали его глазами: хлеб, свежее испеченный горячий хлеб!

Еда сопровождалась громким хрустом налипшего песка...

В один прекрасный день на остров высадились люди.

Трое рыбаков-арабов приплыли в хури – простой пироге с тоненькой мачтой, на которой болтался косой парус, весь в дырках. Люди словно сошли с иллюстраций к сказкам «Тысячи и одной ночи» – худые, гибкие, почти черные от солнца. Редкая борода покрывала щеки, из-под тюрбанов, небрежно завернутых вокруг головы, сверкали жгучие глаза. Всю одежду составляли набедренные повязки (почти такой же ветхости, как парус).

Дюпа с первой минуты сошелся с ними. Они же инстинктом простых людей распознали наши характеры. Усевшись на корточках, Дюпа повел с ними разговор о рыбной ловле, о судах; чуть позже они поведали ему, что их подлинная страсть – верблюды.

Рыбу ловили так: с носа хури забрасывали простейший невод и тут же прыгали за ним в воду, подхватывали концы сети. Улов состоял из почти прозрачных мелких рыбешек (их столько кишит на платформе рифа, что они часто затрудняют видимость). Рыбешек в качестве наживки насаживали на крючки, и на них ловилась вкуснейшая *saangues*.

Дюпа узнал, что при удачной ловле экипаж из трех-четырех человек зарабатывает в день около восьми риалов.⁷ Но бывает, что эта сумма собирается лишь за четыре дня...

Рыбаки высаживаются здесь один-два раза в месяц для просушки рыбы. Лодку вытягивают кормой на берег и вываливают улов на скалистый выступ. Потом усаживаются на корточки и готовят себе кофе; его пьют крохотными обжигающими глотками из чашечек, уместающихся в ладони. После кофе принимаются за работу. Похожих на тунцов красавцев *saangues* распластывают ловким ударом острого как бритва ножа, вторым поворотом выпотрашивают внутренности и отбрасывают их в сторону. Рыба готова к сушению. Несколько недель ей предстоит пролежать на плоском камне, вне пределов досягаемости крабов, под огненным солнцем.

Прожорливые оциподы оставались без добычи, зато их более мелкие сородичи вдосталь лакомились выброшенными внутренностями. Эти крабы-отшельники обычно поселяются в пустых раковинах брюхоногих моллюсков. Их и зовут отшельниками потому, что каждый живет в собственной скорлупке. По всему Абу-Латту, на пляже и в глубине острова, разгуливали раковины – под каждой был крабик. Их было неисчислимое множество; если замереть на минуту, тут же можно было услышать, как один, или десять, или сто отшельников тащут свои закрученные в спираль домики по коралловым камушкам. При малейшей тревоге они втягивают внутрь лапки, усики и голову и застывают неподвижно. Для нас крабики были совершенно безвредны, а их незамысловатые уловки вызывали ту же улыбку, что и проделки щенков...

Рыбаки-арабы раскрыли Дюпа загадку многочисленных могил на соседних островах Мармар и Малатху. Мусульманские захоронения состояли из груд плоских камней, иногда целых глыб, наваленных в головах умерших, повернутых лицом к Мекке. Кто там покоится – рыбаки, утопленники, убийцы? Нет. Оказывается, паломники, в том числе и умершие не своей смертью.

В священный город ислама при жизни стремятся миллионы верующих, ибо хаджи, которому довелось увидеть и поцеловать Черный камень, суждено отправиться после смерти к аллаху в райские кущи. О паломничестве в Мекку мечтают многие и многие последователи учения пророка. Однако путь до Мекки неблизок из Сенегала или с Суматры. Даже поездка в трюме судна или путь пешком с караваном за тысячу верст оказывается не по средствам для массы верующих. Но вот, откладывая из года в год скудные гроши, они наконец скапливают достаточную сумму. Увы! Ее хватает лишь на то, чтобы добраться до аравийских берегов, а прежде чем ступить на берег, нужно еще заплатить сбор. Двадцать восемь английских фунтов... Для индийского носильщика или феллаха с берегов Нила, приехавшего с женой и

⁷ Примерно 0,7 доллара.

детьми, стариком отцом и матерью, – это целое состояние.⁸ Не мудрено поэтому, что многие паломники пытаются проникнуть на священную землю контрабандой и контрабанда эта организована.

Набив где-нибудь на побережье Африки маленькие лодки – доу или заруги – человеческим грузом, «проводники» пересекают Красное море. Иногда переход заканчивается без происшествий, но бывает, что поднимается сильный встречный ветер, и суденышки день за днем мотаются на крутой волне, не в силах приблизиться к берегу. Тогда несчастные пассажиры, не доедавшие с самого рождения, изможденные недельными, а сплошь и рядом многомесячными тяготами пути, тихо умирают на дне шаланды. Мусульманский закон запрещает бросать тело верующего в воду; его требуется похоронить по всем правилам лицом к Мекке. Конечно же, никому и в голову не придет выгружать мертвые тела на аравийском берегу, где того и гляди попадешь в лапы стражникам шейхов Хиджаза, составивших себе целое состояние на паломниках... И вот тогда лодки пристают к пустынному островку, где человека, так и не сумевшего при жизни добраться до святой земли, зарывают в теплый песок. Случается также, что «проводники» убивают и грабят пассажиров, а потом в безлюдном месте зарывают свои жертвы по всем законам аллаха: ведь разбойники тоже верующие.

Однажды мы нашли на берегу разбросанные на золотом песке останки человеческого скелета: части черепа, челюсть, выбеленные кости. Под свинцовым солнцем на этом куске скалы посреди безбрежного моря жизнь и смерть казались одинаково безразличными. При таком планетарном масштабе не было большой разницы между живым человеком и черепом, лежащим под ногами и уже почти неотличимым от прибрежной гальки...

Ислам довлеет над жизнью обитателей Аравии и в море, и в пустыне. Посреди плоской бесконечности, возле тысячелетнего караванного пути встречаются помеченные ровным камнем могилы, а иногда и «пустынная мечеть» – темный прямоугольник, тщательно выложенный из плоских камней с небольшой выемкой посреди обращенной к Мекке «стены».

Мы обнаружили одно такое молитвенное место и на крохотном похожем на панцирь черепахи островке неподалеку от Абу-Латта. Никогда не думал, что человеку зачем-нибудь понадобится этот клочок суши, почти отвесно поднимающийся из моря. Без воды, без тени, всего около тридцати туазов в длину. Мне с большим трудом удалось втащить туда теодолит и треногу для топографической съемки. И тут на голом, почти недоступном рифе была выложена из кусков сверкавшего коралла «пустынная мечеть»...

Мир глубин

Во время плавания по Красному морю мы совершили четыре глубоководных погружения.

В первом участвовали Дюма, Драш и Дюпа; они опустились возле Шаб Сулейма, где почти вертикальный откос упирался в слегка наклоненное песчаное дно. Описание дна произвело на меня большое впечатление: ныряльщики, очевидно, достигли стыка между коралловым сооружением и его минеральным фундаментом. Что он представлял собой – древний вулканический остров, гранит, осадочную скальную породу?

Ныряльщики рассказали о том, что они заметили в конце террасы. К сожалению, они не обратили внимания, насколько глубоко покрывает ее песок и что лежит под ним. Биологов интересовали главным образом проявления жизни при давлении семь килограммов на

⁸ С некоторых пор въездной сбор отменен. Прежде этот налог составлял один из главных источников валюты в казне – государства и королевской семьи Саудовской Аравии. Сейчас, когда нефть приносит несравнимо больший доход, король из политических соображений отменил сбор и тем самым стимулировал приток паломников-мусульман.

квадратный сантиметр.

В результате, учитывая важность геологической проблемы, несмотря на отсутствие навыка в водолазном деле, было решено взять меня в следующее глубоководное погружение. Твердое условие – подчиняться малейшему жесту ведущего и немедленно подниматься при первых признаках недомогания.

Дюма, стоя в воде на последней перекладине спущенной с шаланды короткой лесенки, приготовился взять в рот загубник. Секунду-другую он смотрел на меня сквозь стекло маски, над которой поднимались кирпично-коричневый лоб и шапка жестких волос.

– Тазиев, все понятно? Под водой слушаться беспрекословно!

– Ясно. Пошли.

Он погрузился и начал кругами ходить под водой, ожидая нас. В воде сразу стало легко: на воздухе увесистое облачение сковывало движения, таким неуклюжим, должно быть, чувствовал себя в доспехах спешившийся рыцарь; ласты не позволяли нормально ступать, стекло маски запотевало, сорокакилограммовый баллон оттягивал плечи, а утяжеленный свинцом пояс врезался в голую кожу... В воде человек разом чувствовал облегчение.

Начали спуск.

Дюма ведет, медленно вонзаясь в пространство и оставляя на пути вереницы несущихся вверх серебристых пузырьков.

Праздник жизни в верхних слоях уступает место почти пустынному, неподвижному миру безмолвия.

Мы спускаемся вдоль беловатого откоса, на котором выделяются омертвелые куски, покрытые коркой темных водорослей. Медленными взмахами ласт углубляемся все дальше и дальше, держась в сажени от стены рифа. Кажется, она никогда не кончится, пропадая во тьме головокружительной пропасти. Кажется, что ты стоишь на месте, а поднимаются мимо тебя коралловые выступы с редкими пучками слегка покачивающихся водорослей. Глубоководный мир устраивал нам спектакль со всеми декорациями.

Напружинив тело и откинув голову, чтобы удобнее было смотреть вниз, мы входили в грандиозный мир, освободившийся от внешнего украшения, от радужных красотей и живописной фантазии верхних слоев. Никаких причудливых форм, никаких ярких красок. Суровая простота. Только изредка мелькнет тень крупной рыбы – нелюбопытного старожила здешних мест, и вновь крутой откос, убегающий все дальше и дальше, к недоступному дну.

Поворачиваю голову, чтобы взглянуть через плечо вверх, на Драша и Нестерова (они идут следом, скользя вдоль откоса, каждый в окружении «фаты» из белых пузырьков). Странные полусущества-полумашины, медленно шевелящие своими еще человеческими ногами, но облаченные в пугающие маски робота из стекла и металла; сходство с роботом дополняет строенный баллон, горбатящий спину, мягкие голубые щупальца трубок, обвивающие толстые желтые цилиндры... Тут только замечаешь, что поверхность уже скрылась из виду и ртутное посвечивание исчезло.

Мы уже так глубоко, что поверхность исчезла из виду... Каждый очутился внутри собственной сферы. Вверху было больше света, больше синевы, внизу – чернильная тьма. Но, несмотря на это, несмотря на близость откоса, нельзя отделаться от ощущения, что ты находишься в центре сферы, замкнут в ней...

Нас заставляет жаться к откосу страх перед акулами: время от времени мы замечаем их идеально очерченный профиль и мерзкую пасть. В случае неожиданного нападения у нас есть слабая надежда прижаться к стене и оказать сопротивление.

Свет словно растворяется в воде. Кристальная прозрачность верхних слоев помутнела, а искрящаяся белизна песка потускнела. Мы опускаемся в мир постоянства, бесстрастности, вечности. И меня охватывает странное чувство, будто я был уже здесь когда-то... Откуда мне может быть знакома эта беловатая стена с торчащими черными выступами, тусклый свет, застывшая тишина, подспудная угроза и безразличие космоса? Да, это место напоминает окутанный туманом снежный коридор высоко в горах, где не слышно звуков, а

окружающий мир стиснут двумя непроглядными белыми стенами. Грандиозное величие безлюдного мира...

Дюма остановился. Под водой нельзя просто застопорить, как на суше: пловец какое-то время еще движется по инерции, потом делает небольшой вираж... Дюма вытягивает в нашу сторону растопыренные пальцы левой руки и большой палец правой: шестьдесят. Потом раскрывает пальцы правой руки: пять. Глубину он читал по циферблату ручного манометра.

Пока что я чувствую себя превосходно. В теле, несмотря на возросшее давление, нет напряжения. Не болит даже в ушах, покалывание исчезло после двадцати пяти метров. Вспоминаю о «глубинном наркозе» – любопытном эйфорическом ощущении, разрастающемся иногда в гибельное опьянение; это отравление возникает на определенной глубине, где давление поднимается настолько, что часть вдыхаемого воздуха растворяется в крови, увеличивая содержание азота и углекислого газа. Часто наркоз начинается уже на глубине 50 метров, но я ничего не чувствую и надеюсь, что смогу продолжить спуск. До чего замечательно нестись вниз навстречу неведомой глубин! Но на вопросительный жест – большим пальцем вниз – Дюма поднимает указательный палец: категорическое нет! Что ж, нет так нет... Здесь тоже не плохо. Оглядываю вырисовывающиеся в слабом свете контуры запретного царства.

Вытянувшись горизонтально и словно прилипнув к стене руками, Драш и Дюма собирают образцы водорослей, запихивая их в привязанные к поясу сетки. Кроме того, на грифельной доске Драш делает пометки. Завидую я студентам, которые в древних стенах Сорбонны будут слушать лекции этого молодого профессора. Вот уж кто с полным правом сможет сказать: «Как показали мои наблюдения...»

Смотрю вниз: откос упирается в песчаную террасу. Я знаю, что моим надеждам не суждено сбыться; мы еще слишком далеко от подножия атолла – это лишь балкон шириной около десяти метров, дальше риф вновь устремляется вниз... Ищу Нестерова, чтобы жестами поделиться с ним своим геологическим разочарованием. Но он остался выше: почувствовав первые признаки наркоза и тяжесть в ногах, опытный пловец не стал рисковать.

Пытаюсь всем телом, всей кожей вобрать в себя новую среду, пропитаться ею... Мягко повернувшись, Дюма внимательно оглядывает меня и большим пальцем повелительно указывает: подъем.

Теперь, возносясь вдоль откоса, мы догоняем на расстоянии свои пузырьки.

Я слишком затянул ремешок маски, так что ее край больно жмет верхнюю губу. Пытаясь поправить, я немного приподнял резиновый край, и тотчас вода под давлением впрыснулась под маску, залил нос и глаза; остался маленький пузырь воздуха в самом верху. Что делать? Ноздри заполнились горькой водой, ничего не видать. Резкими выдохами пробую прочистить нос. Безуспешно. Тогда я не знал, что существует простой способ – лечь на спину.

Скорей наверх!

Скособочившись, пытаюсь глядеть сквозь воздушный пузырь. Не очень, конечно, удобно, но кое-что различить можно. Во-первых, вижу, что я потерял спутников: они поднимаются вдоль откоса рифа, я пустился вертикально вверх. Риф слабо белеет в отдалении. Выходит, я всплыву в зоне, где мы не отваживаемся нырять из-за акул. Они, правда, ведут себя примерно, но кто знает, что им взбредет в голову! «Эти дамы могут оказаться в дурном расположении духа», – твердил Дюма.

Лихорадочно начинаю работать ногами и даже помогаю себе руками, чего обычно не делают аквалангисты. На запястье у меня висит ручной скобель, утыканный шипами, и я с маху всаживаю один из них себе в бедро.

– Ч-черт!

Не так больно, сколько досадно. И тут же проносится мысль: ведь кровь привлекает акул. Пытаюсь рассмотреть рану, но едва наклоняю голову, как вода заливает глаза.

Лишь бы не кровило очень сильно...

Нажимаю из последних сил, но до поверхности еще идти и идти. Над головой

появляется заостренный силуэт барракуды. Ее кажущееся безразличие производит куда большее впечатление, чем маневры акул. Делаю обходной крюк, следя за ней единственным незатопленным глазом. Она с презрением удаляется.

Но это еще не все: менее чем в десяти метрах появляется пара акул. Они подкрались совсем незаметно! Минутное волнение... нет, тоже удаляются, небрежно помахивая хвостом.

И вот наконец искрящаяся поверхность. Останавливаюсь на короткое время в нескольких саженях, подчиняясь правилам подъема с большой глубины: на последних метрах требуется провести декомпрессию. Потом всплываю и с облегчением срываю с головы маску.

Запах крови не привлек акулю парочку. Что это, очередная легенда? Или же акулы, как все хищники, нападают, лишь когда голодны? Правда, из маленькой ранки на бедре вытекло не так много крови, да и время кормления прошло.

Мы обратили на это внимание на Абу-Латте. До пяти часов пополудни лагуна спокойна. Хищники тихо-мирно плавают рядом с молодью. Точно так же в саванне возле озера Танганьика львы царственно прогуливаются возле мирно пасущихся газелей. Птицы парят в небе, совершают учебные полеты или тихонько качаются на залитом солнцем море...

Внезапно, словно по чьему-то сигналу, все приходит в движение. Легкая рябь пробегает по поверхности, и через минуту уже лагуна кипит, превратившись в бесшумную арену жестокой битвы.

Во все стороны разлетаются стайки серебристых рыбок, за ними несутся рыбы покрупнее. Быстрыми стрелами вылетают из воды рыбы-иглы, отталкиваясь и вновь взлетая, пока не погружаются в спасительном отдалении, пронесаясь по воздуху добрые сто метров.

В безумном испуге носятся летучие рыбы, сверкая крыльями-плавниками, пытаются улизнуть от прожорливых *carangues*. Акулы всех размеров рыскают среди сотен тысяч беглецов. Над всем этим неистовством, оставив на время свою импозантность, начинают кружить важные пеликаны; суетливо хлопая крыльями и чертя лапами по воде, они настигают скопление рыб и жадно погружают в него громадные клювы.

Выше, метрах в двадцати – тридцати, выглядывая добычу острым оком, летают безумцы; улучив момент, они камнем падают вниз, складывая свое роскошное оперение, и скрываются под водой. Мгновением позже выныривают с рыбой в клюве и отправляются кормить свои выводки в известковых нишах кораллового острова. Фрегаты носятся без видимого толка над водой, а высоко в небе делают круги белобрюхие орланы, без промаха разя добычу.

Полчаса яростной схватки – и вновь затишье. Лагуна опять погружается в спячку, гладкая, ровная, топазовая к концу дня. Солнце уже не жжет, оно стало дружеским. Тени удлиняются. Вдали над синей линией горизонта в тридцати лье вырисовываются три параллельными цепочками Аравийские горы; первый хребет – аметистовый, два других – фиолетовые. Постепенно бледнея, они сливаются с сумеречным туманом.

У эмира

С пляжа мы наблюдали, как «Калипсо», развернувшись, уходил в открытое море. Мы остаемся втроем на континенте, где нас ждет геологическая экспедиция.

Семь недель, со дня отплытия из Тулона, мы отпускали бороды в предвидении этого дня. И бороды отросли. У Дюпа она черная, постриженная кружком, и на загорелом бронзовом лице в сочетании с густыми бровями делает его похожим на араба. Нестеров тоже очень загорел, но у него светлые глаза, поэтому мало шансов сойти за «своего». Ну, а со мной совсем безнадежно: рыжеватая поросль плюс голубые глаза и кирпичного цвета кожа... Тем не менее все трое обзавелись необходимым для каждого мужчины в этих широтах атрибутом – бородой!

В доброй версте от берега среди бескрайних песков виднелась пальмовая роща, над

которой возносился темной массой феодальный замок. Мы высадились в минахе (порту) – таково было пышное наименование закрытой бухточки, где лежали вытасченные на берег три баркаса и гнили полузарытые в песке старый челн и останки когда-то щегольского моторного катера. Развалины турецкой крепости и глинобитная хижина представляли портовые сооружения.

Из хижины показываются двое высоких худых мужчин в просторных одеяниях – сторожа минаха. Обмениваемся долгими рукопожатиями. Потом присаживаемся на корточки, и между арабами и Дюпа начинается разговор. Проходит полчаса. Мы ждем, когда из Лита пришлют машину для перевозки нашего обширного багажа.

– Спросите, за нами кто-нибудь приедет?

Но Дюпа прекрасно знает обычаи. Здесь надо соблюдать форму вежливости: ни один разговор не начнется без предварительного обмена любезностями, затем надо осведомиться о том, о сем и только после этого приступить к главной теме.

Так, Дюпа узнал, что в округе появилась саранча, что декабрьские дожди начались вовремя, что верблюжья колючка хороша в этом году, что катер выбросило здесь во время войны, когда там, на другой стороне Красного моря, шли бои... Что стало с итальянскими моряками, наскочившими на острые зубья рифа? Об этом было неудобно спрашивать.

Наконец Дюпа счел возможным осведомиться:

– Скоро ли за нами приедут люди эмира? Собеседники расплылись в широкой белозубой улыбке:

– Все в свое время...

И мы продолжали ждать, сидя кружком на корточках. Солнце между тем уже склонилось к морю.

В конце дня показался грузовик, полный людей в тюрбанах и развевающихся по ветру бурнусах. «Додж» остановился рядом, все соскочили вниз. Улыбки. Долгая церемония приветствий. Мы пытались подражать Дюпа, но без навыка это не так-то просто. Надо поклониться, прижав открытую ладонь к груди: «Алейкум ассалам», – потом протянуть руку и коснуться ладони собеседника, после чего вновь поклониться, поднеся кончики пальцев ко лбу и губам... «Лабес? – Лабес...» Следующий! На грузовике прибыл один из феодалов со всей свитой, включая дворовых. Уместно ли пожимать руку слугам? В полном неведении решили положиться на свой демократический инстинкт.

Наконец багаж погружен, и машина трусит прямо по песку, без дороги, к селению. Подобно большинству шоферов-самоучек во всех частях света водитель, похоже, не знал, что, когда мотор начинает надсадно гудеть, надо включать другую передачу. Двигатель надрывался на скорости пятнадцать километров в час. Это было невыносимо! Я шепнул Дюпа, нельзя ли вступить за мотор. Но тот, тонкий дипломат, предпочел воздержаться.

За плантацией малорослых пальм открылась площадь, в конце которой на легком возвышении стоял большой четырехугольный ксар с массивными башнями по углам, их-то мы и видели с берега. Несколько верблюдов жевали чахлую траву, закутанные бедуины долгим взглядом провожали нашу машину, а в небе описывали широкие круги коршуны. Незнакомый мир. А впереди еще ждала встреча в средневековом замке.

Феодал повел нас через боковую дверь; стражник-часовой взял ружье на караул. Пройдя двор, мы поднялись по наружной лестнице и очутились на втором этаже в большом прямоугольном зале; пол был устлан дивными коврами. Мебели не было, вдоль стен лежали подушки, на которых восседало человек двадцать. При нашем появлении они встали. Все были в длинных белых галабях, еще больше подчеркивавших черноту бород на худых лицах; головы венчал двойной черный кружок. Самый высокий мужчина с тонкими чертами лица оказался эмир Саад бен-Шейх.

Церемониал приветствий, улыбки... Эмир представил феодала, сопровождавшего нас с пляжа во дворец, – своего брата, эмира аль-Бахара, командующего морскими силами. Наконец все сели, мы – рядом с эмиром, придворные князья – на свои подушки. Потратив минут десять на традиционные приветствия, Дюпа напомнил эмиру о своем предыдущем

визите с капитаном Кусто. Тогда его высочество обещал помочь нам организовать караванную экспедицию к горам. Эмир согласно кивал головой, время от времени переспрашивая. У него был поистине королевский вид: удлиненное лицо с выступающими скулами, пронзительные, глубоко посаженные глаза, властный чувственный рот с чуть утолщенными губами.

Мы с Нестеровым не понимали ни слова. Спутник наклонился слегка ко мне и прошептал чуть слышно:

– Видали лицо эмира?... Похоже, крепкий орешек!

Придворные феодалы своими резко очерченными лицами напоминали хищных птиц. Они сидели по-турецки, расправив складки своих просторных одеяний. Несмотря на худобу, чувствовалось, что это сильные люди. Все были обвешаны оружием: патронные ленты через плечо, пистолеты в кожаных кобурах, сабли, кинжалы и ятаганы дамаской стали в великолепных серебряных ножнах. Двое босых слуг бесшумно скользили между гостями, разнося крохотные пиалы, в которые наливали горячую коричневую жидкость. Уместив пиалу в ладони, я искоса наблюдал за действиями присутствующих. Эмир, вытянув губы, шумно отхлебнул. Я последовал его примеру и застыл, не в силах проглотить жидкость. Сделав наконец это, склонился к Нестерову:

– Вам известно, что мы пьем?

– Понятия не имею, – буркнул тот в бороду, – может, кофе?

Кофе? Гм... Жидкость была очень терпкой и ароматной; чуть позже я распознал резкий запах гвоздики, полностью заглушивший запах кофе. Да, это действительно был кофе, только сверхароматизированный и зеленый: здесь зерна не обжаривают... Решив покончить с испытанием, я одним глотком осушил свою пиалу. Немедленно сзади бесшумно подошел слуга. Я не посмел отказаться...

Стемнело. Внесли большую керосиновую лампу, которая тихонько потрескивала, отбрасывая на побеленные стены причудливые тени. Тем временем слуги сложили в незанятом углу наш багаж. Рюкзаки и чемоданы с пленкой выглядели в этом зале совершенно неуместно, впрочем, как и мы сами в своих европейских одеждах среди восточного убранства рядом с благородной и очень чинно державшейся ассамблеей...

Собрав пиалы, прислужник роздал маленькие стаканчики толстого стекла, куда наливался пахучий горячий чай. Стоя посреди зала, он зорко оглядывал присутствующих, готовый без конца подливать и подливать... Дюпа, почтительно склонившись в сторону эмира, терпеливо разъяснял, что мы хотим: нам нужен грузовик или несколько верблюдов, чтобы добраться до джебея (горы), и несколько человек сопровождающих. Время от времени плавно журчавший разговор наталкивался на какие-то невидимые препятствия. Эмир как будто не понимал. Диалог замирал на мгновение, потом тек дальше.

Шло время. Чай, кофе, еще чай, гортанная речь, потрескивание лампы. Помещение было столь велико, что казалось пустым, хотя в нем было больше двух десятков человек.

– Ну, все!

Дюпа с широкой улыбкой повернулся к нам.

– Эмир сказал, что завтра отправит гонца проверить, не размыли ли дожди дорогу. Если дорога цела, он одолжит нам грузовик. Если нет, гонец передаст шейхам, чтобы те дали нам хороших верблюдов.

Мы в свою очередь расплываемся в улыбках, я благодарю эмира по-французски, сохраняя на лице, как мне представляется, выражение предельной благодарности. Все встают. Прощальные приветствия, новые улыбки, и эмир со всей свитой выходит.

– Насколько я понял, нас приглашают остаться здесь, – заключил Дюпа.

Сон в эту ночь так и не пришел. В воображении рисовался поход на верблюдах, но, увы, куда больше не давали покоя прозаические вещи. Не успели мы погасить свет, как на нас ринулись эскадрильи комаров. Жара не позволяла завернуться в одеяло, а без него спать было немыслимо.

– Хоть бы уж кусали без пения, – ворчал Дюпа. Вскоре к воздушным налетам

добавились наземные атаки. Ясный, абсолютно несонный голос Нестерова объявил:

– С глубочайшим сожалением, господа, должен вам сообщить о наличии в нашем ближайшем окружении мощных контингентов афаниптеров, вульгарно именуемых блохами.

Медленно, нескончаемо тянулись часы. Где-то жалобно закричал осел. Наконец тишину прорезал петушиный крик.

На рассвете черный слуга в длинной гандуре принес большой медный поднос, уставленный маленькими пиалами цветной эмали. Мы расселись вокруг блюда на роскошном персидском ковре. Кончиком ложечки я осторожно попробовал еду; похоже, это был омлет, жаренный на растительном масле. Не знаю, полагается ли по восточным правилам доедать до конца. Надеюсь, наша репутация не пострадала... Во второй пиале содержалась коричневая вермишель, также сдобренная пальмовым маслом. Кроме того, были бобы, зернистый пахучий мед и блины из пресного бездрожжевого теста.

Прислонившись к стене, слуга глядел на нас; на его добром лице играла белозубая улыбка.

– Как тебя звать? – спросил Дюпа.

– Мабрук, – ответил тот. – Я раб эмира Саад бен-Шейха.

– Раб? Как то есть? Он тебя купил? – Да, он купил меня за большие деньги.

Мысль о том, что за него уплачены большие деньги, явно наполняла его наивной гордостью.

– За сколько же?

– За пять тысяч риалов!

– Пять тысяч риалов...

Переводим: «Пятьсот двадцать пять тысяч франков».

– Н-да, – заключил Дюпа. – Люди, видать, здесь в цене...

Мы смотрели на улыбавшегося Мабрука. Нельзя было представить, что это – «вещь», принадлежащая хозяину, который волен распоряжаться как угодно его жизнью.⁹ Настоящий раб, признанный таковым, не скрывающийся под личиной так называемого свободного человека, как это принято в цивилизованном мире...

Едва мы покончили с чаем и Мабрук слил нам из тонкогорлого кувшина воду на руки, как в зал, сопровождаемый шуршанием своих просторных одежд, вошел араб с широкой черной бородой. Сверху на нем была черная безрукавная накидка, служившая подобием плаща. Это был один из вчерашних придворных, которому эмир поручил показать нам Лит.

Какое гостеприимство! Его высочество позаботился даже о нашем досуге!

Первым делом шейх повел смотреть то, что составляет гордость всех жителей пустыни, – воду. В селении было четырнадцать колодцев, прорытых до водоносного слоя, и нам пришлось полюбоваться каждым в отдельности... Одни были просто обнесены камнями, другие имели внушительную кирпичную кладку.

Тени от пальм было немного, поэтому то и дело приходилось шагать на солнцепеке. Шейх широким жестом приглашал полюбоваться очередным колодцем. Мы по очереди склонялись над темным отверстием, втягивали в себя сыроватый слегка затхлый воздух, пробовали освежающую чуть солоноватую влагу, потом выпрямлялись и, повернувшись к нашему gidу, выражали свое восхищение.

Из каждого бира (колодца) рабы доставали воду. Сосудом им служило делу (ведро) из овечьей шкуры, привязанной за лапы к длинной веревке. Подтянув воду к краю, они выливали ее в гербу (бурдюк) из овечьей или козьей шкуры; такие сосуды можно встретить в пустынях всего мира. Две полные гербы вешали с боков на осла, и маленький ослик брел, неся на себе сто литров воды и восседающего на нем раба.

Большинство рабов – африканцы из Судана или Сомали. Но есть и белокожие йеменцы.

⁹ Описываемые события относятся к 1951 году. Официально рабство было отменено в Саудовской Аравии в 1958 году. – Прим. перев.

Нам рассказывали, что в глубинке встречаются даже рабы-европейцы (не знаю, насколько это правда)...

Дюпа немного поболтал с некоторыми встреченными – ни один не жаловался на свою судьбу. И потом, хвала аллаху, разве не была на то божья воля? Многие – сыновья, внуки и правнуки рабов. Это состояние для них столь же привычно, как для человека быть человеком. Кое-кто смутно помнил, что родился «свободным» по ту сторону Красного моря и был в младенчестве продан торговцу, который привез их в Аравию. Они не ропщут и не возмещаются своим уделом... Старик Барк, о котором писал Сент-Экзюпери, помнил время, когда он был человеком, прежде чем сделаться вещью. Эти же – рабы, и все идет своим чередом, как должно быть...

Колодцы, пальмовые рощи и сады вкруговую охватывают Лит. Пальмы, конечно, не такие пышные, как в сахарских оазисах... Сады – тоже скорее название, по сути это огороды, где растут тыкву и фасоль, а «хлебное поле» представляет собой песчаный пятачок, из которого торчат скудные пучки зеленых колосьев.

Гид ведет нас по селению. Вот главная улочка, протянувшаяся метров на сто; от нее разбегаются несколько переулков, петляя меж глинобитных желтых стен. В «центре» множество бедуинов, которые появляются и исчезают в темных проемах лавок. Ослепительное солнце не дает разглядеть, что там внутри. На выставленных прилавках – нехитрая снедь: бобы, зерно, мука, облюбованные мухами финики, кое-где помидоры и огурцы, корни маниоки, привезенные бог знает откуда. А вот, всем на удивление, ящики с великолепными краснощеками яблоками, доставленными из Италии через Джидду, банки американских консервов...

Торговцы позади прилавков, похоже, погружены в вечную дрему.

Мы почти не видели ремесленников, за исключением двух-трех сапожников и ювелиров. Один точал сапоги, второй склонился над крохотной наковальней, третий колдовал над очажком, который он раздувал кожаными мехами, орудуя поразительно подвижным большим пальцем ноги.

Для кочевников-бедуинов Лит – целый город. В прибрежной провинции Хиджаз, одной из самых населенных в Саудовской Аравии, городов мало.

Самые близкие отстоят на двести – триста километров: Джидда, Эль-Кунфида, Мекка, Эт-Таиф. Между ними – пустыня. Лит – это рынок, на котором можно купить рис, зерно, иголки, чай. Это отдых после иссушающих песчаных ветров, после месяцев караванного пути, где расстояния тысячелетиями меряются от пастбища до пастбища, от колодца до колодца. Это город, где растут чахлые пальмы и где есть целых четырнадцать колодцев – райское место в глазах людей, живущих среди изваянных ветром скал, а колодец, до которого они добираются после тяжелого пути, дает вместо воды мутную жижу, если вообще не пересыхает...

В Лите кочевники блаженствуют: с удовольствием бродят, распахнув одежду, по укрытым от безжалостного солнца улочкам, ложатся отдохнуть на циновки в прохладных темных убежищах – кафе, где долгими часами потягивают сладкий зеленый чай, который хозяин готовит тут же на врытом в землю очаге, внимательно, не прерывая рассказчика, слушают нескончаемые истории, поблескивая живыми глазами, готовые в любой момент разразиться громким смехом, – тогда во тьме блещут их поразительно крупные зубы.

К полудню мы возвратились к себе в ксар, наш друг Мабрук принес большое блюдо с желтым от шафрана рисом, в котором виднелись кусочки баранины; каждому полагалось по пресной лепешке. Еда показалась нам замечательной. Единственное – надо было ухитриться набирать рис, не захватывая при этом мух.

От посланного гонца не было никаких вестей. Мы переждали дома томительную жару, а потом снова вышли на улицу, смешавшись с негустой толпой пустынного города. Вокруг скользили неясные тени, гордо жевали губами верблюды, мимо шли, не обращая на нас внимания, бедуины.

Над селением кружили коршуны и луни – внимательные санитары и мусорщики. Из

широких ворот слепого – без окон – дома с торжественной медлительностью вышел караван, груженный бурдюками с водой, мешками с рисом и зерном. Несколько бедуинов внимательно проверяли каждый ремешок сбруи, каждый узел, и по тому, как тщательно они это делали, чувствовалось, что от таких мелких деталей в каменистом океане зависит человеческая жизнь.

Мы ведь тоже надеялись выступить сегодня... Но тени удлинялись, а муэдзин уже взошел на верхушку минарета, чтобы пронзительным гортанным голосом созвать правоверных на молитву. Медленно побрели мы назад к крепости.

Безмятежность и неторопливость здешнего бытия начинала проникать в нас. Мы словно погрузились в библейские времена. «И пришли в Елим; там было двенадцать источников воды и семьдесят финиковых деревьев; и расположились там станом при водах» («Исход», XV, 27). Елим, Лит, какая разница? И караванщики, выходящие в путь, разве не похожи они на исмаэлитов из Галаада, тянущих за пропущенную через ноздри веревку верблюдов, груженных бальзамом, ладаном и миррой?...

Гости или пленники?

Назавтра опять потянулось ожидание; оно уже начинало томить. Эмир не показывался, а шейхи, сменявшие друг друга, дабы эскортировать нас по городу, уверяли, что им ничего не известно об экспедиции.

– Когда же мы сможем выйти? – допытывался Дюпа.

– Обожди, обожди... Эмир скажет...

И мы вновь слонялись по базару, валялись на циновках в кафе, где Дюпа беседовал по арабски со смешливыми бедуинами. Заходили в караван-сарай и бродили среди отдохавших на коленях верблюдов. Почти с нежностью я глядел на наш будущий транспорт. Дюпа поглаживал длинные ремни, деревянные отполированные рахлы,¹⁰ со знанием дела щупал горбы дромадеров.

Нас пускали всюду. Мы шатались по улочкам, в пальмовой рощице, вдоль и поперек оазиса, площадь которого не превышала квадратный километр. Повсюду за нами неотступно следовал увешанный револьверами и кинжалами страж.

Вначале мы радовались такой компании, потому что с ним было веселее, да и контакт с населением устанавливался быстрее. Но теперь все темы разговоров были исчерпаны и присутствие постороннего человека угнетало. Дюпа попробовал было самым вежливым образом убедить его, что мы предпочитаем гулять одни.

Довольно часто к нам подходили с вопросом, не врачи ли мы. К сожалению, приходилось твердить: «Тубиб ля» – «Не врачи». Дюпа добавлял, что на бабуре (судне) есть врач, поэтому, когда бабур вернется за нами, к врачу можно будет обратиться. Но бедным людям не нужны были обещания. Какие язвы, какие раны показывали они!

Не говоря уж об остальном... В багаже у нас была аптечка с инструментами, порошками и ампулами. Но мы решались давать только сульфаниламиды и аргирол. Внутренние недуги, боясь неправильного диагноза, «лечили» аспирином и хинином – они при всех случаях не могли навредить.

В Лите, вообще-то говоря, был доктор, малаец родом с Явы, говоривший на довольно сносном английском языке. Он носил шелковую белую пилотку, из-под которой с деланным безразличием поглядывал на окружающих.

– Вы врачи? – осведомился он, почти не разлипая узких век, при первом знакомстве.

Наш отрицательный ответ его не убедил.

– Ни один? Нет?

¹⁰ Рахла – верблюжье седло. У каждого кочевого племени своя собственная модель рахлы.

Получив подтверждение, он облегченно вздохнул, даже заулыбался и любезно показал нам свой кабинет. Там находилось узкое ложе для больных и маленький шкафчик, в котором стояло несколько склянок, шприц, эмалированная кружка Эсмарха и покоился толстый регистр.

– Он такой же врач, как я, – сказал Нестеров, когда мы вышли на улицу.

Возможно, в родной Индонезии он был фельдшером и, отправившись в Мекку на поклонение, решил не покидать счастливой Аравии, где врачу требуется в первую очередь изворотливость, а уж во вторую – диплом.

Вторая ночь в феодальном замке. Мы улеглись на роскошные ковры. Один читал «Пармскую обитель», двое других погрузились в мысли, глядя в потолок. Пришлось плотно закрыть ставни и двери (стекол в здешних теплых краях не ставят) и опылит все вокруг ДДТ. Мухи падали на спину и дрыгали лапками, прежде чем испустить дух.

– Он нас водит за нос, – промолвил вдруг Дюпа.

В самом деле, ожидание затягивалось. Прошло уже два с половиной дня, но ничто не предвещало будущей экспедиции. Эмир по-прежнему не показывался, а улыбающиеся шейхи, оказывавшиеся рядом, едва мы переступали порог, успели до смерти надоесть.

– Ладно, подождем до завтра. Если ничего не изменится, придется оставить затею и послезавтра, когда придет «Калипсо», грузиться на борт...

Стали устраиваться на ночь. Воздух в запертой комнате нагрелся и стал тяжелым (надо было выбирать между жарой и комарами). Я выбрал последних и вынес постель на террасу. Ясное небо усыпано звездами. Лицо овеял легкий ветерок, взор терялся в мигавшей бездонности, и меня охватило чувство необыкновенного покоя от причащения вечности. Идти к горам, оставаться здесь или плыть дальше... какая разница? Вот мы лежим, крохи, затерявшиеся в мироздании между пустыней и небом. Слабый огонек нашей жизни погаснет, и довольно скоро. Так стоит ли?... Аравия заражала меня своим фатализмом.

Летели часы, прерываемые лишь блеянием овец, писком комаров и редким лаем собак. Внезапно до меня донесся приглушенный смех, голоса. Это во внутреннем дворе замка... Кто живет здесь, что происходит в ксаре? Сложенный из песчаника и глины, дворец служил одновременно резиденцией правителю и казармой. Смех и приглушенные восклицания повторились. Я поднялся и подошел к краю террасы.

На противоположной стороне из двери в подножии юго-восточной башни шел желтоватый свет. Я обул сандалии и спустился. Тихонько пересек двор, подошел вплотную и замер, пораженный увиденным.

На земляном полу, подсвеченные снизу красноватым отблеском керосиновой лампы, сидели человек десять мужчин необыкновенной худобы, в жутких лохмотьях, всклокоченные, с горящими зрачками. Склонившись вперед и держа руку на колене сжатой в кулак, они играли в игру типа «чет-нечет» – разом выбрасывали пальцы, разражаясь при этом смехом и восклицаниями.

Люди в круглой башне походили на сорок разбойников из сказки. Если бы не одна леденящая деталь – они были скованы друг с другом. У каждого с шеи тянулась тяжелая цепь. Первый и последний сидели на земле, вытянув ногу, и та по щиколотку была забрана в колодку из двух толстых отполированных годами деревянных плах, прикрепленных к стене, по которой блуждали трагические тени...

Фантастическая картина! Казалось, мне это все рассказывают. Я стоял потрясенный, ошеломленный, словно ребенок, только что услышавший страшную сказку. Наконец усилием воли вырвавшись из оцепенения, я пошел разбудить товарищей и повел их к тюрьме... Нет, страшное видение не развеялось, как ночной кошмар; «разбойники» по-прежнему сидели там, в своей пещере, развлекаясь таинственной игрой. Блики от их стальных цепей выделяли каблистические знаки в рембрандтовской полутьме, а позади них сплетались в фантасмагорическом танце громадные тени. На следующее утро мы увидели и остальных пленников. Их оказалось около шестидесяти – от совсем юных до

глубоких стариков. Самые старые не были закованы, зато на других цепи висели в избытке. Мы смотрели, как они бродили по двору, собирая щепочки для костра, потом шли на навозную кучу, служившую им туалетом; мы смотрели, как они ели и ложились спать. Ни на одно мгновение они не могли отлепиться друг от друга или сбросить с шеи груз тяжелой цепи. Выходит, нашими соседями были колодники, всплывшие прямо из средневековья...

За что их постигла такая участь? Дюпа решился задать им этот вопрос. Оказалось, в тюрьме сидят убийцы, неплательщики налогов и горькие пьяницы. Другие, как водится, были и вовсе ни в чем не виновны. И совсем уж удивительная для нас вещь: многие попали в тюрьму за супружескую измену!

– Понимаете, – объяснил нам Дюпа, – Коран позволяет каждому правоверному иметь по четыре законные жены и сколько угодно наложниц. В таких условиях совращать чужую жену – уже слишком...

В действительности немногие арабы здесь в состоянии позволить себе роскошь полигамии, и для бедняков, не имеющих денег на выкуп даже одной жены, искушение бывает слишком велико. Даже под страхом попасть в темницу.

Единственно, кого не было в этой странной тюрьме, – это воров. Их вообще почти нет в Аравии: настолько сурово карается данное преступление. После вынесения приговора эмир зовет мясника, и тот отрубает вору кисть руки, после чего обрубок погружают в кипящее масло, дабы остановить кровотечение и пресечь инфекцию.

За повторное или слишком крупное воровство мясник отрубает обе руки...

Заключенных не принуждали ни к каким работам, их просто лишали свободы. Раз в день они готовили себе пищу: рыбу, рис. Остальное время сидели в тени, болтали, смеялись или просто дремали. В час, когда муэдзин созывал на молитву, они спокойно приступали к ритуальным омовениям. Потом, не обращая внимания на звон цепей, поворачивались лицом к близкой Мекке, на север от Лита, и возносили к богу свои молитвы. Цепи на шее не мешали им опускаться на колени и бить поклоны, касаясь лбом земли и простирая руки в сторону священного города. С наступлением темноты они заходили в свою башню, где стражник всовывал ноги двух крайних в колодки.

Убежать они не могли. Да и куда бежать этим несчастным, сумеи они даже выбраться из крепости? С одной стороны – пустыня, безжалостная к одиночкам, с другой – море...

Нет, как только придет «Калипсо», немедленно уезжаем! Во-первых, по каким-то таинственным причинам наша экскурсия была явно нежелательна. А во-вторых, в душу закралась смутная тревога: что, если эмиру вздумается перевести нас в нижний этаж? Разделить компанию узников башни, несмотря на весь этнографический интерес подобного опыта, ни один из нас не стремился.

Третий день в Лите был похож на два предыдущих, хотя мы имели удовольствие лицезреть эмира. Увы, на вопросы, которыми его забросал Дюпа, он сухо ответил, что придется ждать возвращения посланного в горы гонца. Завтра мы непременно сможем выступить. И как раз завтра «Калипсо» должен был зайти в бухту! Было условлено, что, если нас там нет, судно уйдет с рейда и возвратится снова через четыре дня, самое большее через неделю...

К тому времени, когда «Калипсо» пунктуально появился на горизонте, Саад бен-Шейх вновь бесследно растворился. А без его разрешения нельзя было покинуть Лит! Дюпа настойчиво уговаривал придворных отыскать эмира или принести нам разрешение. Мы с Нестеровым, поднявшись на сторожевую башню, разглядывали в бинокль, как белый бабур приближается к берегу. Его высочество наконец соизволил появиться. Дюпа стал просить его одолжить нам грузовик, чтобы доставить к месту багаж, пока «Калипсо» не ушел обратно в море.

– Отчего же? – удивился властитель. – Завтра придут верблюды, и вы сможете...

«Завтра» звучало уже не раз, мы хорошо знали присказку... Дюпа вежливо настаивал:

– Скрепя сердце, эмир, мы вынуждены покинуть тебя. Твое гостеприимство не знает равных на свете. Но, увы, у нас не осталось времени совершить то, что мы замыслили. К

сожалению, мы должны сейчас ехать...

– Зачем же ты говорил, что вы пробудете две недели в моем краю? Что-то не понравилось или огорчило тебя?

– О нет, эмир, твое гостеприимство... И так далее.

«Калипсо» бросил якорь в бухте; мы видели, как от борта отвалила шаланда, подошла к берегу и... вернулась. В шести километрах нас нельзя было заметить в бинокль. Судно развернулось и взяло курс на запад. Уверенные, что нам так и не разрешат экспедицию в глубь страны, мы оказались перед лицом следующей альтернативы: философски ждать возвращения товарищей в надежде, что эмир не навечно сковал нас своим гостеприимством, либо бежать. Мы принялись строить планы.

Вообще говоря, бежать не так уж трудно, если наш статус не изменится. Правда, придется пожертвовать всеми приборами, пленкой, снаряжением и тяжелыми мешками, набитыми серебряными риалами. Больше всего было жаль кинокамер и фотоаппаратов, впрочем, как и пленки. Порешили, что побег состоится, если через четыре дня эмир вновь устроит нам «неудачное свидание» с «Калипсо». Технику бегства мы разработали в мельчайших деталях, как месье. План был таков. Мы выйдем в сумерках, будто для того, чтобы умыться перед сном, и отправимся в безлюдную в этот час пальмовую рощу. Там тихонько свяжем «ангела-хранителя», заткнем ему рот и побежим к морю. Добраться до бухты можно минут за сорок, тревогу за это время бить не станут. Здесь авантюра теряла свои четкие контуры, ибо до Абу-Латта надо плыть по морю тридцать километров. Если бы удалось захватить баркас... А так оставалась одна надежда – надуть резиновые матрасы и грести, лежа на животе.

Приключение, однако, не состоялось: на восьмой день эмир отпустил нас. Весь его вид говорил: до чего ему жаль расставаться с дорогими гостями. Разве нам было плохо у него? Что нас так торопит? Вот-вот прибудет караван, почему бы не дожидаться его? Тем временем любые наши желания будут исполнены – только прикажите! Дюпа поднимал руки к небу, показывая, сколь велика наша благодарность, но намекал, что у руми принято придерживаться строгого расписания, а оно не позволяет подолгу задерживаться в гостях. Все было в лучших традициях, все приличия соблюдены. Ни разу ни с одной, ни с другой стороны не было дано понять, что наши попытки проникнуть в сердце аравийской земли отвергнуты и нам это прекрасно известно.

Да, прав был профессор Ламар, когда писал в предисловии к своей «Геологической структуре Аравии» (мы листали ее в наивной надежде заполнить «белые пятна» на карте этого континента): «Аравия – страна, в которую нелегко проникнуть. Девять из десяти просителей не получают разрешения; а те, кому будет дозволено, вряд ли попадут туда, куда им хочется. Все путешественники следуют по одному и тому же маршруту. Выразить желание повидать другие части страны – значит выказать излишнее любопытство. На это последует изысканный, но твердый отказ». До чего верно! Я познакомился с предостережениями профессора Ламара еще перед выходом в плавание, но легкость, с какой Кусто получил в Джидде разрешения, скрепленные внушительными подписями и печатями, а потом любезный прием у литского эмира внушили нам оптимизм, всю наивность которого мы осознали только теперь.

По возвращении в Париж до нас дошли сведения, что один американский геолог из концерна «Арамко», которому Кусто рассказал о нашем проекте, тотчас оказал давление на саудовские власти, с тем чтобы помешать нам добраться до гор. Его просьба полностью совпадала с традиционной подозрительностью местных владык и была немедленно удовлетворена...

Как бы то ни было, нас выпроводили с полным соблюдением формы. Едва мы дали понять, что смирились с судьбой и расстались с раздражающей привычкой гяуров вечно восставать против заведенного порядка и рваться туда, куда не следует, эмир и его присные отбросили сдержанность и выказали полное добросердечие (исключая момент, когда ехидный Дюпа не отказал себе в удовольствии вновь заговорить о караване...).

Океанография

Мы вновь на Абу-Латте и совершенно свободны! Наши спутники почти закончили программу. Оставалось добыть несколько образцов. «Калипсо» отошел на милое от лагеря для погружений. Гильше сделал съемку выступающей части рифа и подводной террасы. Его длинная худая фигура с блокнотом в руке то и дело появлялась в поле зрения. Иногда он все так же флегматично заходил в воду. Платформа, изумрудным кольцом окружавшая Абу-Латт, достигала кое-где двухсот метров в ширину. Гильше, погрузившись по щиколотку, а то и по пояс, ходил по всей зоне, забыв и думать про акул и мант. Возле самого края риф слегка подымался, чуть вылезая из моря; там Гильше подробно изучал конфигурацию закраин. С берега все это выглядело презабавно: занятый своими мыслями человек, подобно евангельскому апостолу, шествует по морю, аки по суку.

Ему удалось посетить почти все «головы», усеявшие лагуну. Доверяя больше собственному глазу, чем фото-аппарату, он четко и умело зарисовал их с разных сторон. Эти причудливые выступы надводного мертвого коралла свидетельствовали о нестабильности уровня моря. Известняковые породы приняли свои прихотливые очертания в те времена, когда находились на уровне моря. В течение последующих геологических эпох этот уровень не раз менялся.

За каких-нибудь несколько тысячелетий зона умеренного климата, населенная газелями и львами, оказалась покрытой толщей льда. В результате этого уровень морей понизился на несколько десятков футов. Затем наступило общее потепление на планете, и весь этот лед стаял, уровень воды вновь поднялся. Коралловые выступы отчетливо отражали эти процессы оледенения и последующего потепления четвертичного периода в высоких широтах земного шара.

Наша коллекция строителей рифов становилась все внушительнее, но биологи не желали успокаиваться. Мы с охотой подключились к делу (во-первых, из чувства товарищества, а во-вторых, потому, что это давало право на погружение с аквалангом).

Зрелище праздника жизни на подводной части рифа не может наскучить. Возле буйно растущих кораллов и водорослей пасутся несметные стаи рыб. Почти у всех отчетливо виден «клюв» с очень крепкими челюстями, приспособленными для неподатливой пищи. Там состоялось знакомство с рыбой-горбуном.

В тот день мы спокойно парили на глубине метров пятнадцати – двадцати с наветренной стороны рифа. Вдруг прямо на нас выплыла стайка крупных серых рыб со странным горбом на шее. Они держались в сажени от коралловой стены. Время от времени одна из них мощным ударом плавников кидалась вперед, откусывала отросток и вновь возвращалась к месту старта, тщательно пережевывая твердый кусок... Казалось, под водой пасется стадо одногорбых быков. Рыбы упрямо не отходили от стенки, не обращая на нас внимания.

Из-под хвоста они выбрасывали беловатое облачко. Я приблизился вплотную и собрал в ладонь кусочек этого облака: то был пережеванный коралл. Разумеется, осталась только его окаменелая часть. Дело в том, что своими «бронированными» челюстями рыба откусывает разом и желатинообразную протоплазму коралла, и его известковый скелет, затем пережевывает все, оставляет в кишечнике питательный белок, а песчинки известняка выбрасывает наружу.

Мы долго наблюдали этих «морских быков», пытались определить объем известняка, который они превращают в летучий песок. Цифры оказались ошеломляющие: из расчета одного кубического сантиметра на рыбину за один укус (что явно преуменьшенная норма) получилось около пятидесяти укусов в час. При восьмичасовом рабочем дне тысяча рыб-горбунов на двенадцати километрах рифа, охватывающего кольцом Абу-Латт, худо-бедно производит в год двести – двести пятьдесят кубометров песка, тридцать тысяч

тонн за столетие!.. Не удивительно, что коралловый песок обильно выстилает все углубления рифа, где его не вымывают приливы и течения. А внутри атолла дно состоит из известнякового ила, добрая часть которого поступает с этого живого перерабатывающего «комбината».

Правда, настоящих атоллов в Красном море не много, и все они лепятся вдоль суданского берега: Санганеб и риф Зеленый возле островов Суакин. Зато кольцеобразных рифов без лагуны великое множество, и большинство имеет посреди песчаную «насыпь»; я склонен думать, что это – результат деятельности рыб-кораллоедов. В других районах под корродивным действием волн скалы просто разрушаются, превращаясь в морскую гальку. Волны Красного моря не образуют гальки. Правда, в его теплых водах наблюдается несколько иная картина: волны воздействуют на камень корродивным, а не эрозивным образом, то есть оказывают скорее химическое, нежели механическое действие. Вместо того чтобы разломать скалистый выступ и обкатать его кусочки, вода «переваривает» породу, так что вокруг коралловых рифов не бывает песка, если не считать того, что производят рыбы-кораллоеды. Следы морской эрозии в обилии наблюдались вокруг Абу-Латта: все эти изъеденные выступы, зазубрины, пазы; «головы» мертвого коралла несли все характерные черты разъеденного морем известняка.

Оставшиеся дни на Абу-Латте были посвящены сбору сувениров: каждому хотелось иметь собственную акрепору – грациозную раковину с фиолетовыми или снежно-белыми створками, массивные пориты, часто идеальной сферической формы, но главное – алуу тубипору. Иные раковины пополнили частные коллекции: пектен, или раковина святого Якова, конусообразная трока, из которой делают перламутровые пуговицы, громадные «кропильницы» – тридакны, широко распахивавшие свой зев на скалистых выступах в ожидании прохода доверчивой жертвы; под водой меж белых створок ясно видны голубые затаившиеся моллюски. Шербонье, не говоря никому ни слова, вскрыл несколько десятков устриц и нашел в них две-три жемчужины не очень правильной формы, не очень блестящие, но зато имевшие неоспоримую ценность для будущих воспоминаний, поскольку были добыты в море самолично.

Я с нетерпением ждал отплытия. Геологии решительно не повезло в этой экспедиции: обследованный нами остров оказался не вулканическим, а аравийский поход сорвался, так и не начавшись. Природа и характер складок далеких гор, чьим манящим профилем мы услаждали взор, остались невыясненными. Последней надеждой привезти из поездки геологические наблюдения оставалась серия акустических промеров Красного моря, которые я предложил провести капитану Кусто. Сейчас такие батиметрические исследования благодаря эхолоту сделались простым и легким делом. В прежние времена приходилось бросать в воду и вытаскивать свинцовый лот, а полученные данные о глубине сплошь и рядом оказывались неточными.

Ультразвуковые простеры открыли новую эру в океанографии. Судно идет теперь обычным ходом, а прибор, непрерывно излучая ультразвуковые волны и улавливая их отражение, вычерчивает профиль дна. Когда профилей собирается достаточно, можно в результате начертить полный рельеф морского дна.

Океаническое дно таит множество загадок, для примера назову лишь глубоководные каньоны и «гайоты» (подводные конические горы). Как они образовались? Для ответа на эти вопросы следует изучить характер поразительных изменений общего уровня морей и океанов. Часть геологов считает, что в относительно недавнюю геологическую эпоху Париж и Бордо поднимались на две-три тысячи метров над тогдашним морем... Так ли это? Возможно, завтра человеческий разум откроет новые окна в неведомое, но жажда познания повлечет его дальше.

Поэтическая монотонность вахты в открытом море... Час за часом ничего не происходит среди раскачивающихся из стороны в сторону звезд. Часами слышится ровный утробный рокот дизелей, шелест разрезаемой носом воды, редкие, почти животные вздохи ветра в снастях да рядом с рубкой сухое пощелкивание гирорудевого, сквозь которое

доносится тихое пение эхолота. Так теплыми июньскими ночами слышится в траве стрекот цикад...

Время раскачивается в такт ходу судна. Неужели это звезды отсвечивают зыбкими бликами на спинах спешащих навстречу волн? Звезды, чьи имена звучат музыкой в грезах детства, – Антарес, Альтаир, Бетельгейзе, Сириус...

Или это наши ходовые огни: красный – с левого борта, зеленый – с правого, белый – топовый?

В Красном море мало шансов встретить другое судно, едва вы отклоняетесь от главной дороги – прямого пути между Суэцем и Аденom. Вот там нескончаемое движение: теплоходы, сухогрузы, но в основном танкеры.

Мы убедились в этом той же ночью, когда пересекали морскую магистраль: гигантский танкер неожиданно вышел прямо с левого борта... По морским законам уступать следовало ему, поэтому «Калипсо» спокойно продолжал следовать по курсу. Мы с Саутом глядели на освещенную палубу и горящие иллюминаторы с симпатией, какая неизбежно возникает у людей, месяцами видевших одни коралловые рифы. Но танкер, похоже, не собирался ни сбавлять ход, ни сворачивать. Полным ходом он шел на нас.

– Что они там, заснули? – проворчал Саут. Внезапно он вскочил на ноги и вцепился в релинг.

Глаза его сузились от напряжения.

– Ей-богу, он нас пропорет!

Впрыгнув в рубку, Саут схватил штурвал и изо всех сил крутанул его влево. Я едва успел отключить автомат... Громадная туша танкера прошла всего в нескольких метрах и, пока мы качались на вспоротых им волнах, спокойно удалилась к северу.

– Чтоб тебя!..

Мы вновь легли на курс и включили гирорулевой.

Волшебный прибор этот «гироскоп»... Навигация с его появлением стала чуть менее романтической, но зато приобрела надежность и уверенность. Покинув порт, пройдя мели и прочие опасности, в открытом море, где долгие часы предстоит следовать одним курсом, включают автомат, соединенный с гироскопом на дне трюма. С этого момента он с сухим пощелкиванием мячика пинг-понга ведет судно, выправляя положение руля после каждого крена. Пересекая Красное море, мы следили лишь за показаниями эхолота. Мне было чрезвычайно интересно узнать, что за рельеф лежит под толщей воды.

Сразу за Абу-Латтом глубина увеличилась с 60 метров до 700. Паузы между щелчками импульса и приема увеличились. Потом дно слегка поднялось до 400 метров, после чего на протяжении десятков миль прибор щелкал с регулярными интервалами в две секунды. Мы двигались над широким плато. Море было не очень бурным, «Калипсо» держал свои одиннадцать узлов. Регулярность была одним из важных условий нашей работы, поскольку иначе в дальнейшем нельзя будет нанести на карту интересные точки, отмеченные эхолотом.

Как только мы вышли на глубину, сразу же обнаружили таинственные глубоководные звукорассеивающие слои (ГЗС). На графике между линией поверхности и дна где-то на полпути выросло фальшивое промежуточное дно. Временами там оказывался не один, а два, три, четыре слоя, следовавшие друг за другом на разной глубине. Что представляют собой эти таинственные зеркала, отражающие звук и ультразвук? В точности неизвестно, поэтому на сей счет есть немало гипотез: косяки рыб, креветки, кальмары, микроскопический планктон, медузы? Физическая прерывистость, образующаяся за счет резкого изменения температуры и солености? Но физическое явление не может регулярно опускаться и подниматься в определенные часы. А ГЗС ведут себя именно так: с заходом солнца они начинают подниматься со скоростью около пяти метров в минуту и столь же быстро с рассветом уходят вглубь. Нельзя представить, чтобы слой соленой воды вел себя так при изменении температуры... Все это лишь подтверждает предположение о том, что речь идет о живых существах. Современная океанография заставила пересмотреть бытовавшее убеждение в том, что большие глубины являются биологической пустыней;

напротив, плотность жизни там намного выше, чем в верхних слоях.

Поверхность, кстати, разочаровывала биологов по мере удаления от берегов и коралловых рифов. Ночью на «Калипсо», возможно, мы смогли бы понаблюдать за таинственными поднимающимися из глубин слоями. К сожалению, из-за скудности средств, обычной для экспедиций, не преследующих конкретных экономических целей с немедленной «отдачей», нам не удалось установить систему мощных прожекторов для ночных съемок.

Долгое время считалось, что ниже ста – двухсот саженей, где угасает солнечный свет, жизнь не развивается. Конечно, и прежде с громадных глубин поднимали рыб-чудищ, но полагали, что это редкие экземпляры. Прежде всего потому, что им-де нечем питаться: пищу могли составлять лишь мертвые обитатели моря. Со дна громадных впадин зачерпывали ил, в котором обнаруживали особые виды червей, питавшихся органическими частицами. Господствовало мнение, что обитатели абиссальных глубин были когда-то изгнаны из верхних зон более сильными видами и вынуждены адаптироваться к скудным условиям вечной тьмы и холода.

И вот парадокс: эхолоты нащупали в беспросветной тьме плотно заселенные слои! Но этот парадокс вызван нашим неведением. Тур Хейердал в середине своего фантастического путешествия на «Кон-Тики» через Тихий океан обратил внимание, что каждую ночь на палубу плота стали падать осьминоги. Они выбрасывались из воды, словно реактивные снаряды. Днем же мореплаватели их не видели. Хейердал отмечал также, что ловля планктона значительно обильнее ночью, поскольку с первыми лучами солнца большая часть планктона уходит в глубину. Во время своего плавания норвежский путешественник понял, какое «питательное сокровище» представляет собой планктон и какие возможности открываются у потерпевших крушение в море. Эту идею воплотил в жизнь Ален Бомбар во время своей поразительной одиссеи. Он доказал, что усилием воли человек, даже оставшись один в просторах океана, способен прожить месяцы, питаясь одним планктоном и сырой рыбой, если только не впадет в отчаяние. А что делается здесь, в этих волшебных фосфоресцирующих водах Красного моря? Откуда явились мириады светящихся существ, которых не видно при свете дня?

Разумеется, предстоит еще доказать, что именно планктон, поднимающийся наверх в ночные часы, собирается в глубоководные звукорассеивающие слои, отмеченные эхолотом. Требуется понаблюдать и сфотографировать их. Вильям Биб утверждал, что видел их. Правда, он не говорил о ГЗС, ибо в то время, когда он совершил свое сенсационное погружение на батисфере (1934 г.), об их существовании еще не было известно. Но в слабом свете прожектора он наблюдал через иллюминатор настоящий планктонный снег, падавший до самого конца – до глубины девятьсот двадцать три метра. Заметим, что биологи тогда ему не поверили...

Итак, слои планктона поднимаются с вечера на поверхность, а утром опускаются назад. Как объяснил мне океанограф Андре Капар, существа планктона делают это не затем, чтобы полюбоваться ночными звездами, а чтобы поглотить свою порцию микроорганизмов, обитающих на поверхности. Почему бы им не делать этого днем? Потому что среди прочего планктон боится солнца; этим он напоминает травоядных животных африканских джунглей, которые выходят на пастбища лишь после того, как спадет дневная жара.

В конце концов, когда человек обзавелся более совершенными аппаратами, он увидел слои глубоководного планктона. Я имею в виду батискаф профессора Пикара. Кусто, наблюдавший их сквозь толстые иллюминаторы, записал: «Глубоководные слои планктона достигали такой толщины, что создавалось впечатление, будто мы опускались в живом пюре». Океанавты видели не только планктон, но и крупных осьминогов, и акул. Так продолжалось до самого дна.

Едва на наших батиграммах появлялись ГЗС, Кусто прибегал в рубку и садился возле эхолота, раскинув свои длинные ноги, а руки положив на рычажки приборов. Загадка глубоководных звукорассеивающих слоев страстно увлекала его. Он успел прочесть все, что

было написано на сей счет, но не смог составить окончательное мнение. Теперь он надеялся прояснить загадку.

Пока судно пересекало море, мы вдвоем с тревогой всматривались на графике в двойную линию дна. В рубке слегка пахло горелым от искры электрического разряда, посылавшего импульсы.

Была ночь, и второй слой явственно поднимался, пока не смешался с линией поверхности.

Тщательно записав все фазы ночного подъема, дав указания относительно хода плавания и бережного отношения к ценному прибору, Кусто спустился в каюту.

Мы прошли желоб к западу от Абу-Латта и теперь плыли над ровным дном глубиной 250 саженей. Убаюканный монотонностью графика, я вышел на крыло мостика. Уютно помаргивали созвездия. Время от времени я заходил в штурманскую рубку, чтобы взглянуть на ленту самописца: ничего нового, ровное дно слегка спускалось (на несколько саженей каждые пять – десять километров) к западу. К вечеру глубина была примерно 350 саженей. Все совпадало с картиной грабена, разве что уклон был более пологий, чем представлялось ранее.

Успокоенный, я возвратился на крыло. Моя вахта кончилась, пришла смена – Дюпа и Нивелло, которому Саут передал указания, а сам отправился спать.

Я остался. Мне не терпелось посмотреть, как выглядит на бумаге центральный желоб Красного моря. Дюпа с Нивелло оказались почитателями звезд, и всякий раз, как нам выпадала совместная ночная вахта, мы углубляли свои небесные познания, перебирая названия от Арго, Беги, Дельфина... Щелчки эхолота следовали через равные промежутки.

Был, наверное, час ночи, когда до меня вдруг дошло, что паузы удлинились... Обычно вахтенный беспокоится, когда сигналы учащаются: это значит, что дно стремительно поднимается. Но никому, естественно, не придет в голову тревожиться, когда глубина под килем возрастает. Поэтому прошло несколько секунд, прежде чем я осознал всю важность происходящего. Мы вихрем ворвались в штурманскую рубку, подскочили к эхолоту и увидели, что дно «провалилось» до 1700 метров... На бумаге четко вырисовывался откос с двумя-тремя узкими ступеньками. Мы быстро миновали их и продолжали путь над абсолютно ровной платформой.

Я ликовал. На моих глазах самописец вырисовывал недоступный наблюдению профиль, это все равно что сейсмологу увидеть, как его прибор *записывает* далекое землетрясение! Я был еще более счастлив от того, что линии точно совпадали с теми, какие «полагались» по теории разломов.

Я стоял, вцепившись обеими руками в аппарат: море становилось беспокойным. Тонкий стальной стержень продолжал послушно ходить вниз и вверх, потрескивали электрические разряды.

Судя по карте, мы находились точно посреди моря, на полпути между Аравией и Суданом, а значит, только что миновали центральную трещину. Большая выемка соответствовала дну грабена, каким его изображают на всех классических разрезах.

Профиль грабена представляет собой лесенку крутых узких ступеней, отделяющих верхнее плато от сравнительно широкого горизонтального дна. Я ждал, когда начнет вырисовываться ступенчатый откос западного берега, после которого должна появиться подводная суданская платформа. Внезапно, к моему удивлению, линия дна упала еще на пятьдесят саженей! Выходит, мы еще не добрались до центра? Срединная «долина» протянется еще миль двадцать, прежде чем упрется в противоположный откос...

Не успел я подумать об этом, как график в несколько секунд упрямо опустился еще на сто саженей вертикально вниз! Значит, впадина все продолжается... Ровное дно тянулось уже две мили, пять... Под килем было теперь 2100 метров... И вот наконец лестница; пошла цепь ступенек, симметричная той, которую мы пересекли ранее. Через несколько минут «Калипсо» достиг плато, ширина которого контрастировала с узкими ступенями. Глубина – 1700 метров. Зеркальное отражение картины, которую мы видели два часа до того. Да,

прошло уже два часа... Время промелькнуло незаметно, настолько я был захвачен развертывающимся перед глазами зрелищем рифта. Грабен оказался не широкой впадиной с ровным дном между двумя откосами, а узкой щелью, зажатой между сходящимися ступенями. Подобная структура наблюдалась впервые, и даже теоретики, давно пытавшиеся объяснить механизмы громадных разломов, не предполагали подобного профиля.

Эта платформа, как и предыдущая, имела ширину 15 километров. Затем дно начало медленно подниматься к суданскому берегу, и к трем часам ночи мы вышли к нему. Sensация осталась позади. График снова вычерчивал монотонную линию. Только тут я сообразил, что непогода уже давно превратилась в настоящий шторм, «Калипсо» сильно клонило с борта на борт. Несмотря на сильную усталость, заснуть не удалось – грустная участь океанографов...

Мы прибыли в Порт-Судан рано утром. Шторм не утихал, но группа изжелта-бледных «мореходов» уже ступила на твердую землю.

Зигзаги в Красном море

В порту мы провели целый день, забрали пресную воду, продовольствие и мазут – все пока что по более скромным ценам, чем в Джидде. Экипаж, получивший увольнительную на берег, прошлепал в сандалиях мимо витрин магазинов. Ряды консервов, шоколада и печенья, рубашки «фантазия», галстуки и шляпы, проигрыватели, радиоприемники, пластинки и романы в цветастых картонных переплетах. Заглянули на местный рынок, помещавшийся в ангарах, достойных Дюнкерка или Ливерпуля. Улица в конце города разом обрывалась, уступая место широкой пустынной равнине, над которой дрожал перегретый воздух. Полубовались силуэтами далеких гор и вернулись в порт. Увольнительная завершилась порцией виски на террасе скучного отеля... Потом все поднялись на борт.

Из Порт-Судана, скользая между барьерным рифом и берегом, судно двинулось к югу, миновало острова Суакин и на уровне 19-й параллели повернуло в море, взяв курс на Аравию. Мы хотели взять еще один профиль, параллельный первому, чтобы подтвердить направление рифта и вычертить точную карту дна.

Капитан на самом малом вывел «Калипсо» из узкого прохода, и судно пошло по глубокому проливу между коралловыми скоплениями. Видимость была хорошей, солнце все время светило в спину, и часам к пяти пополудни мы достигли так называемого Зеленого рифа – одного из редких атоллов в этой части земного шара. Это овальное кольцо площадью пять на три километра образовано ожерельем выступающих над поверхностью рифов. Кусто ввел корабль в протоку, и несколько кабельтовых мы шли по тихой лагуне, потом отдали якорь и провели ряд разведочных погружений.

До дна здесь было 23 метра – средняя глубина лагуны, показанная эхолотом. Дно было ровное и покрыто густым слоем беловатого кораллового ила, поднимавшегося облаком, едва его касались руками. На атоллах Тихого океана глубина тоже колеблется от 23 до 40 метров – любопытное сходство.

Мы не стали задерживаться на атолле, дабы успеть выбраться из опасной зоны до наступления темноты. В шесть часов лот показал, что дно резко нырнуло вниз – с 60 до 400 метров: кончилось континентальное плато. В отличие от других морей мира, где континентальный шельф спускается с наклоном около 5 градусов, здесь, в Красном море, угол наклона достигал 90°!

Плавание обещало быть спокойным, поэтому капитан, задав курс на всю ночь, спустился к остальным в кубрик. Можно было мирно спать, если, конечно, не интересоваться любопытной щелью на «главной улице» моря. Как обычно, я стоял на крыле мостика, рассеянно прислушиваясь к пощелкиваниям прибора, ожидая, когда начнутся ступеньки. Самочувствие было прекрасное: я только что проглотил прописанную мне дозу лекарства

против морской болезни, а море лежало маслянисто-неподвижное... После угнетающей дневной жары ночной бриз ласкал щеки, обдавая свежестью. Судно на полной скорости несло по черной едва колыхавшейся воде.

Неожиданно эхолот сбился с обычно размеренного ритма и зачастил с такой быстротой, что, казалось, в рубке застрочил пулемет... Саут рванул рукоятку с «полного вперед» на «стоп» и взялся за штурвал. Я отключил автомат и, протопав три ступеньки вниз, очутился возле глубомера. Было от чего раскрыть рот! Дно вздыбилось вдруг до трех саженей, а судно по инерции еще продолжало двигаться! От верхушки рифа до киля было едва несколько футов.

Капитан взлетел на мостик.

– Что происходит?

– Две сажени...

Кусто склонился над циферблатом.

– Невероятно...

И тем не менее это было так: в месте, где официальная морская карта указывала глубину 129 метров, торчал «гвоздь». Днем Кусто обошел бы его с привычной легкостью, но сейчас вокруг была черная ночь...

– Пять саженей!

«Калипсо» не успел остановиться, как риф кончился: в десяти метрах дальше дно опустилось до 30 саженей. Что делать? Ждать, пока рассветет, опасно: зыбь могла снести нас на риф, чей выступ вполне способен пропороть корпус.

– Вперед на самом малом! – скомандовал Кусто.

Мы тихонько двинулись вперед; Саут у руля, Кусто рядом с ним, двое людей у эхолота, остальные – на носу, свесившись через борт и вглядываясь в темную воду. Дно углублялось. Вскоре оно опустилось на 400 метров и потянулось ровной линией...

Минут десять мы ползли на ощупь, потом Кусто отдал команду: «Средний вперед!», а еще через несколько минут винты заработали на полную мощность. У всех будто гора свалилась с плеч. Люди медленно, как всегда после пережитого волнения, полезли вниз, в кубрик. Капитан, успокоившись, тоже наконец оставил пост.

И в тот же миг из глубины вынырнул еще один «гвоздь»! Прибор в отчаянии затарахтел: один метр, всего один метр под килем...

Все повторилось сначала, только на сей раз моряки и ученые еще быстрее вытряхнулись из кубрика. Страшно было смотреть, как на ленте прибора точка за точкой вырисовывался коралловый риф, едва-едва не касавшийся киля. Жуткое бессилие охватывает людей, когда судно помимо их воли несет на выступ, который неминуемо должен его вспороть...

Как в добрые времена парусного флота, матрос на носу, свесившись через борт, мерил линем глубину (импульс эхолота посылался из середины корпуса, так что предупреждение могло прийти слишком поздно). Мы двигались, словно подчиняясь его выкрикам:

– Две сажени!.. Две сажени!.. Две с половиной!.. Две! Потом с нотками радости:

– Четыре сажени!.. Шесть саженей!.. Семь!.. Дна нет! Прибор в штурманской рубке показывал, что откос действительно резко уходил вниз.

Короткое время спустя мы опять набрали скорость, но капитан и его помощники не уходили с мостика. И правильно, потому что мы еще трижды проходили над неотмеченными рифами и трижды переживали сильное волнение.

Казалось, над ровным дном, тянувшимся на глубине 400 метров, выступали четыре циклопических клавиша...

Только после полуночи, когда откос опустился до 600 метров, Кусто поверил карте и отправился спать.

Что думать об этих «печных трубах», самым неожиданным образом торчащих посреди ровного дна? На обеих платформах у берегов Красного моря их довольно много. По всей видимости, до того как гигантский разлом, отделявший Аравию от Африки, заполнился

морем, здесь была довольно ровная долина. Лишь кое-где на ней поднимались холмы высотой от нескольких десятков до нескольких сотен метров. Когда вода через Баб-эль-Мандебский пролив начала заливать впадину, она не сразу покрыла эти холмы. На выступавших вершинах устроили свои колонии полипы. Постепенно коралловые конструкции погружались все ниже и ниже, но мадрепоры сражались за жизнь, надстраивая все новые и новые этажи: ведь они могут существовать лишь близко к поверхности. Тысячелетиями полипы упрямо возводили небоскребы, вернее, морескребы, вытягивая их на сотни метров вверх...

Остаток пути прошел без происшествий. Рисунок дна был почти в точности похож на предыдущий: легко прослеживались и трещина и ступеньки. На этой основе можно было набросать подлинную блок-диаграмму грабена, как если бы он лежал под открытым небом. Мне очень хотелось спуститься еще километров на сорок к югу и произвести еще один поперечный замер, но время поджимало, Кусто и так уже нервничал. Надо было сворачивать лагерь на Абу-Латте и возвращаться в Европу.

Я попросил капитана на обратном пути пройти зигзагами с востока на запад и с запада на восток через Красное море, чтобы получить более полную картину дна – документ, бесценный для будущих плаваний. Увы, этому тоже было не суждено осуществиться. Капитан согласился менять курс, но линии промеров шли под слишком большим углом к поперечной трещине моря, искажая картину.

Несколько раз мы останавливались у африканского и азиатского берегов, в частности возле острова Зебергеда. «Калипсо» готовился к возвращению.

Последнее погружение... В паре с Нестеровым я прощался с волшебным миром безмолвия. Миновав красочную феерию верхних десяти саженей, где вслед нам махали нежными венчиками коричневые водоросли, мы устремились вниз вдоль крутой стены. Вскоре серебристая поверхность скрылась из виду, стена оголилась, и мы остались одни. Очень хотелось добраться до дна или хотя бы подольше побыть здесь, в туманном царстве больших глубин, вобрать в себя зрелище, которое не увидишь больше нигде... Увы, мой спутник плохо реагировал на растущее давление. С шестидесяти метров уже он хотел возвращаться, но уступил мне и опустился еще немного. Я все же стремительно летел, когда он вдруг почувствовал приближение наркоза и, усилием воли сбросив с себя оцепенение, повернул назад...

Я последовал за ним к солнцу.

Центральная Африка

*От моря до вершины,
Где чахнет зелень древа,
Природы волшебство
Не меряй общей мерой.
Робер Вивье*

Духи вулканов

Неожиданный профиль дна в Красном море отличался от обычной картины сбросовых долин и лишь подкрепил гипотезу о возможности образования грабена в результате растяжения земной коры. Дело в том, что по вопросу о происхождении трещин идет спор между сторонниками растяжения и сторонниками сжатия. На Земле существуют обе формы рифтов: тонкий панцирь, покрывающий нашу планету, расползался под воздействием как сжимающих, так и растягивающих сил. Достаточно затем как следует поработать эрозии, чтобы географически результат вышел одинаковым в обоих случаях.

По законам механики относительно узкая трещина вряд ли способна образоваться как

следствие сжатия. Силы сжатия должны вдавливать центральный блок все глубже и глубже. Зато при растяжении (вне зависимости от его причин) получается именно такая узкая щель. Казалось бы, сторонники этой гипотезы должны были давно одержать верх. Между тем она не дает достаточно убедительного объяснения механизму возникновения так называемых горстов на краю грабена Великих Африканских озер; примером их может служить массив Рувензори, превышающий пять тысяч метров.

Возможно, читатель спросит: «А зачем вообще выяснять причины происхождения грабенов? Что это дает?»

Дает... Чудесное слово, низведенное сейчас до утилитарного смысла и оправдывающее усилия, при которых человек подчас жертвует жизнью, только в том случае, если эти усилия преследуют «полезную» цель – открытие залежей ископаемых, источников энергии, новых рынков. Если же они служат научной идее, не имеющей немедленной «отдачи», эти усилия вызывают недоумение, а подчас и возмущение... Меркантильное отношение к поиску еще больше выросло после второй мировой войны. Сколько раз приходилось мне слышать: «А что это дает?» – по поводу астрономии, альпинизма или спелеологии. Так и хочется на это крикнуть: «А ничего!» Те, кто не способен оценить усилие, риск и самопожертвование во имя отвлеченной красоты и познания, пусть и дальше занимаются подсчетами, что выгодно, а что невыгодно. Их не убедишь...

Узнать, как образовались грабены, в результате ли сжатия гигантских тисков или провала свода, вспученного бог весть какими внутренними силами; в результате ли подвижки плит земной коры («дрейфа континентов»), покоящихся на вязкой магме, или разлома экваториальной полосы, лопнувшей, словно перезрелый помидор под давлением миллиардов тонн льда, накопленного на обоих полюсах во время «пики» оледенения, – все это на первый взгляд не дает никакой выгоды, во всяком случае в данный момент. Тем не менее чисто научная любознательность, толкавшая геологов и натуралистов на исследование сбросовых долин, уже сейчас принесла конкретную пользу, например: начаты весьма рентабельные разработки поразительных «айсбергов» углекислого натрия на озере Магади в Большом Кенийском рифте. Эти образования настолько мощны, что по ним от берега к карьере ходят тяжелые грузовики.

Или, скажем, вулканические фумаролы под антиклинальными вздутиями поверхностных слоев в различных точках рифта – это ведь замечательные природные резервуары пара под высоким давлением. Вполне возможно, что через несколько лет «красный уголь» будет числиться среди главных источников промышленной энергии на планете: ведь запасы его практически неисчерпаемы. А сколько еще сокровищ обнаружится в сбросовых долинах!..

Мои намерения, однако, были чисто платонические – хотелось посмотреть, прослеживается ли структура разломов, параллельная той, что мы видели в Красном море, под слоем осадочных пород и лав больших рифтов. Поэтому я был рад, когда в 1953 году мне представилась возможность вернуться в Центральную Африку.

Маршрут должен был пролегать от Танганьики до Эфиопии по гигантской депрессии, утыканной вулканами. Я приобрел надежный вездеход и солидный запас медикаментов на случай, если понадобится помощь двум-трем членам экспедиции, а также местным жителям, которые будут нас сопровождать; купил кучу фото пленки, дабы запечатлеть все интересное в пути; приобрел несколько новых приборов, в том числе портативный спектрограф, магнитофон на батарейках и акваланг. У своего старого друга Луи Тормоза – профессионального горного гида и инструктора по лыжам – я спросил, не привлекут ли его озера, кратеры и пустыни настолько, чтобы пропустить один альпийский сезон. Узнав о том, что нам предстоит забраться в малоизвестные дебри Африканского континента, этот молчаливый кряжистый парень, взращенный горными ветрами и обожженный солнцем, расплылся в широкой улыбке:

– Старик, можешь рассчитывать на меня!

Его карие глаза так и лучились...

По прибытии в Гому, маленький городок на живописном берегу озера Киву, я с удовольствием узнал, что группа ученых обнаружила недавно на дне озера источник энергии. Новое доказательство экономической выгоды изучения сбросовых долин! Экспериментальным путем была подтверждена правильность гипотезы, высказанной еще пять лет назад одним из участников экспедиции – химиком Жаном Кюффератом.

Анализируя пробы со дна озера, Кюфферат обратил внимание на исключительную насыщенность воды газами, в частности сероводородом, углекислым ангидритом и метаном. В дальнейшем оказалось, что содержание газов и плотность воды резко менялись на глубине 250 метров. В озере прослеживались два слоя плотности. Верхний, образованный дождевыми водами, был относительно чистый. Нижний соприкасался с обширными лавовыми полями и насыщался газами, отсюда и высокая плотность; давление 250-метровой толщи верхнего слоя заставляло газы растворяться в воде.

Открытие привело Кюфферата и Крапара, возглавлявших гидрологическую миссию на Великих озерах, к заключению, что нижние плотные страты не подвержены действию течений. В озере Киву, покоящемся как бы в громадной выемке между крутыми берегами, нижний слой оставался неприкосновенным для циркуляции: он имеет слишком высокую плотность и находится под спудом верхнего слоя, который давит на него с силой 25–30 килограммов на квадратный сантиметр. За тысячелетия придонные воды обогатились невероятным количеством газов (как вулканических, так и порожденных разложением органических веществ). Если давление изменить, растворенные в воде газы начнут подниматься вверх. Кюфферату пришла в голову мысль попробовать опустить в озеро трубу и выкачать немного воды с глубины; газы должны выходить, как в откупоренной бутылке шампанского или пива. Более того, качать придется только в начальной стадии, а затем процесс под действием внутреннего давления продолжится сам по себе, успевай только собирать газы!

Я встретил ученых в тот момент, когда они только что испытали свою систему. Оба счастливо улыбались, были в прекрасном настроении, но, едва речь заходила о результатах, разом проявляли сдержанность. Дело в том, что директор фирмы в далеком Брюсселе обязал их хранить все в строжайшей тайне. Лишь много времени спустя я сумел получить от них интересовавшие меня подробности. А тогда, в Гоме, мне пришлось выуживать сведения из Бруно, симпатичного африканца, служившего капитаном на их исследовательском судне. Бруно все еще не мог отделаться от увиденного!

– Спустили в озеро пластмассовую трубу, метров пятьсот в ней было, – рассказывал он. – Потом начали качать. Потом отключили насос, но вода продолжала сама бить из трубы... А вонь была, месье, не могу вам передать!..

Конголезцы, как правило, терпимы к запахам. Так что, уж если Бруно жаловался на запах тухлых яиц, не оставалось никаких сомнений – налицо характернейший признак сероводорода!

– А уж рады они были, – продолжал Бруно, – так рады, что обливали друг друга этой водой. Как из шланга, месье...

В Европе всемогущий Директор считал их невоздержанными утопистами. Несколько месяцев спустя ему пришлось признать, что они совершили открытие исключительной важности. В этой области, по величине равной Бургундии, начинала развиваться горнорудная промышленность, строились заводы по переработке сельскохозяйственного сырья. Проблема энергетики сразу же встала очень остро. Проекты постройки плотин для гидростанций наталкивались на большие трудности геологического порядка; горючее, доставляемое с океанского побережья, обходилось баснословно дорого, угля не было, а пригодной древесины крайне мало... Неожиданный источник энергии – природный газ – был просто даром providения! И источник – резервуар площадью в четыреста квадратных километров и толщиной 250 метров, то есть объемом в сто кубических километров. Если принять за основу такой же объем метана – а цифра явно заниженная, – получалось более ста миллиардов кубических метров газа! К тому же источник практически неисчерпаем,

поскольку по мере дегазации в нижних слоях вновь будет накапливаться метан. Вдоль пятисоткилометровой береговой линии на этом горячем смогут работать несколько электростанций.

Подобное стечение обстоятельств может возникнуть лишь в зоне сброса: глубины выемки там обеспечивают достаточно высокое давление на дно; лавы и фумаролы близких активно действующих вулканов насыщают глубинные воды растворами минеральных солей, а следовательно, создают важную стратификацию слоев, не смешиваемых течениями; наконец, не забудем о богатом содержании органических веществ, которые при разложении выделяют горючий метан...

Нетерпение уже снедало нас, но перед дальней дорогой мне очень хотелось еще раз взглянуть на активный кратер вулкана Ньирагонго, чей двухкилометровый силуэт возвышается над городком Гома. Четырехсотметровый колодец с озером расплавленной лавы не выходил из головы. Тут, правда, были технические трудности, и немалые, но игра стоила свеч.

На всей Земле был лишь еще один кратер с озером живой лавы – вулкан Килауэа на Гавайских островах, где лет сорок назад американцы оборудовали вулканологическую обсерваторию. Увы, к нынешнему времени озеро успело застыть. А в Бельгийском Конго?¹¹ В Бельгийском Конго вулканам не повезло: они оказались на территории национального парка...

Национальные парки существуют во многих странах, но там ответственные лица прилагают все свои усилия, старания и заботы, чтобы эти заповедники служили сохранению флоры, фауны и исторических памятников. Туда открыт доступ ученым – кто же лучше сумеет сделать сокровища достоянием народа, кто поможет сохранить доставшееся наследие!

В Конго случилось иначе. По чьему-то злому умыслу национальные парки попали в ведение высокопоставленного колониального чиновника с чванливым нравом. Действуя абсолютно бесконтрольно, он вдруг решил, что заповедники – его вотчина, а вовсе не общественное достояние.

Отныне не могло быть и речи о том, чтобы, заплатив немалые деньги за вход, сделать хоть шаг без сопровождения надсмотрщика. Упаси бог ботанику или геологу унести отсюда малейший образец! Все зависело от прихоти «хозяина»... Словом, в пределах парка царила атмосфера прусской казармы, где не допускалось ни малейших отклонений от «устава».

Исключения делались для немногих фаворитов, которым дозволялось отклоняться от установленного маршрута и гулять по имению, с тем чтобы затем разносить по свету хвалу сатрапу.

Ничего удивительного, что в подобных условиях Ньирагонго, имевший несчастье стоять на территории парка, пребывал в отличие от Килауэа неведомой землей. До 1948 года, когда нам впервые удалось заглянуть туда (что навлекло на нас громы и молнии всемогущего владыки), никто и не знал, что в его кратере находится единственное в мире озеро расплавленного базальта! С тех пор на вулкан было наложено табу.

После первого визита пять лет назад к краю гигантского котла я думал лишь о том, как бы вернуться туда. Мне хотелось не просто еще раз взглянуть на дивное зрелище; в мечтах мне рисовалось, как я беру пробы для последующего анализа и провожу серию спектрограмм бурлящей лавы.

В этом районе наблюдалось крайне интересное явление. По соседству здесь стоят два действующих вулкана – Ньирагонго и Ньямлагира, причем начинают действовать они то одновременно, то порознь. Питает ли их один очаг или каждый связан со своим резервуаром? Существует ли подземный канал между двумя конусами?... Пять лет назад,

¹¹ После провозглашения в 1960 году независимости – Республика Конго, с 1971 года – Республика Заир. – Прим. ред.

когда я изучал извержение паразитного конуса Ньямлагире, мне показалось, что вулканы не зависимы друг от друга. Анализ лав из кратеров позволил бы прояснить картину. Но взятие проб из Ньямлагире было несложным делом, а вот в Ньирагонго надо было опускаться достаточно глубоко.

Базальты Ньира существенно отличаются от базальтов Ньямы. Подобная вещь склоняла к мысли, что глубинные резервуары обоих вулканов различны. Но без анализа образцов сегодняшней лавы из кратера Ньирагонго нельзя было сделать окончательного вывода. Оставался единственный способ – сходить за материалом в Ньирагонго и сравнить его с пробами Ньямлагире.

Внешне все вырисовывалось просто: найти носильщиков, добраться до кратера (3500 метров над уровнем моря), спуститься в него, сделать необходимые замеры, взять пробы и вернуться назад. Так по крайней мере это выглядело бы в любом другом месте земного шара, но... Именно в этот момент я узнал, что вулканологу, приехавшему сюда после успешных экспедиций в Соединенных Штатах, на Гавайях и в Японии, не удалось получить, несмотря на долгие и хитроумные демарши, разрешение посетить – в сопровождении охранников – спящий кратер Ньямлагире. Ни о чем другом он даже не просил. Можно представить себе, как была бы воспринята просьба о восхождении на Ньирагонго. Надо было либо отказаться от затеи, либо, улучив момент, как-то одолеть препоны, воздвигнутые самодуром...

Подготовка к операции прошла без сучка, без задоринки. Раздобыли четыреста метров тонкого стального троса для спуска снаряжения в кратер. Приборы, поклажу и продовольствие разложили в холщовые мешки по пятнадцати килограммов в каждом. Больше класть было нельзя, поскольку подъем предстоял крутой, а местные носильщики далеко не геркулесы.

В один из дней я встретился с давно живущей здесь знакомой француженкой по имени Брижитта.

– Ко мне пришел старый вождь Камузинзи, – сказала она, – просит кое-что из лекарств. Думаю, вам будет интересно поговорить с ним о вулканах.

Старик сидел на траве возле самой воды, попыхивая в ладони крохотной носогреющей. Возраст местных жителей определить трудно: лица их очень рано покрываются морщинами. Но вождь оказался мне действительно старым: его проволоочная шевелюра была совсем седой, равно как и тощая борода. Он сидел на корточках, расправив потертую бумазейную пагне,¹² смежив веки, погруженный в думу. Рядом также молча сидели двое юношей с трубками. Все трое рельефно вырисовывались на лазурном фоне казавшегося безбрежным озера. Дожди кончились уже несколько недель назад, и над озером, как всегда в сухой сезон, повисла водяная пыль, скрадывавшая видимость в одном-двух лье. Не было ни противоположного берега, ни гор. Вода и небо.

– Расскажи нам о вулканах, Камузинзи, – испросила Брижитта. – Мы сможем туда добраться?

Вождь помолчал, медленно вытянул изо рта трубку и обронил:

– Огненные горы – наши.

Он говорил на смеси кисуахили с киньяруанда, которую разбирала одна лишь Брижитта.

– Белые люди запрещают нам ходить туда. Но после смерти мы все равно окажемся там.

– После смерти?

– Хо-о... Мы, черные люди, уходим туда после смерти. Белые нет. Баньяруанда и ватусси – в Ньирагонго, а бахунде, батокайджу и букаву – в Ньямлагире.

– А что делают мертвые в вулканах, Камузинзи?

– Живут там. Мужчины и женщины. Ждут своих вождей.

¹² Длинная до пят юбка, которую носят мужчины и женщины.

– И работают?

– Нет, они не ходят в поле, не ловят рыбу, не охотятся. Но они подчиняются своим вождям.

– А что они едят там, Камузинзи?

– Хо-о... А что ест сейчас твоя тень? Разве теням нужна еда? Хо-о...

– А откуда огонь в вулкане?

– Огонь? Его разводят там кимвали (духи). Вождь приказывает им, они начинают раздувать пламя, и от этого загораются деревья, трава, камни...

– Значит, извержениями командуют умершие вожди?

– Да. Если сильно осерчают на что-нибудь. Нугамбва в свое время повелел сделать большо-о-о-й огонь... Он рассердился, что после его смерти балиоко заняли его земли, взяли рабов и весь урожай.

– Ну, а еще?

– Каждый раз, как умирает большой вождь, из вулкана выходит огонь. И чем больше вождь, тем больше огонь.

– А кто извергается сильнее?

– Ньямлагира, потому что он муж Ньирагонго. Ньирагонго жена Ньямлагире. А Ньямлагира был большой, очень большой вождь давным-давно. Ньирагонго была ему...

Он смолк и погрузился в глубокую думу, словно вспоминая о величии своих предшественников.

– Да, мы, вожди, умеем пускать огонь...

Внезапно он оживился:

– Вот когда умерла жена моего брата Изулу, был большой огонь! Это когда ба-алема были еще в Руанде.

– Извержение 1912 года, – шепнула мне Брижитта, – на Катерузи. А ба-алема – это немцы... Камузинзи, а что произошло в 1938-м?

– Тогда умер Мафуме, сын Ньямулизи из Моанга, вождя племени вашалимокоото.

– Это не он похоронен в лесу на полуострове, у озера Мокото?

– Он самый. Его похоронили на священном полуострове, где лежат все вожди вашалимокоото.

– А правду говорят, что туда никто не смеет войти?

– Правду. Человек утонет возле берега, если осмелится ступить туда. Это священный полуостров.

– А огонь 1948 года? – спросил я. Мне было любопытно выяснить, что послужило причиной извержения, занявшего в то время пять месяцев моей жизни и изменившего весь ее ход.

– Тогда-а-а, – раздумчиво протянул Камузинзи. – Шове выпустил огонь после смерти вождя Бикахе из Бвамбали... Гитуро – это когда умер Кайембе из Кишари... А последний раз – вождь каньяруанда из Тенге.

– Он же был тогда еще жив, – возразила Брижитта.

– Он не сразу отправился в вулкан, – отпарировал старик. – Он еще погулял сначала.

– Скажи, Камузинзи, а можно что-нибудь сделать, чтобы не было извержений?

– Хо-о... Ничем нельзя помешать огню. Но можно его умиловать. Надо только нести дары кимвали и отдельно – вождю, который вызвал огонь. Коз, корову, помбе (банановое пиво)... Но когда я умру, будет ужасный огонь! Потому что я великий вождь, очень старый...

– Да, ты стар и мудр, – согласилась Брижитта. – Сколько тебе лет?

– О, я очень-очень стар... Никто не знает, сколько мне лет, такой я старый.

– Тебе сто лет, Камузинзи?

– Хо-о, – обижается вождь. – Сто лет! Мне давно уже триста.

Путь к вершине

К вершине Ньирагонго лучше всего добираться слоновой тропой; по ней в сопровождении служителей парка и двигаются все редкие визитеры. Идти другим путем значило бы потерять три дня вместо одного, прорубаясь сквозь чащу кустарников. Но попасть на слоновую тропу можно было только по шоссе, где прямо у обочины стояли хижины сторожей. Между тем караван у нас, включая носильщиков, был немаленький. Как быть? Кто-то вспомнил, что вокруг Национального парка проведена граница – выжжена в джунглях полоса, пересекавшая шоссе чуть в стороне от Ньирагонго; ее-то мы и выбрали.

Поскольку мы рассчитывали не только спуститься до круговой платформы, где побывали в 1948 году, но и достичь дна с кипящим базальтовым озером, понадобилась крепкая вспомогательная группа. Я не был уверен, сыщется ли достаточно добровольцев для того, чтобы презреть опасности вулкана, а возможно, и ярость самого владыки национальных парков...

К моему удивлению, предложение было встречено с восторгом. Африканцы радовались возможности побывать на своих исконных землях, куда им уже много лет был закрыт доступ. В конце концов собралось двадцать пять человек. Набившись в два грузовичка, куда с трудом вместились наши узлы и треноги, мы проехали пятьдесят километров до подножия горы.

Было темным-темно, когда машина наконец остановилась: мы решили дожидаться новолуния, чтобы иметь лишний шанс. Носильщики бесшумно спрыгнули с борта и растворились в чаще – так у нас будет невинный вид застрявших автомобилистов, если паче чаяния по дороге мимо поедет другая машина. Но в четыре утра на африканских дорогах не бывает движения... Выгрузку провели в лихорадочном темпе, после чего наши друзья шоферы двинулись назад – условились, что они будут ждать нас каждую ночь с девяти вечера, начиная с послезавтра. А сафари (караван), не мешкая, двинулся по просеке.

Фонарики можно было включать лишь на короткий миг, дабы не привлечь внимания кого-нибудь из страдающих бессонницей сторожей. Поэтому идти по сильно пересеченной местности, изобиловавшей скрытыми в траве камнями и рытвинами, было не самым приятным делом. Но надо во что бы то ни стало до зари выбраться из саванны в лес.

Шум, раздавшийся слева, заставил караван остановиться. Проводник шепнул: «Тембо» (слон). Что ж, сейчас слоны для нас были лучше охранников. Осторожно ступая, двинулись дальше. Тропа, славу богу, была уже рядом, и четверть часа спустя мы вступили под кроны деревьев. А немного погодя занялся день.

Подножие Ньирагонго вознесено на 1700–1800 метров над уровнем моря и покоится на широком лавовом основании. На севере оно переходит в изобилующие дичью долины Руиуру и Руинди, а на юге сбегает к озеру Киву. Теперь, поднявшись до двух тысяч метров и пройдя главную заставу сторожей, мы уже были уверены, что доберемся до края кратера. Мы шли цепочкой (музулулу по местному), следуя по стопам гигантских животных, пробивших путь через чащобу. Влага настолько пропитала мхи, что почва хлюпала под ногами; скользкие лианы свисали с ветвей, похожие на волосы морских чудищ.

Часа через два лес изменился. Обвитые лианами хагении и большие подокарпусы с резким запахом камфары уступили место странным деревьям высотой 10–12 метров с узкой листвой и корявыми стволами. Это был вереск, гигантский вереск, трепетавший на ветру своим темно-зеленым оперением. Колдовской лес.

Иногда он расступался, и тогда вдали справа открывался величественный пик Микено – древний, изъеденный эрозией вулкан, чей силуэт напоминал альпийский Червин. После довольно крутого взгорья, где передним пришлось тянуть за руку остальных, вышли на седловину, образуемую склоном Ньирагонго и его мощным погасшим спутником Шахеру. Паразитный кратер отсюда выглядел салатной поляной, резко выделявшейся на темном фоне экваториальной растительности. На самом деле это было круглое болото диаметром около километра.

С северного бока к Ньирагонго прилепился другой, еще более внушительный спутник – Барута. Все три конуса, вознесшиеся над прилегающим районом, появились на одной трещине, но два внешних очага давно погасли, а в чреве Ньирагонго и поныне горит огонь...

К восьми утра показалась ровная прогалина, на которой стояли три хижины из грубо сложенных стволов – «вересковый лагерь». Здесь иногда проводят ночь редкие туристы, дабы не утомлять себя восхождением и спуском за один день. Мы тоже устроили долгий привал. Многие впервые совершали восхождение, и сейчас они жадно ловили ртом воздух, растирая одновременно затекшие щиколотки. Я поднял голову – вершина вулкана закрыта туманом, выше трех тысяч метров ничего не видно. Туман не был для нас неожиданностью, он всегда держится на такой высоте в Центральной Африке.

Немного спустя ветер разогнал белые клочья, но вершину все равно окутывали выходявшие из кратера дымы. Мы двинулись дальше.

Вересковый лес тянется примерно до высоты 3200 метров, потом резко обрывается и уступает место еще более странной растительности: древовидному крестовнику с толстыми пушистыми листьями, гигантским лобелиям с торчащими, словно рождественские свечи, цветоносными стержнями. Редкие пучки жесткой серой травы выглядывали из влажных выемок. Но вскоре кончились и они. Потянулись черные базальтовые камни.

Караван распался на несколько групп, приходится внимательно смотреть под ноги и выбирать дорогу между нагромождениями застывшей лавы. Облако целиком поглотило нас. Ватная тишина заволокла мир, виден лишь размытый силуэт идущего впереди человека. Так, поднимаясь почти вслепую, мы с удивлением обнаружили вдруг, что пришли на место: земля круто обрывалась в бездну... Узкий гребень справа и слева терялся в тумане, а прямо под ногами лежал кратер, заполненный серым дымом. Люди по очереди добирались до вершины, и последние еще не успели подтянуться, как первые уже стучали зубами от пронизывающей сырости.

В ожидании просвета мы решили укрыться от ветра в кратере, метрах в четырех-пяти ниже гребня. Луи Тормоз с несколькими носильщиками быстро оборудовали площадку на камнях и натянули палатку базового лагеря. Облачность упрямо держалась; ничего не оставалось, как съежиться под брезентом. Терпение, терпение... Но нет худа без добра: плохая погода по крайней мере избавляла нас от непрошенных гостей – туристов и сторожей. На всякий случай выставили двух дозорных на кромке верескового леса. По сигналу тревоги, прежде чем нежеланные визитеры заметят наше присутствие, основная часть группы разойдется вправо и влево, а двое выделенных людей сложат палатку и спрячутся в кратере под нависшим карнизом. Кстати сказать, там сейчас укрылись те, кому не хватило места под брезентом. Если тревогу объявят, когда часть группы будет на дне, операция должна проходить так же, только придется еще свернуть кабель. Что же касается людей внизу, то на таком расстоянии их вряд ли заметят...

Ночевка в преисподней

Мы ждали уже несколько часов. Изморось покрыла стенки палатки. Луи Тормоз с невозмутимым спокойствием опытного восходителя пытался разжечь примус; тот сопротивлялся ему как мог. Кто-то из африканцев развел костер из вересковых сучьев, и мы приготовили классический «высотный завтрак». В меню: суп из пакетика, каша, ветчина, сыр грийер, сушеная говядина и прочие лакомства, извлеченные из рюкзаков.

Словно по волшебству, облачность вдруг рассеялась, и над головой открылось чистое небо... Еще через несколько минут у нас на глазах очистился громадный цирк кратера.

Стенки колоссального котла упирались в восьмистах футах ниже в ровное кольцо широкой платформы. В центре ее, словно вырезанный циклопическими ножницами, зиял колодец; оттуда вертикально вверх, теряясь в лазурной сини неба, поднимался столб рыжего

дыма вперемешку с клубами белого пара. Пять лет не видел я этого зрелища, и сейчас сам был удивлен охватившей меня радостью. Один носильщик воскликнул:

– Смотри-ка, там, внизу... Платформа будто из цемента, не то что наша лава! Это ее черти сделали...

– Да, это кимвали, – подтвердил другой. – Они там пляшут, когда никого нет.

И, замирая от страха, с дерзким любопытством свесились вниз.

Отсюда поверхность внутренней платформы казалась и вправду совершенно ровной в отличие от базальтовых нагромождений вокруг озера Киву. Но вряд ли стоило разяснять моим спутникам, что платформа, которую они видели с высоты 250 метров, в действительности вся изрыта дождевыми потоками, низвергающимися с крутых стен. Они бы не стали со мной спорить и поддакнули бы мне вежливыми «ндио» (да) и «кабиса» (конечно), но про себя бы подумали: «Ох уж эти белые, вечно что-нибудь выдумают...»

– Я был уже там один раз, – промолвил Каронго, высокий крепыш задумчивого вида.

С удивлением смотрю на Брижитту. Та улыбается:

– Его укусил кимпуту,¹³ и он немного повредился в уме. Каронго с победным видом посматривает на окружающих, но те поднимают крик; особенно негодует маленький Жозеф:

– Лгун! Человек может жить только на земле, а потом он отправляется в ад или на небо!

В присутствии европейцев этот прилежный ученик миссионеров решает блеснуть вызубренным катехизисом. Но Каронго упрямо твердит:

– Нет, был! Злые кимвали потащили меня вниз. А добрые говорили: «Он еще молодой» – и тянули меня вверх. Тогда злые стали снова тащить, а добрые вытягивать, и они оказались сильнее, поэтому я и остался цел...

Времени оставалось мало, давно миновал полдень. Я прицепил к поясу стальной трос будущего подъемника и полез вниз. План был такой: поскольку путь мне известен, я спущусь сначала один, и мне подадут снаряжение, чтобы успеть все до ночи. Остальная группа двинется, как только заработает подъемник.

Спускаться практически можно было в одном-единственном месте, где в склоне был неширокий коридор, загроможденный обломками. Метров через пятьдесят склон становился круче и переходил почти в вертикальную стену. К счастью, в ней была масса трещин и выступов, так что было за что цепляться. Так я долез до первого пласта туфа, красневшего между слоями твердых пород.

Внутренняя структура вулкана была отлично видна. По этой стене можно было проследить, как веками гора росла из напластований лавы и пепла. Извержения выбрасывали в воздух миллионы тонн пепла, лапилли и шлака; падая, они спрессовывались в вулканический туф.¹⁴ За газовыми выбросами следовало излияние жидкой лавы, она растекалась, словно вода по склонам, покрывая и цементируя пепел предыдущих извержений. Все превращалось в однородную твердую пористую массу. Напластования породили в результате этого могучий конус – стратовулкан, в вершине которого зиял кратер в форме воронки. Затем, когда период роста кончился, активность Ньирагонго пошла на убыль, столб лавы внутри горы стал опускаться. Создалась пустота, куда в один прекрасный день и рухнул центр конуса; остался котел, по вертикальной стене которого я спускался сейчас. Вот почему, строго говоря, это не был кратер, под которым обычно подразумевают отверстие в форме воронки. Более точным будет английское наименование sink hole (провал).

Пройти слои красноватого туфа было делом нетрудным (с альпинистской точки зрения здесь вообще все было просто), однако требовалась предельная осторожность. Нельзя было

¹³ Африканский клещ, переносчик возвратного тифа и энцефалита.

¹⁴ Не путать с известняковыми туфами.

довериться ни одному упору: и большие и маленькие выступы грозили в любую минуту оторваться от массы пепла, к которой они приросли. Скалолазу приходилось пускаться на всякие уловки.

Вскоре острый камень вынудил меня двинуться в обход. С этого момента страховочная нейлоновая веревка и предназначенный для подъемника стальной трос начали чинить мне неприятности: они ложились зигзагами, норовя то и дело зацепиться за камни. Те с грохотом сыпались вниз. Нельзя сказать, чтобы свист тяжелых снарядов, проносящихся возле уха, наполнял меня энтузиазмом, но другого выхода не было. Чуть ниже началась новая напасть – перекручивание. И чем дальше я опускался, тем больше трос перекручивался. Приходилось резкими движениями перекидывать его по очереди через выступы. На некоторых отвесных участках эта гимнастика была особенно тяжелой.

Я одолел уже три четверти пути, когда трос окончательно застрял. Десять минут я дергал, поднимал, раскачивал его – впустую. Пробовал кричать наверх товарищам, чтобы они подтянули его немного к себе, – голос не достигал края. Пришлось отцепить и замотать конец проволоки за камень; пусть теперь Тормоз тащит до места назначения эту проклятую железку. А я, освободившись от стальных пут, с облегчением двинулся вниз.

Добравшись до последней каменной глыбы, спрыгнул на ровную платформу. И в тот же миг, словно ожидая конца эпопеи, в котел вползло облако! Несколько секунд спустя уже ничего не было видно в двух шагах. Я присел на корточки (что оставалось делать?).

Время бежало быстро, и я уже начал опасаться, как бы не пришлось здесь ночевать, дожидаясь, когда рассеется туман. Товарищи не смогут спуститься раньше завтрашнего утра, а здесь со мной нет ни приборов, ни теплой одежды, ни еды.

Так оно и вышло... В шесть стало темнеть. Туман окрасился в багровые тона, подсвеченный лавой со дна центрального колодца. Надеяться больше было не на что – ни спутников, ни хлеба, ни воды. От измороси я начал стучать зубами. Не знаю, сколько длилось ожидание; так ждут застигнутые непогодой в горах путники: что можно сделать, когда ничего нельзя сделать? Постараться думать о чем-нибудь другом, мечтать...

Спустя несколько долгих часов небо прояснилось. Надо мной возник правильный круг, усеянный крупными мохнатыми звездами, а в полусотне шагов кровоточащей раной в ночи зиял центральный колодец. Оттуда поднимался мощный столб клубящегося дыма, окрашенный в трагически карминный цвет. Влекомый этим отсветом, я подполз к губе внутреннего кратера.

Неважно, сколько активных вулканов ты повидал на своем веку, масса kloкочущей лавы – всегда ошеломляющее зрелище. Оно захватывает не только своей грандиозностью; душа застывает при встрече с одним из самых сокровенных таинств нашей планеты. В нескольких сотнях метров подо мной расстилалось озеро первозданной материи. Свет этого источника по ночам обаграл небо над всем здешним краем, а глубину его вряд ли мы сможем узнать. Похожее на выщербленный полумесяц, озеро занимало юго-западную часть колодца. Его выпуклая сторона заканчивалась у совершенно гладкой вертикальной стены, а вогнутая уходила под нависающие ступени гигантской лестницы из обвалившихся частей кратера (слово «кратер», повторяю, здесь тоже не подходит, поскольку второй колодец, как и первый, представляет собой провал). То были останки обрушившейся центральной части горы – искрошившиеся, все в трещинах и выемках. Подобная структура характерна для этого типа вулканов, она, в частности, встречается на Гавайях, где три котла как бы продолжают друг друга.

Озеро имело около четырехсот метров в длину и примерно сто в самой своей широкой части. Кстати, ширина не изменилась за то время, что меня не было, зато длина явно выросла за пять лет. Уровень тоже поднялся на несколько метров. Подобные вариации уровня и поверхности составляют привычную особенность данных озер, если только можно обобщать наблюдения вулканологов на Килауэ, поскольку изучать Ньирагонго не позволялось.

Полвека назад в кратере не было огненной лавы, а центральный колодец был двойной – в форме восьмерки, как свидетельствует фотоснимок, сделанный с верхнего гребня первыми

путешественниками. Лет через двадцать новый провал придавал колодцу форму трилистника, и тогда на дне его появилась лава. Она разъезжала вдававшиеся в него мысы, и вулкан внутри принял свой внешний вид...

В первый момент озеро показалось спокойным. Толстая черная корка покрывала жидкую массу. В трех-четырех местах, правда, лава кипела, не давая корке нарасти, и поверхность ее светилась так сильно, что казалась золотой. Порой фонтаны начинали клочкотать сильнее, трещины расходились на десять метров и больше, выбивая высоко вверх огненные струи, опадавшие вниз тяжелыми каплями, словно расплавленный металл. Даже Данте в своем аду не измыслил такого... Фонтаны ярились все больше, захватывая окружение. От черной корки отламывались куски и причудливыми айсбергами пускались вплавь по огненному морю, вначале медленно, потом все быстрее, быстрее, и вот уже кипящие стремнины вовлекали их в свой круговорот и поглощали без следа.

Я лежал на животе, перевесившись немного над бездной, словно загипнотизированный вращением. Порой оно затихало, и падала неожиданная тишина, лишь щели в черном покрове наливались огнем. Потом так же внезапно неистовство охватывало адский котел, и вся его поверхность начинала корчиться от жара, панцирь лопался, и все принималось бурлить, бурлить без конца. К клочкотанию лавы и шипению газов, вырывавшихся из отдушин в вершинах полумесяца, добавлялись пронзительные вскрики и хриплые стоны, исторгнутые из глубин Земли. Случалось, что, подточенные тысячеградусными огненными волнами, в котел с шумом, перекрывавшим рокот озера, рушились громадные куски горы. Я невольно подумал, как это до сих пор не рухнул вообще весь Ньирагонго, как ему удастся сдерживать такую мощь!

На площадке я был в безопасности, тем не менее подсознательно все больше закрадывалась тревога, приходилось внушать себе: это результат одиночества и усталости, ничего больше...

Платформу вокруг центрального колодца бороздили глубокие рытвины, так что она походила на край ледника. Крупные блоки грозно нависали над пустотой. Но выбора не было: чтобы вкусить чарующего зрелища, приходилось склоняться над бездной.

Полежав немного, я успокоился: платформа была гораздо надежнее, чем казалась на первый взгляд. Вот в нескольких шагах торчит керн, который мы уложили пять лет назад. Если за столько времени с ним ничего не случилось, вряд ли он рухнет именно сегодня.

Озеро жило своей таинственной жизнью: слышались вздохи, истерические вскрики, натужные хрипы; периоды безумств сменялись затишьем. То в одном, то в другом месте в толще огненной жидкости рождались течения, вначале медленно, а потом все быстрее и быстрее они начинали кружить черные обломки панциря. Но стремнинам редко когда удавалось разметать целиком всю корку; чаще всего, выписав несколько арабесок, потоки упирались в берег и исчезали под нависающими выступами базальта, сверкнув на прощание золотой россыпью.

Порой вздымались бурлящие фонтаны, словно бог Вулкан под землей подбрасывал топлива. Иногда рядом вскипали два-три очага, и лава принималась клочкотать полосой в сто метров. Скорость потоков возрастала до максимума, а температура на поверхности приближалась к 1100 °С, если судить по яичному цвету расплава.

Потом все вдруг стихало. Казалось, стремнины затаились до новой вспышки, цвет становился вишнево-красным, потом переходил в гранатовый, в темно-пурпурный, и через несколько секунд на поверхности нарастала черная гибкая корка. Периоды затишья растягивались на полчаса. Редкие красные сполохи пробегали по панцирю, озеро погружалось в дрему.

Первыми просыпались маленькие фонтанчики, окропляя алыми брызгами почерневший кратер. Во время вспышек из колодца подымался такой мощный султан, что в багровом отсвете я явственно видел в нем включения серных газов. Теперь понятно, почему, когда смотришь на Ньирагонго из Гомы, а в светлую ночь даже из Букаву (сто километров по прямой), временами кажется, что вулкан поджигает небо.

Конец затишья угадывался, когда озеро начинало медленно ворочаться в своем ложе; по застывшей поверхности сетью морщин разбегались тоненькие кракелюры. Взяв за ориентир маленький мысик на противоположном берегу, я заметил, что волосяные трещинки смещаются вместе с остальной поверхностью, как при подвижке пакового льда в полярном море. Только море здесь состояло из расплавленной породы, а базальтовый лед был хрупок до крайности...

Вначале мне казалось, что главное течение выходит из восточного угла полумесяца, как будто именно там античный бог раздувал свой горн. Но позже я обратил внимание, что поток движется и в обратном направлении; он вливался в туннель под нависшим сводом, в котором зияли три отдушины. Когда дым не застилал их, сквозь эти окна был виден поток расплава.

Проклятая непредусмотрительность: цветная пленка осталась наверху со всем снаряжением! Я захватил лишь блокнот и камеру с черно-белой пленкой. «Хорошо бы остаться здесь еще на одну ночь», – подумалось мне. Но кто знает, не явится ли завтра к кратеру неконтрабандный караван в сопровождении парковых сторожей, которые порушат все наши планы?

Уже несколько часов я лежал над жерлом; лицо опаляло жаркое дыхание озера, а спину и ноги пробирала холодная ночная сырость. Кровавый отсвет не хуже лампы позволял делать записи. Но к трем часам ночи усталость начала одолевать, в затылке сильно ломило, и в один из периодов затишья я задремал... Прикосновение холодного камня к подбородку вырвало меня из сна. Что и говорить, кратер – не самое подходящее место для ночлега.

Я стал выискивать местечко поудобнее. Голод и жажда давали себя знать все острее. Пищи не было никакой, но кое-где в углублениях оставалась после сезона дождей влага. Я прижимался губами к крохотным лужицам, посверкивавшим в сполохах вулкана, и втягивал воду. Она отдавала серой, но пить было можно. Хуже, что углубления были крохотными, к тому же большую часть влаги успел всосать пористый пепел, покрывающий все в этом замкнутом мирке. Его колючие хрустящие кусочки и составляли мой ужин.

Пронизывала сырость. Меня уже бил озноб. Я решил лечь в том месте, где из щели в платформе выходил фумарол. Еще во время первого спуска я обратил внимание, что фумаролы в основном состояли из водяного пара; температура была вполне терпимой. Я выбрал дымящуюся щель шириной в четыре-пять дюймов и улегся на нее. Тепло окутало ноги и спину, я вытянулся на каменной постели, как на самом мягком ложе, и заснул.

Увы, блаженство продлилось недолго... Порыв ветра отогнал теплый пар, и тут же в меня вонзились сотни ледяных иголок; одежда разбухла от пара, и я лязгал зубами в кратере вулкана!

Когда ветер успокоился, мягкое тепло снова начало клонить в сон. Но тут же очередной порыв ветра вернул меня к грустной действительности. А немного погода густым туман прервал последнюю нить, связывавшую меня с внешним миром – миром черного, усыпанного звездами неба. Бодрствовать стало просто невыносимо.

Время тянулось томительно медленно. Меня буквально бросало то в жар, то в холод. Кратер затянуло грязновато-ватное облако. Лежа на своей трещине, я не ждал помощи ниоткуда: товарищи не могли спуститься при нулевой видимости. Порывы ветра нагоняли на меня удушливый серный дым, и тогда я чувствовал себя совсем заброшенным, дрожа от холода, кашляя и плача горькими слезами в двух шагах от адского котла!

Часов около девяти странные звуки заставили меня встрепетаться: над головой послышались голоса.

Их не могло принести сверху: звук едва долетал оттуда, и то если орать во все горло во время затишья. Неужели кто-то отважился лезть по стене! Я наострил уши, не решаясь еще окликнуть, и уловил характерный звук скатывающихся камней. Никаких сомнений – кто-то шел в связке вниз. Я был одновременно взволнован и растерян: подумать только, ребята решились из-за меня спускаться в кратер, невзирая на лондонский туман. Вскочив на ноги, я окликнул их. Сочный голос Тормоза ответил:

– Эгей! Здесь не видать ничего!..

По направлению голоса я понял, что они одолели уже полпути. Значит, еще час, нескончаемый час, прежде чем они ступят на дно...

Это был Луи в связке с бельгийцем Леоном Бергером. Словно рождественские деды-морозы, они извлекли из своих пухлых рюкзаков сухую одежду, надувной матрас, спальный мешок, термосы с кофе, еду...

Мне было неловко. О, как хотелось мне высказать им свою благодарность! Но что ответить товарищам, кроме «Спасибо тебе, старик!». Хотя ради этого они спускались по совершенно незнакомой стене, полной смертельных ловушек, практически вслепую. В Альпах на такое решаются только опытные горноспасатели.

Боже, какое наслаждение переодеться во все сухое, залезть в теплый мешок и откусывать хлеб, заедая его сыром!

– Мне придется подняться, – сказал Луи. – Теперь дорога известна, так что дело пойдет быстрее. Как только развиднеется, освободим трос и спустим снаряжение.

Погода улучшилась только к полудню. Трое спутников спустились в кратер, доставив запутавшийся трос. В связке с Луи и Леоном была Брижитта. Для нее это стало боевым крещением – она победила страх. Раньше одна мысль о подобном спуске по отвесной стене вызывала приступ головокружения у этой отважной во всем остальном женщины. Из расспросов выяснилось, что глаза, уши и сердце у нее в полном порядке. Значит, головокружение вызывалось избытком воображения. Она решила попробовать, и опыт оказался удачным – лишнее доказательство, что неизлечимы лишь головокружения органического порядка.

Дружно взявшись за конец троса, мы натянули его и прикрутили к большому камню. Вскоре, страхуя веревкой, носильщики подали нам с 250-метровой высоты первый мешок со снаряжением. Мы поставили на берегу огненного озера палатку, чтобы укрыться от пронизывающих порывов ветра. Приготовив приборы, сели перекусить. Затем собрали образцы пород, которыми была выложена стенка. Пелена тумана, заполнившая центральный колодец, никак не желала рассеиваться...

Решили заснять наш кратер: трещины, выбоины, фумаролы, нагромождения застывшей лавы... Когда-то это были волны, внезапно выплеснувшиеся из трещин в платформе. Любопытны были базальтовые дайки.

Незадолго до сумерек наконец-то установилась погода. Мы бросились к краю колодца. Какое-то время над поверхностью озера еще плавали клочья тумана, но вот они рассеялись, и я с гордостью показал восхищенным друзьям свой вулкан! Днем лава казалась не такой огнедышащей, как ночью, зато на поверхности появились дивные узоры. Лава переливалась всеми оттенками: апельсиновые верхушки фонтанов, фиолетово-вишневая бархатистая корка, червонное золото стремнин. В бинокль было отчетливо видно, как подрагивает, словно живая, кожа... Затем упала ночь. Здесь она наступает гораздо раньше, чем во внешнем мире.

В двадцать три часа, покончив со съемками, спектрограммами, записями, двинулись на север. Ночь была довольно светлая, но поверхность платформы стала такой хаотической, что, поскользнувшись, я едва не вывихнул ногу...

Осторожно обходили рывтины и скатившиеся со стены куски скал. Тут и там белыми призраками поднимались фумаролы. Внутри выщербленной части полумесяца виднелся ровный черный «пол», освещенный, как и стены провала, сполохами лавы. Нам удалось обойти озеро почти вкруговую. Только в одном месте густой дым, прибитый ветром к стене, не только не позволял ничего рассмотреть, но и вызывал острые приступы удушья.

Во время разведки я обратил внимание, что туннель, как бы продолжавший восточный рог полумесяца, огибал все озеро и выходил у западного конца. Таким образом, лава циркулировала по поверхности, никуда не выливаясь. Что вызывало эту циркуляцию? Загадка. По теории, свежая лава должна поступать из абиссальных глубин вверх по питающему жерлу. Попад в кратер, насыщенная газами, а следовательно, более легкая субстанция всплывает на поверхность озера, в то время как дегазировавшаяся часть

опускается в глубину. Фонтаны как раз и должны означать поступление на поверхность очередной порции свежей лавы. Тот факт, что фонтаны били в одном и том же месте, вроде подтверждало теорию: озеро бурлило там, где из Земли выходили питающие каналы. Однако теория не объясняла инверсии течений. Кроме того, наблюдения, которые вот уже сорок лет ведутся на Гавайях, показывают, что лава становится жидкой лишь на последних метрах подъема, когда давление падает всего до нескольких атмосфер. Это уже никак не согласуется с теорией. В самом деле, как жидкая лава может опускаться сверху сквозь очень вязкую поступающую снизу материю?

Согласно другой гипотезе, свежая лава не выходит из жерла, а лишь обогащает озеро тепловыми калориями, когда горячие газы поступают из глубин. Именно это не позволяет озеру застыть. Существует и другой источник калорий: озеро непрерывно подтачивает берега, твердые окисленные породы рушатся в него, добавляя значительное количество воздуха. Этот воздух, а также заключенный в породе кислород вступают с газами лавы в химические реакции; при этом высвобождается достаточное количество тепла для поддержания базальта в расплавленном состоянии. Данная теория гласит, что течения вызываются местной разницей в температурах, зависящей в свою очередь от экзотермических реакций.

Мы стояли над озером, пока хватало сил. Потом, спотыкаясь на неровностях почвы, вернулись в лагерь и умудрились влезть вчетвером в двухместную палатку, показавшуюся нам чудом комфорта. Мы спали с сознанием выполненного долга, и сон наш в чреве вулкана был безмятежен до самой зари, несмотря на то что лежавшие с краю время от времени стучали зубами от холода.

Наутро стали прикидывать, как можно спуститься к самой поверхности озера. К сожалению, обстоятельства вынудили нас в тот раз отказаться от замысла, сулившего необыкновенный научный результат. Предприятие требовало куда больше людей: часть должна была остаться на платформе, чтобы вытягивать человека, спускающегося на пятьдесят метров вниз, поскольку зацепиться здесь было не за что: стены обрывались отвесно. Кроме того, веревки в такой близости от огнедышащего жерла превращались в ненадежное подспорье. Будь у нас стометровая металлическая складная лестница, какой пользуются спелеологи, все было бы прекрасно. Но у нас ее не было. Надо было также считаться и с тем, что человек в зоне интенсивного воздействия газов может внезапно ослабеть или даже потерять сознание.

Если бы мы могли рассчитывать, нет, не на помощь, а хотя бы на равнодушие официальных властей, стоило бы сделать попытку. С нами был скалолаз экстра класса Луи Тормоз, на счету которого немало труднейших восхождений в Альпах, в том числе несколько «премьер». В связке с ним можно было без всякого риска спуститься на 50–80 метров до следующего уступа. Один все время страховал бы второго, пока тот брал пробы и проводил замеры в адском котле. Но мы попали сюда контрабандой! Еще счастье, что все три дня держалась плохая погода и сюда не явились гонители...

С тяжелым сердцем, в последний раз окинув взором поверхность кипящего базальта, природу которого нам так и не удалось в этот раз изучить, мы начали собирать пожитки. Оставалось надеяться, что анализ «волос Пеле»¹⁵ позволит выяснить кое-какие детали, касающиеся состава лавы и ее происхождения в этом районе. «Волосы Пеле», тонкие, похожие на стеклянные волокна нити, представляют собой кусочки лавы, которые ветер сдувает с гребней фонтанов. Нам удалось собрать и бережно уложить в рюкзаки несколько граммов этих хрупких нитей – единственные образцы нынешней лавы Ньирагонго среди трофеев экспедиции.

Лагерь сворачивали в полном тумане. Отправив наверх последние тюки, отцепили трос подъемника и полезли по стене.

¹⁵ Пеле – гавайская богиня подземного огня.

Наверху носильщики встретили нас бурным восторгом.

– Ты там была, м'дами! ¹⁶ Ты была там! – кричали африканцы Брижитте, едва та показалась над гребнем кратера. – Ты не побоялась чертей!

– Видела моего отца? – спросил Куфунга, чье широкое лицо просто лучилось надеждой.

– Я бы спустился, чтоб повидать отца, – твердо сказал Мушеле.

– Хо-о! – раздалось в ответ. – Не посмеешь!

Мушеле, похоже, смутился. Он был одним из самых молодых в группе – гибкий, легкий на подъем, с продолговатым тонким лицом типичного мутусси.¹⁷

– Пошел бы, – наконец вымолвил он. – С базунгу¹⁸ пошел бы...

Слоны

Надо было торопиться, чтобы успеть выбраться из леса до темноты.

На вершине гулял ветер. Повернувшись к нему спиной, мы завязали рюкзаки, смотали веревки и трос, каждый взвалил на плечи свою поклажу. Встав цепочкой (иначе по джунглям не ходят), двинулись в тумане по внешнему склону вулкана.

Из облака вынырнули лишь на кромке верескового леса. Было уже больше четырех часов. Пришлось ускорить шаг, и, естественно, тут же начались падения и чертыханья. Надо было постараться проскользнуть незамеченными мимо охраны: теперь уже это не страшно. Но в лесах у подножия Ньиры бродят слоны, а ночное свидание с ними не входило в наши планы. Кроме того, мне лично очень хотелось согреться, и при одной мысли о теплой ванне я уже ощущал райское блаженство... Мы бежали, перепрыгивая через поваленные поперек тропы стволы, оскользаясь на грязи. Мысль о близком доме и ужине гнала нас вперед.

Прошли вересковый лес и углубились в чащу. Совсем недавно по тропе прошло большое стадо слонов, об этом свидетельствовали внушительные кучи еще дымившегося навоза. Дважды животные останавливались на кормежку: мелкие деревья были срезаны, словно бульдозером. При виде переломанных, как спички, стволов метрового охвата (там, где еще три дня назад была непролазная чащоба) нельзя было не испытать тревоги. Сверились с часами. Выходило, что из леса мы выйдем не раньше чем через сорок минут, а уже через полчаса будет темно. Скорее вперед!

Предвечерний лес был полон удивительных запахов, сменявшихся на каждом шагу. Не успели миновать зону, где гроздьях оранжевых цветов испускали довольно терпкий аромат конюшни, как почувствовали дивный запах яблок и ананасов.

Как мы ни торопились, ночь захватила нас в лесу. Тропа была очень скользкой. Никто не говорил друг с другом: усталость заставляла беречь силы, да и осторожность не мешала. Кто знает, звук голосов вполне могло донести до ушей охранников... Было черным-черно, как в подземелье; ветви непроглядной кровлей смыкались над головой; идущего впереди абсолютно не было видно, даже когда вы натыкались на него.

Неожиданно тишину разорвал пронзительный звук... Я остановился как вкопанный, еще не понимая, в чем дело: шедшая следом Брижитта с ходу налетела на меня. Когда раздался второй трубный глас, я услышал крики бегущих во всю прыть носильщиков: «Тембо! Тембо!» (Слоны).

¹⁶ Искажен, франц. «мадам»

¹⁷ Ватусси (единственное число – мутусси) – народ оседлых пастухов, очевидно нилотского происхождения. Отличаются высоким ростом, как правило, выше 1 м 90 см, великолепные прыгуны и танцоры.

¹⁸ Базунгу (единственное число – музунгу) – белые.

Рев был преисполнен ярости. Он несся из полной тьмы, и от этого был еще грознее. В мгновение всех охватила паника, каждый ринулся к какому-нибудь укрытию, прочь с тропы, лишь бы спрятаться, сгинуть, сделаться невидимым. Непроходимые джунгли? Какое там! Африканцы и белые с невообразимой скоростью продирались сквозь хитросплетения веток, корней, лиан и павших стволов, не обращая внимания на занозы, царапины и синяки, лишь бы найти спасительное убежище...

Не знаю, сколько мы бежали таким образом. Помню только, что нога моя попала в лиановую петлю, и я грохнулся со всего маха наземь, оставшись лежать, судорожно дыша.

Пятьдесят метров, сто? Удивительное дело, как мы смогли пробиться сквозь такую чащобу! Спокойно, спокойно, без паники... Я тихо окликнул:

– Брижитта!

– Алло, Гарун! – голос ее прерывался от бега. – Все в порядке? Где вы? У вас есть фонарик?

– Есть.

Я порылся в кармане и лежа нажал на кнопку, прикрыв свет ладонью. В нескольких шагах увидел Брижитту и двух носильщиков. Встал, подошел к ним.

– Вы их видели?

– Нет, но они должны быть недалеко, судя по звуку. Мализеле, – продолжала она на кисуахили, – ты видел тембо?

– Хапана (нет), м'дами, – выдохнул тот. Мне показалось, я услышал, как он дрожит.

– Я видел их, – неслышно ступая, к нам подошел третий носильщик. Очевидно, он заметил мигание фонарика. – У бваны Луи была лампа, и я видел тембо. Совсем рядом, м'дами...

– Сколько их было, Баракиро?

– Один совсем рядом, близко. А за ним еще...

– А бвана Луи и остальные, где они?

Мы шептались, как заговорщики, сблизив головы, боясь привлечь к себе внимание гороподобных хозяев здешних лесов.

– Они побежали вперед.

– До того, как на тропу вышел слон?

– Да, м'дами...

Ответ звучал очень нерешительно. Все заняло две-три секунды, а затем поднялась паника. Мы жались друг к другу, как потерявшиеся в лесу дети. Что можно было сделать, напади животное в тот момент? Даже имея хороший карабин, встречаться со слоном в ночном лесу не хотелось. За спиной громко хрустнула ветка... Мы разом подскочили. Уф! Это еще один носильщик, пришедший на голоса... Чуть позже подошли еще двое.

– Они говорят, – шептала Брижитта, – Луи с двумя носильщиками удалось проскочить под самым носом у слона, между первым и вторым ревом. Затем слон вышел на тропу. Мализеле говорит, что слон огрел его хоботом.

– Гм... Думаю, это лиана. Если бы разъяренный слон зацепил человека хоботом, от него бы ничего не осталось.

– Кто знает... Но я очень беспокоюсь за Луи. Вдруг он не успел проскочить? Те, кто шли в голове, должно быть, далеко. Не хватает как раз Луи и трех носильщиков. Она переспросила:

– Мализеле! Баракиро! Вы сами видели, как бвана Луи побежал вперед?

– Он побежал вперед, м'дами...

Тон был неуверенный. Или просто он еще не пришел в себя от страха? Решился тихонько позвать:

– Эгей, Луи!

Замерев, вслушивались в молчание ночи.

– Луи... Луи-и-и-и!

Конечно, если они успели пройти, то теперь не могли услышать моих робких призывов.

Если же нет... Мы не осмеливались поделиться вслух сомнениями...

– Ладно. Попытаемся выйти на тропу. Носильщики дружно замахали руками. Но мы с Брижиттой двинулись к тому месту, откуда были с позором изгнаны несколько минут назад.

– Не будьте бабами, – энергично прошептала Брижитта. – Пошли!

Однако призыв к мужскому самолюбию, обычно оказывавший свое действие, на сей раз не возымел эффекта. Только когда носильщики поняли, что мы и вправду собираемся уйти, они нехотя поднялись с земли. Не ждать же в самом деле, пока слоны набредут на тебя!

Согнувшись в три погибели, осторожно ступая на цыпочках, стали красться вперед. Вот и тропа. Пошли еще тише. Временами я нажимал на кнопку фонарика, процеживая между пальцами лучик света. Раз или два останавливались, чтобы окликнуть Луи. Никакого ответа.

И тут в двух шагах впереди раздался трубный рев, а воображение дорисовало громадную темную массу и остро торчащие белые клыки! Сломя голову, не разбирая дороги, мы кинулись наутек...

Сбившись в кучу в сотне метров поодаль, стали шепотом обсуждать создавшееся положение. Что делать? Остаться здесь ночевать? Переждать, пока слоны не отойдут подальше? Обогнуть по джунглям опасное место? Брижитта и несколько африканцев настаивали на последнем. Я был против. Немыслимо продираться через девственный лес, где на каждом шагу подстерегают ловушки: прикрытые травой ямы, выбоины в вулканической почве, острые камни и ядовитые шипы. К тому же носильщики побросали во время бегства всю поклажу, и у нас не было ни одной панги.¹⁹ А бог весть сколько придется идти по чаще до первой опушки... Измотанный до крайности, я был за то, чтобы сесть возле ближайшего дерева и ждать, пока освободится путь.

Это был не первый мой «слоновый» опыт. Несколько лет назад я столкнулся нос к носу с холостяком-одиночкой в лесу у подножия Ньямлагире. Буквально за минуту до этого я наставительно объяснял моему спутнику, что при встрече с диким зверем ни в коем случае нельзя выказывать страха. Теперь оставалось применить эту аксиому на практике.

Я внятно попросил у слона дороги. Но, похоже, он не понимал ни французского, ни кисуахили... Тогда я не очень крепко обругал его. Слон невозмутимо выслушал меня. Я повернулся к товарищу и шепнул ему: «Сейчас увидишь!», – после чего сделал несколько шагов навстречу слону, всем своим видом выражая намерение расправиться с ним. Это произвело впечатление: колосс задумчиво помахал своими большими ушами, поднял хобот и... Дальнейшего нам не пришлось наблюдать, ибо, пока хватило дыхания, мы улепетывали от него прочь без оглядки! Отбежав, мы стали решать ту же проблему, что стояла сейчас перед нами: что делать дальше? Битый час мы простояли в отдалении, прежде чем вновь приблизились к роковому месту. Терпение принесло плоды: слону, видимо, надоело торчать, и он, потеряв к нам всякий интерес, отправился по своим слоновьим делам. Правда, все это было днем. А сейчас, в пещерной тьме, даже стоя на месте, мы подвергались опасности, ибо не могли вовремя заметить приближение животного: эти громадины умеют шагать по густейшим зарослям совершенно бесшумно.

Военный совет затягивался. Часть носильщиков категорически отказывалась ждать возле стада. Другие выдвигали аргументы против ночного марш-броска через джунгли. Пару раз в надежде, что путь освободился, я кошачьим шагом приближался к критической отметке. Дальше идти не было смысла: уже в тридцати метрах было слышно утробное урчание. В напряженной тишине ночи оно нагоняло не меньше страха, чем прежние трубные звуки. Несколько раз вполголоса мы окликали Луи, но впустую.

– И потом не хочется бросать здесь поклажу, – сказал я. – Не из-за слонов: пусть себе давят на здоровье. Но завтра сторожа найдут здесь фотопленку и образцы...

– Ничего страшного, – ответила Брижитта решительным голосом. – Мы сможем

¹⁹ Мачете, острый резак на длинной рукоятке.

вернуться сюда еще до зари.

Бррр! По спине у меня забегали мурашки: неужели опять придется вставать в четыре утра? Ну да ладно, сейчас лишь бы добраться до постели... И когда Мализеле, словно угадывая мое состояние, стал говорить, что отсюда до кромки саванны рукой подать, я согласился с планом Брижитты. Мы повязали на ветках платки, помечая место, и, согнувшись вдвое, побрели в джунгли.

Один из носильщиков, хорошо знавший местность, пошел первым. Вначале он заставил нас спуститься в заросший колючками овраг. Решив, что отсюда мы не видны, я включил фонарик и передал его проводнику. Виноват ли свет, не знаю, но тут же послышался (к счастью, довольно далеко) трубный рев самцов. Свет погасили и дальше двинулись в кромешной тьме.

Листва начала редеть, иногда даже проглядывали звезды. Идти стало легче. Я бросил взгляд на небо и... остановился. Так и есть: мы шли на северо-запад, явно в противоположную сторону от дороги, где нас должен был ждать грузовичок! Я уже не в первый раз убеждался, что местные жители прекрасно ориентируются на знакомой местности. Там, где европейцу все кажется однообразным, африканцы легко находят крошечные приметы. Но в совершенно новом месте лучше полагаться на компас, созвездия или на солнце.

Кстати, Мализеле был прав, говоря, что до опушки не более полукилометра. Взяв нужное направление, мы уже через час вышли к кромке леса. Трава уходила далеко-далеко в холодном свете звезд. За спиной высоко над деревьями слабо виднелся красноватый султан Ньирагонго. Лавовое озеро отдыхало.

Наконец-то можно было идти во весь рост! Испуг прошел, мы громко переговаривались, ускоряя шаг. Брижитта была обеспокоена отсутствием Луи Тормоза и трех носильщиков.

– Послушайте, Брижитта, – пытался я ее успокоить. – Если бы с ними что-то случилось, мы бы наверняка услышали крики. Не может же слон в одну секунду расправиться с человеком! Тем более с четырьмя...

Но ее чисто женская тревога, так контрастировавшая с замечательным хладнокровием, проявленным в момент действительной опасности, развеялась лишь час спустя, когда мы наконец все встретились. Правда, до этого были еще переживания: в кустарнике рыкнул леопард, а потом на фоне темного неба показались неподвижные силуэты двух слонов. Но, в общем, приключение уже было позади...

Северная провинция

В Восточной Африке на север от Большой Рифтовой долины лежит малоизученное озеро. Его открыл в 1888 году венгерский путешественник Телеки, давший ему имя австрийского великого герцога Рудольфа. В 1886 году Телеки двинулся с Занзибара во главе большой экспедиции и после многомесячного похода по пустынным районам, населенным кочевыми племенами, вышел к южной оконечности длинного озера. Там он натолкнулся на действующий вулкан, названный входившим в экспедицию геологом фон Хенелем вулканом Телеки.

Прошло пятьдесят лет, в течение которых не раз предпринимались попытки достичь этого вулкана, но ни одна не увенчалась успехом. Кое-кто добирался до мест, описанных фон Хенелем, но не обнаруживал вулкана. Так, Кавендиш в 1898 г. писал: «Обогнув с юга озеро Рудольф, я с удивлением констатировал, что вулкан Телеки исчез». Гора становилась легендой...

Край этот донельзя враждебен человеку: иссушен солнцем, лишен воды, растительности, зверья. В 1921 году разразилось новое извержение Телеки; дрожала земля, столб огня отражался в южной части озера Рудольф. Никому, правда, не удалось подойти

вплотную к горе, видели только кровавый отсвет лавы в ночи. Лишь в 1934 году, дважды потерпев перед этим неудачу, туда добрался англичанин, прекрасно знакомый с местными условиями. Это был бывший комиссар провинции по фамилии Чемпион, страстный картограф и геолог. Он описал вулкан как низенький конус, поднимающийся едва на 90 метров над адским хаосом застывших потоков. В тот момент кратер бездействовал. После А. М. Чемпиона никто не видел Телеки.

От Лодвара к северному берегу озера Рудольф сейчас проложена автомобильная дорога. На вездеходе можно добраться и до другого берега, но уже не в одиночку, а колонной, «конвоем», как здесь говорят. Причем на это требуется разрешение властей,²⁰ а те, озабоченные безопасностью пассажиров, раздают их не очень щедро. Скажем, известный американский геолог Бейли Виллис не смог получить его. «Озеро Рудольф лежит в Северной провинции Кении, посреди пустыни, где обитают воинственные кочевники. Район доступен лишь для большой хорошо вооруженной экспедиции, однако цель оправдывает расходы и риск». Виллис написал эти строки двадцать лет назад, и они, естественно, заинтриговывали еще больше.

Сейчас риск нападения со стороны кочевых племен практически свелся к нулю; есть даже туристская трасса, идущая по Северной провинции от Найроби до Аддис-Абебы, по ней ходят автобусы и грузовики. Но к сожалению, она пролегает слишком далеко от вулкана Телеки и озера Рудольф.

А нам нужно было именно туда. Осмотреть Телеки хотелось не из авантюрных соображений. Дело в том, что описания, составленные фон Хенелем и Чемпионом, не позволяли определить характеристику вулкана. Сколько длится активная фаза? Каков ритм извержения? Возможно, это новый Парикутин? Или же эфемерный «паи»? Расположен ли он подобно Лонгготу и Сусва на дне рифта или входит в мощную группу Вирунга, пересекающую западный грабен?

Не только я мечтал попасть в этот легендарный край. За пятнадцать лет, проведенных в Кении, мой старый друг Жак Ришар не раз точил на него зубы. Он побывал на шестидесяти вулканах, рассыпанных по всему свету, наблюдал тридцать извержений. Можно вообразить, как распалял его воображение недоступный Телеки! Мы стали готовиться.

В Найроби нас сразу же предупредили, что оставлять в номере отеля ружья ни в коем случае нельзя. Да, но куда их девать? Нельзя же являться в учреждения и магазины в столь устрашающем виде! На центральных улицах, правда, мы засекли несколько личностей, словно сошедших с экранов «вестернов» – в фетровых шляпах, загнутых углом вверх, с винтовкой через плечо. Но чувство юмора у нас взяло верх.

– Отнесите оружие в полицейский участок, – посоветовал гостиничный портье. – У них там целый склад.

Отделение полиции выглядело ужасающе: двухметровый забор с натянутой колючей проволокой, вышки, прожектора, мешки с песком, амбразуры.

Провожаемые внимательным взором часового, мы прошли узким ходом до дверей участка. Там довольно долго пришлось ждать британского унтер-офицера: был «чайный час», а этот ритуал свято соблюдается в любой ситуации.

Наконец наши ружья сложили в сейф, и мы вышли, бросив прощальный взгляд на группу африканцев, неподвижно ждавших в углу решения своей участи. Нас не покидало острое чувство неловкости. Тут были и угрызения совести за то, что мы принадлежим – по цвету кожи, а не по праву – к расе «господ», ощущение вины за то, что мы «имущие» рядом с «неимущими», это все равно что обедать в окружении голодных глаз... Была также и моя личная жалость. Мне так и не удалось постичь смысл выражения «Горе побежденным!». Когда молодым я занимался боксом – а спорт этот не самый милосердный, – я всегда искренне жалел соперника, над которым мне удавалось одержать победу. И даже в 1944-м я с

²⁰ В 1963 году, когда Кения стала независимым государством, ограничения были сняты. – Прим. перев.

сочувствием смотрел на пленных немцев, хотя, попадись я им немного раньше, я был бы, вероятнее всего, расстрелян...

И вот теперь нам пришлось оказаться в краю, где царила всеобщая подозрительность.

Земля контрастов. Сегодня мы за полтора часа промчали 160 километров асфальтированного шоссе от Найроби до Накуру, центра провинции Большого Рифта. Скоро нам потребуется неделя, чтобы одолеть десять лье...

В Накуру мы получили из рук комиссара провинции разрешение выехать в пустынные районы и тут же тронулись в путь. Вплоть до водопада Томпсона, оставив справа высокую цепь Абердэр, дорога шла вдоль великолепно возделанных полей пшеницы и долматской ромашки. Знаменитое Белое нагорье. После каменистого дна Рифта цветущий край ласкал глаз влажной свежестью зелени.

На север от водопада Томпсона расстилаются луга. Несмотря на безжалостную охоту, фауна здесь сохранилась довольно хорошо: нам часто случалось видеть, как рядом с коровами мирно пасутся грациозные антилопы. Неподалеку находится знаменитое ранчо Карра Хартли, профессионального охотника и специалиста по отлову диких животных, которых он продает во все зоопарки мира. Дожидаясь отправки, они живут у него в загонах. Именно там большинство приезжающих в Кению фотографирует без всякого риска львов и носорогов, чтобы потом, дома, потчевать своих гостей сенсационными кадрами!

Хребет Абердэр остался на юге. Здесь он уже не задерживает влагу, поэтому трава становится все более тусклой и чахлой. Мы едем со средней скоростью 80 километров в час по накатанной дороге из краснозема.

Небольшой административный пост Румурути затерялся среди бескрайних долин, покрытых жухлой от солнца травой. За спиной в напоенном жаром воздухе поднимаются голубоватые силуэты лесистых гор. Зелень кончилась, началась область пастушьих племен. Под навесом индейских лавчонок в дуке (торговом центре) встречаем первых самбуру – людей с величественной осанкой, в красных тогах, небрежно закинутых через плечо. Их лица, покрытые смесью жира и охры, живо напоминают индейцев из романов Фенимора Купера. Я без утайки люблю их мягкой эластичной походкой. Остановившись, чтобы поглядеть на нас, они с женской грацией опираются на длинное (семь-восемь футов) копьё, с которым никогда не расстаются. Самбуру принадлежат к тому же народу, что и масаи, поразившие меня своей красотой. Высокорослые пастухи-кочевники еще недавно наводили страх воинственными набегами на оседлое население.

В Румурути нам предстояло нанять грузовик, чтобы составить «конвой», необходимый для поездки по Северной провинции. Конечно, мы предпочли бы еще один вездеход-лендровер, но пришлось довольствоваться трехтонкой «шевроле». Ее владелец, пухлый лавочник-индеец, уверял нас, что грузовик надежен, поскольку он ездил на нем в Барагой, «а если машина дошла до Барагоя, то дойдет и до ада!».

– Только не с такой резиной, – заметил я Жаку Ришару.

Старый житель Африки, тот знал толк в торговых переговорах. Однако даже ему едва не пришлось вылезти из кожи вон, дабы убедить хозяина, что по песку лучше ехать не на столь лысой резине. Выговорившись вдосталь, обе стороны наконец ударили по рукам, шины были заменены, а самосвал загружен канистрами с бензином и водой. Кроме того, Ришар привинтил в кузове два старых кресла, обнаруженных в пыльном углу лавки.

Когда при виде лоснящихся от грязи подушек я соорудил кривую физиономию, он сказал:

– Вы ничего не понимаете. Это наилучший способ передвижения – сидишь на свежем воздухе, с комфортом, обозревая пейзаж...

В десять утра мы нанесли визит РУ (районному уполномоченному), здоровенному парню в расстегнутой голубой рубашке, из-под которой выглядывала волосатая грудь. Представитель власти с рассвета был завален грудой дел: распоряжения, доклады, переговоры, содержание дорог, еще куча всякой всячины... Он смог лишь пожать нам руки и пожелать счастливого пути.

Маралал, расположенный у подножия высоких, покрытых редколесьем холмов, – последний пост перед пустыней, теряющейся уже где-то в Эфиопии. Редкие бунгало, укрывшиеся среди куп деревьев, бюро РУ, рядом с которым воткнута мачта с флагом и антенна радиостанции, дука с лавками, принадлежащими уже не индийцам, а сомалийцам, магазин грека, десяток африканских хижин. Но Маралал – это прежде всего вода среди каменистого небытия, *жизнь*, дарованная колодцем. Он уходит глубоко сквозь скальную породу и соединен с ручным насосом. Весь день возле колодца толпятся, смеясь и болтая, женщины, пришедшие со всей округи (иногда за двадцать лье), чтобы наполнить прозрачной водой бурдюки из козьих шкур.

Вначале мы думали просто проехать через Маралал. Однако районный уполномоченный как на грех отправился в Найроби, а без него никто не хотел нам ставить отметку на разрешение. Учитывая, что скоро начнутся дожди, задержка была для нас крайне нежелательной. Не будь мы на британской территории, можно было бы продолжить путь без всякой отметки. Англичанам свойственно уважение к личности. И их граждане соответственно уважают законы, даже если они и не писаны. Я с немалым удовольствием читал на объявлениях: «Убедительная просьба не...» вместо «Строжайше запрещается».

В ожидании промелькнул день, за ним другой... Мы сгорали от нетерпения: вот-вот должен был начаться сезон дождей. Здесь они выпадают дважды в год, но зато это настоящий потоп. Мы опасались, что неожиданно переполнившиеся уэды²¹ задержат нас на долгие недели в пустыне.

Писарь-индеец уверял, что районного уполномоченного ждут с минуты на минуту, и мы чуть не каждый час заглядывали в одноэтажный глинобитный домик, служивший конторой. Писарь, похоже, был подавлен свалившейся на него ответственностью, а наше нетерпение повергало его в панику.

– Вы ведь не уедете до возвращения РУ? – умоляющим голосом вопрошал он. Бедный служащий, вежливый и скромный, жил здесь, лавируя меж двух огней – европейцами и африканцами.

Замечание, оброненное Ришаром, едва не лишило его дара речи. Он спросил:

– У вас шофер кикуйю? Ваш шофер кикуйю? Но кикуйю нельзя появляться там, куда вы едете!

– Полноте, – пытался вразумить его Ришар, желавший показать, что у нас не только добрые намерения, но есть и официальное благословение. – Нам рекомендовал его РУ в Румурути и **сам** дал ему визу! Он знает его много лет.

– Нет-нет, что вы, сэр! Районный уполномоченный, очевидно, ошибся. Вам следует отправить шофера назад в Румурути...

Вот положение... Может, и правда, не дожидаясь возвращения РУ, отправить шофера в Румурути с запиской? Да, но ведь там нет другого шофера, а без доверенного лица лавочник ни за что не даст грузовик. Ришар убедился в этом во время торгов. Дело принимало серьезный оборот: если не будет шофера, то не будет грузовика; без грузовика не будет «конвоя», а без «конвоя» нам не выдадут разрешения! Искушение плюнуть на все и немедленно выехать на север было, как никогда, велико...

Несколько часов бродили мы между лукой и колодцем, лавкой грека и конторой начальника. Что делать?

Всегда приятно встретить в такой дали от дома людей, говорящих на твоём родном языке. Среди горстки европейцев, живших в Маралале, их оказалось двое: торговец-грек (который, кстати, отлично изъяснялся не только по-французски, но и по-английски, итальянски, испански, турецки, арабски, амхарски, кисуахили, сомали и, конечно, по-гречески) и настоящий француз, уроженец Сент-Этьенна. Он уехал из дома двадцать лет назад искать счастья в Кении и за это время перепробовал все: был фермером,

²¹ Уэды – сухие русла пустынных водоемов.

золотоискателем, профессиональным охотником, строителем, а сейчас сделался чиновником, отвечавшим за содержание дорожной сети.

– Вы едете к Телеки? – спросил он. – Well, вас ждет большое удовольствие...

Он говорил по-французски со странным английским акцентом, вызывавшим у нас невольную улыбку. Мы стояли вчетвером, облокотившись на прилавок грека, потягивая апельсиновый сок, разбавленный водой.

– Вам знакомы те места? – спросил Ришар, вытаскивая из пачки сигарету и постукивая ею о прилавок, чтобы стряхнуть налипший табак.

Француз откинул со лба широкополую фетровую шляпу, под которой обнаружилась густая седеющая шевелюра.

– Еще бы! Проедете Саут-Хорр и свернете на Лонд-жерин. Это колодец. Потом будет база Кулал. Там вам придется оставить машины и шагать пешком до крутого откоса. Это полдня пути. А с откоса увидите ад. Тут уж придется выбирать – спускаться туда или возвращаться домой.

– Звучит обнадеживающе, старина, – заметил Тормоз.

– Дорогой мой, когда вы узнаете, что это такое – шагать тампо камням, под *тем* солнцем, вы поймете... Поверьте мне, я бывал в подобных местах...

Апельсиновый сок, жара, мухи, ожидание...

Наконец на мачте взвился флаг – районный уполномоченный возвратился! Мы заспешили к домику. Навстречу из-за стола любезно поднялся высокий худой человек.

– Здравствуйте, господа!

– Добрый день...

Крепкое рукопожатие, уверенный вид человека, готового оказать содействие, – чувствуется выучка колониальной службы.

– Сожалею, что вынудил вас так долго ждать. Я не знал, что вы приедете, и потом... – указывая на дощатый стол, чуть не проламывавшийся под грудой бумаг, – у нас скопилось немного работы.

Ришар тотчас завел речь о шофере.

– Да, – ответил РУ, – мы стараемся, как правило, не посылать кикую в эти районы. Но я хорошо знаю вашего человека... Тем не менее не оставляйте его одного до тех пор, пока не проедете Барагой.

– А что в Барагое?

– Лагерь для задержанных мятежников. Несколько миль к северо-востоку. Ночевать там не следует.

– Понятно... Да, вот еще, – Ришар стряхнул пепел с сигареты и продолжал чуть дрогнувшим голосом: – вам знаком район вулкана Телеки?

– Сам я там не был. Видел его издали, проездом. А вы хотите отправиться к Телеки?

– Да, – тихо подтвердил Ришар и вопросительно глянул на англичанина.

Тот поскреб кончик носа, свел у переносицы брови и вместо ответа многозначительно присвистнул. Судя по всему, район не пользовался репутацией курорта!

– Well, джентльмены, желаю удачи! А когда вернетесь, моя ванна в вашем распоряжении...

Тихим ходом по петляющей дороге мы перевалили через покрытые кедровником горы, начинающиеся сразу за Маралалом. С набором высоты воздух становился легче и живительнее. Мы с Ришаром ехали в креслах на трехтонке, где кроме нас сидел вооруженный аскари, отряженный РУ для обеспечения нашей безопасности, и трое пассажиров – молодые самбуру; для них это было первое в жизни автомобильное путешествие. Вцепившись в борт самосвала, притихшие, настороженные, они во все глаза смотрели – нет, не на окрестный ландшафт, а на двух белых. Странные бородатые европейцы то и дело хватались за неведомые инструменты: бинокли, компас, фотоаппараты,

кинокамеры... Луи Тормоз впереди вел «джип». Он появлялся в поле зрения на виражах, оставляя за собой плотный хвост оранжевой пыли.

Через два часа вылезли на перевал (около трех тысяч метров) и начали спуск. В нескольких лье по правую руку от нас виднелся восточный край Большого Рифта – сплошная цепь столообразных гор, уходящая за горизонт. В прозрачном воздухе на крутых склонах явственно различались толстые страты базальта в светлых гнейсах. Ощущение безбрежности пространства было куда отчетливее, чем на море, возможно, потому, что мы вознеслись на целый километр над окружающим миром. Там и сям в неподвижном океане поднимались острова – отдельные горы с острым профилем, врезавшимся в синь неба. А натянутая нить дороги убегала далеко-далеко к северу.

Наконец-то машины вышли на равнину и можно было прибавить скорость. В среднем мы делали по 40 километров в час, и встречный ветер немного облегчал томительную жару. В сухой траве вперевалку трусили зебры, проносились грациозные антилопы, видели семейство жирафов, несколько пар страусов на тонких, как штативы, ногах, а однажды громадного старого дядюшку слона.

По карте нам предстояло проехать два населенных пункта, после которых была обозначена пустыня, – Барагой и Саут-Хорр. В Барагой мы прибыли около четырех часов пополудни, когда на землю уже ложились длинные тени. По обе стороны дороги тянулись ряды одноэтажных лавок под волнистой кровлей – дука. В этих местах розничную торговлю монополизировали сомалийцы. Британское правительство было представлено клерком кикуйю – маленьким хрым человеком в пенсне. Он оказался очень образованным и толковым.

В дуке толпились кочевники, пришедшие к воде из своих сухих степей. Там мы увидели первых туркана; это пастушеское племя обитает на обширной территории, с юга и запада прилегающей к озеру Рудольф. Они высокого роста, но лица их не так тонки и красивы, как у самбуру. Женщины были закутаны в жесткие коровьи шкуры, на руках и ногах позвякивали десятки тонких металлических браслетов. Мужчины носили на голове громадные шиньоны, скрепленные засохшей глиной; у всех на поясе висел нож странной закругленной формы, в бою им можно разить врага под любым углом.

Сквозь толпу величественно шествовал, ни на кого не глядя, морщинистый старец. Лицо его было выкрашено охрой, сквозь нижнюю губу продето красное кольцо, на шее висели амулеты, в высокий шиньон воткнуты три страусовых пера, а на плечи наброшена великолепная леопардовая шкура. В одной руке он нес тонкое копье, посох и отполированный деревянный подголовник, в другой – мухобойку из гибких белых прутьев, собранных в рукоятку, украшенную разноцветным жемчугом. То был колдун, ол ойбони, самый уважаемый человек в племени; молодые не смеют смотреть ему в глаза. Старик прошел мимо нас с царственным равнодушием, утвердившийся в сознании собственной мудрости... Да, такая встреча запомнится надолго.

Забавный контраст: старик колдун шел мимо лавки, в глубине которой тускло поблескивали ряды консервных банок...

За прилавком торгош-сомалиец ловко отпускал товар оробелым кочевникам, а его жены в белых полотняных одеяниях, очаровательные, с прекрасными суживающимися книзу лицами и миндалевидными глазами, громко зазывали покупателей.

Обогнув высокий холм, выглядевший островом среди ровной пустыни, мы остановились на ночлег возле русла пересохшей речки (лага по-местному), где росли несколько чахлах деревьев. Поднявшийся вскоре ветер едва не сорвал поставленные палатки и забросал нас мелкими камешками. Пришлось устроиться под прикрытием «джипа» и грузовика. Наш эскорт увеличился еще на одного человека. Это был довольно пожилой метис самбуру и кикуйю с ногами, искривленными полиомиелитом; клерк из Барагоя приставил его в качестве проводника и переводчика.

Собрали хворост, и ветер заиграл искрами костра. Присев на корточках вокруг огня,

наши люди принялись свежевать купленную в Барагое козу. Мы же решили кипятить на примусе воду для спагетти...

Потом я вытянулся на походной койке и долго-долго смотрел на неохватную высь иссиня-черного неба, в котором искрились миллионы далеких миров. Из-за неровной тени соседней горы выглядывал Скорпион.

На рассвете мы отправились дальше по пустынной степи, усыпанной гранитными осколками, посверкивающими кварцем и слюдой на утреннем солнце. Редко-редко появлялись пыльные кусты.

Внизу показалась черная скальная порода. Я слез, с удивлением готовясь увидеть базальт. Но это оказался не он; я поднял несколько кусков великолепного темно-зеленого, а не черного цвета. Это был кристаллический горнблендит – скальная порода, образующаяся в глубинах земной коры и подвергающаяся эрозии после затвердения. Долина вывела нас к древнему цоколю из гранитов, гнейсов и сланцев, составляющих основу всех континентов. На эту «арматуру» миллиарды лет назад начали наслаиваться горизонтальные слои морских, озерных и пустынных отложений, ныне покрывающие ее почти всюду километровой толщей. Именно это основание треснуло несколько миллионов лет назад, породив сбросовые долины и желоба Африки.

Мы ехали еще по кристаллической коре, но с минуты на минуту я ожидал увидеть *контакт* между древним цоколем и более поздними базальтами, вытекшими из трещин Большого Рифта...

Через несколько часов показались заросли колючек. Дневной жар загнал в укрытия зверей; мы заметили в отдалении всего одну антилопу и группку зебр (они следили за нашим приближением, а потом умчались в туче пыли). Напрасно я высматривал в бинокль носорога. Повидав слонов и крокодилов, я теперь страстно хотел встретиться с толстокожим одноногим зверем. Но, хотя Кения и слывет краем носорогов, ни одного животного вне пределов заповедника заметить не удалось. Что ж, им нельзя отказать в развитом чувстве самосохранения...

Дорога напрямик бежала к одному из гористых островков сухопутного моря. С каждой минутой массив увеличивался в размерах. Я уже начал удивляться, почему дорога шла именно туда, вместо того чтобы обогнуть остров.

Вскоре каменистое плато перешло в волнистое песчаное ложе, покрытое довольно колючим кустарником. Дорога вползла в узкую долину, прорезанную в светлом гнейсе, поднимавшемся справа и слева. Мы ехали теперь по лесу высоких акаций, их зонтичные кроны смыкались над головой полупрозрачной кровлей.

Сбоку на нас вопросительно уставился жираф. Поколебавшись секунду, он начал удирать своим странным галопом, напоминавшим одновременно полет и плавание.

Я немедленно повернул «джип» в его сторону. То был не обычный жираф,²² а его сомалийская красно-коричневая разновидность,²³ встречающаяся только в здешних местах.

Отчаянно виляя меж стволов акаций, я выскочил на ровное дно лаги из слежавшегося песка и дал полный газ. Жираф был метрах в тридцати, но хотя стрелка спидометра подскочила к тридцати милям (около 50 км/час), а животное, казалось, медленно «плыло» в жидком воздухе, оно скакало быстрее «джипа»! Вскоре уже была видна лишь маленькая головка, скользившая на шестиметровой высоте над зонтичными кронами.

Я остановил машину. Еще несколько секунд раздавался глухой топот копыт, а потом вновь настала тишина. Воздух наполняло нежное воркование голубей. Выжженное, необъятное и неподвижное безмолвие Африки... У ноздрей зароились мушки, зазвенели возле уха, начали туманить взор, надоедливые, неотвязные... Африка в своем

²² Giraffa camelopardis желто-дымчатой масти.

²³ Giraffa reticularis.

тысячекилометровом единообразии.

Включил мотор и, круто развернув машину на северо-запад, вскоре выехал на дорогу, кстати, ее было трудно заметить, не будь свежих следов только что проехавшего грузовика. Спутников мы нагнали на поляне, за которой трасса упиралась в неглубокую долину. Здесь росли великолепные мимозы. Дорогу неспешно перешел слон... пять минут назад спугнули жирафа – Африка полна жизни...

На обочине показалось стадо коз в сопровождении голого черного пастушонка; при виде нас он застыл с раскрытым ртом. Вскоре долина сузилась настолько, что скальные стены почти соприкасались, едва пропуская нас. Впереди светлым пятном выделялась выгоревшая на солнце палатка за оградой из колючих ветвей – Саут-Хорр...

На карте его название было выписано буквами такой же величины, как Румурути или Томпсон-Фоле – подлинные города в местном масштабе. Но здесь «населенный пункт» состоял из одной залатанной палатки торговца-сомалийца! Теперь понятно, почему дорога не шла в обход гористого острова: в пустыне путь диктует не рельеф местности, а колодцы.

В Саут-Хорре толпился народ. По здешним масштабам его было довольно много: человек двадцать взрослых и стайка батото (ребятишек). Когда мы подъехали, группа женщин туркана спускалась с горы. У каждой на голове лежал сверток коровьих шкур, предназначенных на продажу сомалийскому негодянту. При виде машин они остановились: белые люди... что им здесь надо? Пошептались, и, убедившись, что мы заняты своим делом, они бегом спустились по склону и юркнули в палатку.

Женщины туркана несколько проигрывают в сравнении со своими кузинами самбуру. Девушки самбуру – писанные красавицы: гладкая кожа с бронзоватым отливом, прямой нос, высокая грудь, стройная фигура. Вокруг головы у всех узкая диадема из цветного жемчуга типа цепочки, которую носили в средневековой Европе. Некоторые еще носят на шее плоские железные украшения или вставляют в уши большие подвески в форме полумесяца. Но высшая роскошь, не считая легкой татуировки на животе и многочисленных выпуклых браслетов сверкающего металла на запястьях и щиколотках, – это многорядное кольцо цветного жемчуга от плеч до подбородка.

Несмотря на оттянутые мочки ушей, выбритые головы и негнущиеся юбки из невыделанных коровьих шкур, самбуру выглядели сказочными принцессами – настолько мечтательно было выражение их тонких лиц.

Источник бил в шести-семи метрах ниже, среди нагромождения гладких камней. Женщины вереницей спускались туда, зачерпывали живительную влагу калебасом²⁴ и переливали ее в кожаные бурдюки. Это был единственный источник на всю округу величиной с французский департамент. Люди приходили туда и гнали на водопой скот за тридцать, а то и все сто километров.

Вода притягивала жизнь. В листе высоких мимоз щебетали птицы, перелетая с ветки на ветку, словно металлические искорки.

За Саут-Хорром дорога превратилась уже в чистую условность. Она едва-едва угадывалась в траве.

Нам предстояло пересечь несколько высохших русел (лага), сбегавших с гор к главному уэду. Некоторые были узкие, другие – пошире и поглубже. Вскоре случилось то, чему полагалось случиться, – трехтонка завязла в песчаном ложе. «Чтоб тебя...»

Колеса накрепко застряли в вязком песке. К этому должен быть готов любой путешественник по Африке. Еще хорошо, что песок, а не грязь... Мне вспомнилось, как однажды мы попали в илистое болото, пришлось девять часов без передышки рыть канаву, чтобы вытащить машину из гиблого места. Считалось, что нам повезло: здесь каждый год владельцам приходится бросать машины и ждать окончания сезона дождей, чтобы их вызволить...

²⁴ Калebas – высушенная тыква, служащая посудой.

Все вышли, руками раскидали песок вокруг колес, наложили ветвей и дружно стали подталкивать грузовик. Рыча от натуги, тот выполз наконец на противоположный берег. А «джип» с двумя ведущими передачами довольно легко одолел препятствие.

В последующие часы «шевроле» еще несколько раз завязал в песке, и нам даже пришлось пустить в ход лебедку, которой был оборудован «джип». Он стоял на тормозах, под колеса мы подложили большие камни, но, несмотря на это, вездеход начало тащить к грузовику, а не наоборот.

Я отпустил тормоза и включил заднюю передачу; колеса грузовика бешено вращались на месте, обдавая все вокруг фонтанами песка. Но вот по сантиметру он начал ползти вперед. Уф, отлегло...

Массив Олдоньо Мара,²⁵ в котором спрятался Саут-Хорр, остался позади. Наконец мы добрались до места, ничем не выделявшегося среди прочих. Проводник, однако, велел тут сворачивать с дороги на запад, прямо в джунгли. Трасса уходила на север в направлении вулкана Кулал. Выходит, мы добрались до южной оконечности легендарного Рудольфа...

Песок и камни, камни и песок. Все как прежде, только теперь еще приходилось пробираться сквозь колючий кустарник; внешне он удивительным образом напоминал наши яблони, только без листьев. Я думаю, это была каммифора, чьи жесткие веточки сплетаются в непроглядные заросли.

Нам повстречалась группа женщин рендилле – это тоже одно из пастушеских племен, кочующих по обширным пустыням вокруг озера. Четыре караванщицы возвращались из Саут-Хорра, нагрузив на верблюдов бурдюки из жирафовых шкур в оплетке из травы. Они вышли в путь сутки назад, и им еще предстояло идти два дня, как сказал нам переводчик. Трое суток до источника и столько же обратно...

Подобно женщинам туркана и самбуру на них были юбки из коровьих шкур, на ногах и руках звенели браслеты, в ушах болтались тяжелые серьги, а широкие кольца на груди напоминали рыцарские доспехи. Волосы рендилле собирают в удивительную] гриву, скрепленную засохшей глиной; высоко поднятая над головой прическа напоминает шлем Минервы.

Немного испугавшись поначалу, они скоро залились смехом, глядя, как мы суедемся вокруг них со своими фотоаппаратами и кинокамерами. А еще чуть позже совсем перестали обращать на нас внимание, собрали разбежавшихся животных, встали цепочкой и двинулись своим путем на северо-восток – монотонная вереница белых верблюдов, плавно колыхавшихся в знойном мареве...

Миновали деревни рендилле и самбуру в одном лье друг от друга. Деревни представляли временные стоянки, там живет лишь одна семья, а то и часть ее, ибо пастбища в здешнем сухом краю разбросаны на большом расстоянии, так что собираться вместе негде. Переходя на новое пастбище, кочевники строят себе хижины из ветвей – пригибают их вершинами и связывают лианами наподобие полусферы. Достаточно уложить под сводом козы шкуры – и дом готов.

Если домов несколько, селение окружают изгородью из природной колючей проволоки, чтобы уместить все стадо. В линии обороны оставляют несколько проходов, на ночь закрывая их теми же колючками. Это – маньятта, общий загон. Люди и скот там в безопасности, им не страшны ни гиены, ни леопарды, ни львы, ни даже нападение враждебного племени.

Еще час мы катили без особых приключений в направлении западных гор, над которыми царили элегантные вершины Ньиру и вулкана Кулал. С крутых отрогов Ньиру в сезон дождей сбегает бурные потоки; сейчас они пересохли, но преодолевать их песчаные ложа (лаги), глубоко ушедшие меж обрывистых берегов, было нелегко. Кое-где берега просто нависали недоступным козырьком. Приходилось подолгу рыскать по берегу, словно

²⁵ Олдоньо – «гора» на языке нилотских племен Кении.

собакам, прежде чем начать осторожно спускаться к руслу. «Джип» довольно легко одолевал препятствия, прокладывая путь грузовику; кроме того, вездеход помогал трехтонке выбираться из песчаных ловушек.

Ложа речушек были немymi свидетелями потопа: там валялись вырванные с корнем деревья, обломки скал, принесенные со склонов Ньиру... Подъем на противоположный берег проходил в том же порядке, что и спуск.

Чем ближе подбирались к горам, тем больше становилось рек, и мы боялись, что грузовик вот-вот застрянет в лаге. Решено было разбить базовый лагерь. Выбрали ровное место, натянули палатку и стали разгружать машины. Дальше двинемся на лендровере, причем часть людей останется ждать здесь.

Мализеле, окруженный благоуханием горячей мимозы, сварил рис с консервами. Сидя у входа в палатку, мы смотрели, как заходящее солнце одевает в золото близкие горы. Что-то двигалось там, возле вершин... Может, люди?... Нет, пожалуй, их слишком много для пустыни. Вытаскиваю из рюкзака бинокль: десятки, сотни обезьян сустились на камнях, ловя последние лучи гаснувшего солнца. Это были большие павианы с толстыми черными гривами, очень серьезные и сосредоточенные...

Проводник сказал, что в конце долины, почти у самого подножия холмов, расположена маньятта самбуру; у них есть ослы, которых они могли бы одолжить нам. Верблюды, к сожалению, не годились: предстоящий путь был им не под силу. Здесь нужны очень выносливые животные, способные тащить воду и снаряжение по крутым склонам неприветливых гор.

Загрузили лендровер всем необходимым. Увечный проводник, Ришар и я сели впереди, а Тормоз и страж-ас-кари со звучным именем Ласедемон сзади.

Какое счастье, что мы оставили грузовик! Лаги здесь напоминали подлинныe каньоны, а кустарник рос так густо, что пришлось ехать прямо по зарослям.

Каждая ветка щетинилась сотнями острых толстых колючек по несколько сантиметров длиной, напоминавших здоровые гвозди. После первого же куста, подмятого машиной, я весь сжался, ожидая вот-вот услышать свист воздуха из проколотых шин. Но вездеход катил дальше, «гвозди» скрежетали по днищу и дверцам, колючие ветви хлестали по ветровому стеклу, цеплялись за брезентовый верх, но колеса держались.

Когда препоны остались позади, я остановился и вылез посмотреть: шипы торчали из резины, словно бандерильи из быка на арене. Пока что ни один не пропорол камеру, но вряд ли она долго протянет. Я включил переднюю ведущую передачу – дорога поднималась довольно круто, – и мы помчались дальше.

Деревья теперь стояли сплошной стеной, крона к кроне, протиснуться между ними не было уже никакой возможности. Пришлось с ходу наезжать бампером на ствол, пригибать его, а иногда просто ломать и ехать по шипящей листве (казалось, что мы мчимся на подводной лодке в зеленой стихии).

Самое поразительное было то, что шины держались. Буквально нафаршированные сотнями «гвоздей», они надежно прикрывали камеры!

– Старина, – сказал я Ришару, – а что мы станем делать, когда колесо лопнет?

Тот с улыбкой добавил соли на рану:

– Неужели вы собираетесь здесь ремонтировать колеса? Безнадежно...

Но шины выдержали! Толстая тропическая резина сопротивлялась шипам, и те обламывались, оставляя в ее толще лишь кончики. (А когда шипы все же добрались до камер и начались проколы, мы уже катили по ровному асфальту Франции...)

Дорога стала совсем плохой. Приходилось не только ехать на обеих ведущих передачах, но и на первой скорости буквально шагом. Мотор натужно выл. Дорожные ощущения нам были отпущены полной мерой: вездеход подминал стволы по двадцать сантиметров в обхвате, полз по жуткой крутизне склонов, проскакивал глубокие ямы, карабкался на отвесные стены... Водителю приходилось сливаться с машиной: бесконечные

переключения скоростей, резкие повороты вправо-влево, работа педалью акселератора. Нет, то была уже не машина, а танк!

Наконец джунгли немного расступились, песок сменился гравием – мы добрались до подножия холма и остановились в слабой тени двух акаций. На нас с удивлением глядели несколько женщин-самбуру и стайка голых ребятишек, правда тут же исчезнувших. Женщины остались стоять, разглядывая вновь прибывших.

Связь была налажена благодаря старому проводнику, который шел за нами, опираясь на две длинные палки, похожие на копыя. Он что-то сказал, и женщины заулыбались (должно быть, реплика относилась к нам и была довольно ехидной).

Самбуру, равно как и масаи, с презрением отвергают одежду и изделия европейского обихода. Они живут согласно обычаям предков, и пятидесятилетнее соседство с белыми не нарушило их быта. Англичане быстро поняли бесполезность вмешательства в выверенный веками образ жизни кочевых племен. В Найроби среди современных небоскребов часто можно увидеть стройную фигуру с копьем, завернутую в небрежно брошенный плащ. Кочевник шагает по бетонному тротуару мягкой походкой жителя саванны; он смотрит любопытно-пренебрежительным взором на новый мир, не испытывая ни малейшего желания остаться в нем. Если масаи, несмотря на довольно частые контакты, не переняли ничего из нашей цивилизации, то о самбуру, живущих в глубине полупустыни, и говорить нечего.

Маньятта состояла из трех хижин. Из одной вышел совсем седой согбенный старик. Обменялись приветствиями: мы – на кисуахили, он – на самбуру; потом проводник и аскари присели с ним на корточки и начали переговоры. Да, у них есть ослы, но их погнали «кушать воду». Куда, в Саут-Хорр? Нет, в горы, тут недалеко. Недалеко – это сколько дней пути? Недалеко, это недалеко... А все же? В Лонджерин, полдня всего...

За осликами отправили мальчонку, наказав ему дать осликам как следует «покушать воды», а мы тем временем стали в который раз обсуждать маршрут. Сколько продлится сафари? Начиная с Найроби вопрос не давал нам покоя. Телеки шестьдесят лет назад выступил во главе мощной экспедиции, включавшей 500 носильщиков (из которых лишь двести вернулись живыми в Момбасу); его не заботили ни сроки, ни приближающиеся дожди. Маршрут проходил вдоль линии Рифта. Сорок лет спустя А. М. Чемпион с третьей попытки достиг вулкана со стороны Лодвара, лежавшего примерно в ста милях от нас. Оба пути мы отвергли. Но до Барагоя не удалось получить достоверных сведений; нельзя было положиться и на карту, еще более сомнительную.

Что делать? Можно продолжать ехать по дороге до Кулала (там она проходит сравнительно недалеко от восточного берега озера) и потом спускаться вдоль берега к югу. Но это было «адское место», о котором нам говорили в Маралале. Клерк кикуйю в Барагое тоже настоятельно советовал отказаться от этого варианта. Второй возможностью было обогнуть массив Ньиру с юга или севера. По совету проводника мы остановились на втором варианте.

– Прибыли...

Вот именно. А что дальше? Невооруженным глазом просматривалась только часть пути до гористой гряды, отделявшей нас от Рифта. Не будь проводника, мы бы уже давно обогнули эту гряду (она кончалась всего через несколько лье) или двинулись бы напрямик через препятствие. Но жители дружно уверяли, что пройти гряду невозможно: тропы нет... У африканских проводников, правда, есть собственные симпатии и антипатии, порой они просто избегают «дурного места». В данном случае, однако, приходилось довериться им, ибо других указаний не существовало. Кстати, на карте вулкан лежал от нас на северо-запад... Сколько времени займет поход туда и обратно? Этого выяснить не удалось. На карте по прямой было двадцать – тридцать километров. Увеличив на всякий случай дистанцию вдвое, получаем шестьдесят километров туда и столько же обратно, в общей сложности четыре дня.

Старик и проводник (с его ногами, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы вести нас, он оставался «стеречь» машину) называли другие цифры. Старик считал, что хватит и двух дней, если мы правильно поняли... Наш «толмач» мог неверно толковать его слова. Тем

паче что как истый африканец он из вежливости со всем соглашался! Даже когда мы говорили несуразицы. Может ли сафари занять две недели? «Да, бвана». Потом очень дипломатично он давал понять, что ослы, возможно, не выдержат двух недель в безводном краю, да и люди тоже... так что будет лучше, если мы пойдем чуточку быстрее... Короче, было решено взять продуктов и необходимого снаряжения на три дня.

Но что считать необходимым? Для настоящего кочевника строгий минимум – это его копье и амулеты на шее. Нам, видимо, этого будет маловато. Тем не менее отбор придется вести самым драконовским образом, ибо у нас будет всего четыре выючных осла, способных нести по 30–40 килограммов. Главная ценность – вода: пять литров на человеко-день – жесткая норма при ходьбе по пустыне. Трое европейцев, трое африканцев, итого тридцать литров в день. Три дня – сто литров воды. Из ста сорока килограммов общего груза...

– Счастье еще, что ослы не ходят на бензине, – заметил Луи, вспоминая, на какие жертвы пришлось пойти, чтобы обеспечить тысячекилометровый пробег лендровера.

Необходимостью были фото- и кинокамеры, пленка и мешочки для образцов (туда они ничего не весили, зато обратно...). Необходимостью были лекарства и проклятые ружья, без них опасно отправляться в неисследованный край и еще более опасно оставить без присмотра в лагере. Решили также взять походные койки, чтобы не страдать ночью на острых камнях. И легчайшую палатку, чтобы укрыться от зноя. Вследствие этого продовольствие свели к голодному рациону: сухие овсяные галеты, сыр грюйер, сушеные фрукты, сахар, соль, несколько банок сгущенного молока и апельсинового сока.

Женщины-самбуру выказывали полное пренебрежение к вещам европейцев, но их малолетние дочери оказались не такими стойкими к соблазну. Три очаровательные девчушки, составлявшие с тремя худыми морщинистыми старухами женскую часть населения маньятты, вдруг сделали открытие, потрясшее их воображение. Они с любопытством бродили вокруг «джиба», и тут одна заглянула в зеркало, укрепленное на крыле машины. Вскрикнув, она отпрянула, вопросительно оглянулась на нас, а потом, будто притянутая магнитом, погрузилась в свое отражение. Тут же подбежали сестрицы, и, слепившись головами, вся троица с упоением начала корчить рожицы, повизгивая от восторга.

После полудня прибыли ослы в сопровождении двух отцов семейства. Видимо, это были не чистокровные сам-буру: кожа их была более темная, рост – ниже обычного и черты лица не такие тонкие. Оба остановились шагах в тридцати, скрестили ноги и, опершись на копы, с приветливой улыбкой стали обозревать наше хозяйство.

Лица и плечи мужчин, по обычаю своего племени, были выкрашены красной краской; у каждого в мочку уха вставлены гладкие кусочки козлиной косточки. На голове у одного красовался парик из глины, немного спускавшийся на лоб, отчего он походил на каннибала из детских приключенческих романов. Мы немедленно прозвали его Пятницей. У второго голова была гладко выбрита, сложением он был более хрупким, более женственным и за отсутствием воображения окрещен нами Субботой...

Пока женщины с обычной неспешностью навьючивали животных, мужчины уселись на корточках возле поваленного ствола дерева; в нем были проделаны два ряда отверстий, куда они закатывали два круглых шарика. Это была игра, но ни Жаку, ни Луи, ни мне не удалось понять ее смысл. Игра длилась все время, пока увязывали поклажу. Ремни из сухих козьих шкур то и дело рвались, а ослы, едва их кончали навьючивать, считали своим долгом сбросить поклажу наземь. Утверждение «глуп, как осел» абсолютно неверно. Я осмелюсь утверждать, что это едва ли не самое умное домашнее животное. Во всяком случае ловкость, с какой они в одно мгновение скидывали со спины то, что в течение долгого времени размещали там женщины, служила прекрасным подтверждением этому.

Марш под солнцем

Мы выступили.

Ритм жизни разом изменился. Позади остался гул моторов, оглушительный, навязчивый треск ветвей, резкий свист ветра и шуршание гальки под шинами. Мы вновь окунулись в первозданный покой планеты. Бесценную тишь минерального мира лишь изредка прерывали звон насекомых, скрежет потревоженного камня да короткий гортанный крик караванщика, погонявшего ослів. Слово путешествие обрело свой истинный благородный смысл. Ходьба освобождает ум и заставляет работать все мышцы тела. Войдя в размеренный ритм, мы постепенно стряхивали с себя европейскую спешку и нетерпение, заставляющие нас вечно мчаться к цели, достигнув которую мы тут же без передыха стремимся дальше. Здесь мы шагали по волнам каменистых холмов и высохших уэдов под высоким небом, вбирая в себя полными глотками жизнь.

Долгий путь странствий очищает душу. Кочевник, шествующий по пустыне, думает о своем или тихо напевает, перебирает воспоминания или предается мечтам. Кочевнику неведома густая скука пассажира, заключенного в купе вагона, кабину самолета или каюту парохода, над которым тяготеет груз потерянного времени. Пеший странник не тревожится о призрачном будущем, он живет каждой минутой пути и привалов, растворяется в сущности бытия.

На второй день мы повстречали высокого туркана с широким улыбчивым лицом под шиньоном, куда он воткнул страусовое перо. Человек сидел возле колючей ограды маньятты. С легкой иронией он глядел на нас, и во всем его облике была такая безмятежность... Похоже, это качество свойственно большинству кочевых народов, обитающих в пустыне, – и аравийским бедуинам, и адларским маврам. Живя в окружении двух жен, стайки детей и сотни коз, щипавших сейчас едва заметные пучки сухой припудренной пылью травы, туркана вел первобытное существование, не нарушаемое никакими воздействиями. Не то чтобы я завидовал ему, меня вовсе не привлекал отказ от тысячелетних завоеваний нашей культуры, но способность к безмятежности – это качество мне бы хотелось иметь...

Шагая эластичной, грациозной походкой, человек провожал нас почти полдня – просто так, за компанию (гости – редкость в здешних краях). Обменявшись поначалу с нами несколькими словами, когда ни мы, ни он не поняли друг друга, он потерял к белым всякий интерес и беседовал только с Пятницей и Субботой. Страж-аскари, гордый своей винтовкой, шортами, полотняной курткой и пилоткой цвета хаки, не снизошел до разговора с «дикарем».

Туркана распрощался с нами только после полудня. Несколько недель назад в бедро ему глубоко вонзилась колючка. Рана загноилась, на черной коже вспух желвак. Тормоз предложил ему свою помощь. Сев на землю, туркана вытянул ногу и не моргнув глазом смотрел, как скальпель врезается в его плоть. Удивительное самообладание и презрение к боли. Не знаю, чего тут было больше – гордости или стоицизма, но поведение во время операции не могло не вызвать нашего уважения.

Лицо его не было таким тонким, как у самбуру, но дышало благородством и даже некоторым величием. На правом запястье болтался странный круглый нож. Поначалу его можно было принять за браслет, но, приглядевшись, вы невольно вздрагивали... Вокруг шеи на ремешке из невыделанной шкуры висел амулет, призванный оберегать от сглаза.

Очистив рану и густо присыпав ее сульфопорошком, Тормоз как следует забинтовал ее и знаком показал пациенту, что можно вставать. Гигант поднялся, взял оба копы в руку и, прихрамывая, широким шагом двинулся назад к своей маньятте.

Тропа то и дело скрывалась в песке или между камнями. Перед вечером мы перевалили через холмы светлого гнейса, ожидая, что с вершины нам откроется давно ожидаемая панорама озера Рудольфа или хотя бы Рифт с рассыпанными вдоль него вулканами. Увы, обещанный «ад», к великому огорчению участников похода, был еще впереди. Мы спустились в глубокий овраг, забрались на следующий гребень и тут наконец пересекли контакт между древним цоколем Африки и сравнительно недавними лавами, разлившимися во время образований гигантских трещин. Контакт был явственно замечен: двигаясь к северу

одним из бесчисленных ответвлений тропы, мы вышли на ложе бежевого песка пересохшего лага. Справа поднимались гранитные холмы, сверкая вкраплениями белого кварца и слюды, а слева высился почти вертикальный откос колоссального доисторического слоя лавы толщиной больше ста метров. На вершине его громоздились более поздние обломки.

Теперь понятно, почему в здешних местах невозможно двигаться по выбранному азимуту: местность состоит из бесконечного чередования каньонов, глубоко врезанных меж крутых базальтовых берегов, там, где из трещин выходили вязкие лавы. Откосы и сбросовые долины следуют параллельно с севера на юг, напоминая клавиши циклопического рояля. Приходилось шагать по дну уэдов до тех пор, пока не находили перевал, и ослы упрямо начинали подниматься короткими шажками по извилистой тропе, одолевая крутизну.

Дорога, по которой мы шли среди выжженных солнцем камней, насчитывала, быть может, сотни, а то и тысячи лет. После первой гряды холмов начали встречаться на обочине сложенные из камней пирамиды. Кто похоронен там – вождь или просто рядовой член племени? Как покоится скелет – на спине, сидя или повернут лицом к восходящему солнцу? Возможно, рядом с ним лежит какой-нибудь предмет из камня или металла – след давным-давно угасшей цивилизации. Но на раскопки не было времени. Нас ждал вулкан Телеки, иначе я непременно попытался бы заглянуть под каменный погребальный покров...

Пирамиды встречались до самого сердца Рифта. И это были не единственные свидетели минувших эпох, на желтом песке мы натыкались на осколки черной обсидиановой лавы. Как они оказались здесь, в гранитной зоне? В первые дни я собрал несколько осколков и убедился, что это были отходы древней индустрии. В скором времени мы нашли и обтесанные орудия из обсидиана: лезвия, клинья, скребки.

Встреча с материальными следами труда давно исчезнувших поколений всегда вызывает волнение. Сколько веков минуло с тех пор как человек пользовался этими предметами? Воображение перескакивало через тысячелетия, рисуя далеких предков, шагавших подобно нам к неведомой цели.

Мы начали лихорадочно собирать предметы и осколки, уверенные, что оказались на месте древней «каменотесной мастерской». Велико же было удивление, когда на следующее утро мы увидели, что тропа буквально усеяна доисторическими орудиями! Похоже, здесь пролежала торная дорога, по которой прошли поколения путников. Мне вспомнились мавританские некрополи, целые города надгробий возле Адрара – длинные ряды столбов, выглядевших совсем загадочно в сердце Сахары. Приглядевшись внимательнее, мы заметили, что кладбища тянутся вдоль широких углублений, высланных иссохшей глиной. Дно было усеяно обломками доисторических черепков... В те времена, когда Сахара еще не превратилась в безводную пустыню, в тени густой растительности здесь лежали озера, по зеленым лугам бежали реки; к водопою стекались стада диких животных. Несколько тысячелетий назад климат изменился, и когда-то плодородные обитаемые земли превратились в пустыню. На высохшем дне водоема остались черепки глиняных сосудов.

Также и на территории Кении в каменном веке процветали цивилизации, от которых до наших дней дошли лишь обработанные кремневые орудия и захоронения. Захватывало дух при мысли о том, что в этом безлюдном краю стояли деревни, была жизнь. Сейчас мы шагали по археологическим находкам.

Караван двигался медленно, медленнее, чем мы рассчитывали. Но виной была не наша усталость, а ослы. Вернее, не столько ослы, сколько их неуклюже навьюченная поклажа: она то и дело соскальзывала, заставляя нас останавливаться и перевьючивать. Вновь шли и вновь останавливались, иногда через пятьдесят шагов... Поначалу это даже забавляло, но потом стало приводить в отчаяние. Наконец подобно настоящим кочевникам мы смирились с неизбежностью, можно сказать, покорились судьбе. Почти половину времени пути пришлось жертвовать на остановки и перевьючивания. Тонкие ремешки из невыделанных козьих шкур предназначены не для твердой поклажи (ящиков и жестяных бидонов), а для мягких бурдюков с водой или вязанок хвороста. Можно ли кого-то винить в этом?

На каждом новом перевале нас ждало разочарование, и, чем дальше, тем оно было

горше. Ни озера, ни вулканов. Лишь новый уэд и новый откос – точные копии тех, что мы только что прошли. Когда к концу второго дня забрались на очередной гребень и опять не увидели желанной цели, мы вдруг начали терять уверенность. Если так пойдет и дальше, нам не хватит продуктов и воды, чтобы добраться до вулканов и возвратиться назад... Жара, переносимая вначале довольно легко, становилась нестерпимой. Создавалось впечатление, что каждая новая долина глубже предыдущей, а температура в ней выше на несколько градусов.

Жажда начинала давать себя знать, язык казался сухой ватой. Взгляд упрямо цеплялся за двадцатилитровые бидоны с водой, мерно колыхавшиеся на ослиных боках. Вода была теплой, но, когда она текла тонкой струйкой в подставленные железные котелки, сердца наши наполнялись радужным ожиданием. Для этой процедуры ослов укладывали наземь и с превеликими осторожностями снимали бидон.

Дойдем ли мы сегодня до полувысохшего озерца Лаисами (судя по карте, оно должно находиться на нашем маршруте)? И есть ли еще в нем вода? Ведь по эту сторону гор уже больше года не выпадало дождя...

– Далеко до Лаисами? – спросил я у нашего стража-аскари.

Тот вытянул вперед руку, указывая на расстилавшуюся у ног каменистую долину, утыканную колючими акациями; она заканчивалась внушительной стеной муарового цвета.

– Мбари кидоко (немного далеко).

Это могло быть и пару часов, и полный день...

– Шире шаг, пехота! – бросил клич Луи.

Почти бегом мы припустились вперед, оставив ослов догонять нас; если нам удастся дойти до воды, караван подтянется, а если мы останемся со всеми, придется быть на голодном пайке.

В новой долине плавал жар, он был особенно силен у подножия крутого склона. Смена уровней чувствовалась сильно, и относительная свежесть Лонджерина воспринималась сейчас как сладостная нега. Торопясь к воде, мы невольно начали спотыкаться на камнях и кочках жесткой травы. Пустыня и горы могут казаться нескончаемыми, до жути одинаковыми, если вы спешите достичь вершины или колодца... Всеми фибрами души вы жаждете увидеть блеск воды среди зеленых пальм. Но вот, задыхаясь, взбираетесь наверх, а перед вами все та же ложбина, как и час, и два, и три назад, – камни, чередующиеся тут и там с редкой травой. Тогда вы переводите взгляд к новой гряде вдаль, к едва различимой полосе, за которой, как вы надеетесь, прячется она. Вода... Вы стараетесь не замедлять шага и далеко выбрасываете ноги, но усталость наливает их тяжестью, на сердце – камень разочарования, жажда раздрает сухой, как бумага, рот, а беспокойство грызет мозг – что, если не удастся дойти и придется с полпути возвращаться назад...

Навстречу плетется стадо коз – сотни белых, черных, коричневых коз в сопровождении пастушонка, не прожившего на свете и десяти лет. При виде нас он стремглав бросается прочь. Еще через сотню шагов натыкаемся на колючий куст; в тени его двое голых юношей рендилле доедают жареного козленка. Они смотрят на нас довольно равнодушно; на кисуахили не понимают ни слова. Однако аскари смог у них выудить: да, в Лаисами сохранилась вода. Они как раз гонят оттуда стадо...

Спускаемся дальше по откосу, петляя меж обломков скал. Внизу, прямо в плоском дне долины, различаем каньон, проеденный эрозией в базальте. Возможно, эта эрозия – часть того процесса, который породил и саму долину. Возможно, что именно там и кроется Лаисами?

Так оно и есть! В углу ущелья под сенью громадной нависающей скалы вдруг блеснул меж камней клочок ярко-синего неба. Она необычайно красива, вода...

Жажда, видимо, была еще не смертельной: никто не бросился вперед и не припал ничком к озерцу. Мы даже остановились, чтобы получше рассмотреть его и увериться, что это не мираж. Бесценное сокровище! Честное слово, иногда даже приятно томиться жаждой, зная, что сейчас ее утолишь...

Луи опустился на колени возле лужи, вытащил нож и стал ковырять плотно слежавшийся гравий примерно в метре от воды. Минут через двадцать он добрался до водоносного слоя, расширил отверстие и погрузил в него эмалированный сосуд с фильтрующим составом.

Мы с Жаком уселись рядом с Тормозом, терпеливо глядя, как вода, светлая, чистая, медленно проходит сквозь фильтр. И вот наконец она готова – можно пить. Предосторожности оказались не пустыми; озерцо было столь же красиво, сколь и грязно: на поверхности густым слоем плавал козий горошек, осклизлые водоросли, нечистоты... Ожидание доказывало, что по-настоящему мы не хотели пить.

Трое погонщиков с ослами прибыли еще до наступления темноты. Похоже, стоило нам уйти, как ремешки перестали сползать. В теплой ночи горело желтое пламя, выхватывая лица. Мы счастливы: горло смочено водой, жареный козленок обглодан до последней косточки и снова обильно запит водой. Завтра мы выйдем к большому озеру, послезавтра – к вулкану...

Да, но это получается пять с половиной, а то и все шесть дней вместо трех. Что ж, придется еще урезать порции галет, сухофруктов и сыра. Но мы дойдем. Кто знает, вдруг счастье вновь улыбнется и мы встретим дорогой новое стадо.

Улеглись на пружинящий брезент походных коек. Усталые тела каждой клеточкой впитывали покой, мышцы расслабились после двух дней тяжелого похода. Луи в последний раз заварил чай – десерт перед сном (у нас есть сахар и сгущенное молоко). Каждый получает по здоровой кружке. Ришар тихонько прихлебывает, а я выпиваю свою в несколько глотков. Небо кажется живым от обилия звезд. Вдали раздается протяжный вопль гиены. Не так уж он страшен, как рассказывают. Гиены – непременная принадлежность африканской ночи, так что все идет заведенным порядком. Хищникам положено находить жертв...

Просыпаемся в сизой заре от щебетанья – крохотные голубенькие птички прыгают с ветки на ветку в листве мимоз. Гляжу на скалу и замираю от восхищения: прямо в трещине на вертикальной стене кряжистый кустарник усыпан дивными коралловыми цветами – это пустынные розы.

Пока навьючиваем ослов, откуда-то налетают стервятники, привлеченные запахом пищи, и кружат над головой, потом опускаются громадной стаей на край скалы. Все в нетерпении хлопают крыльями и пританцовывают, ожидая, когда мы наконец уйдем и они смогут начать пиршество.

Идем по верхней губе ущелья Лаисами. По сути это каньон, пропиленный в твердых слоях базальтовых нагромождений. Когда-то здесь в толще лавы образовалась трещина, которую затем углубили потоки. Постепенно долина достигла профиля равновесия – уровня, ниже которого потоки не углубляют своего ложа. За тысячелетия каньон состарился: воды уже больше не вымывали почву, а, наоборот, устлали дно слоями наносов – гравием, глиной, песком. И тут вновь случился катаклизм, в результате которого резко опустился район устья реки – она превратилась в озеро Рудольф. Снова началась интенсивная эрозия. Настолько интенсивная, что казалось, кто-то продолбил стамеской древнее дно реки. В конце концов образовался этот почти идеально ровный каньон, никак не напоминавший творения природы.

Эрозия шла с такой яростной силой потому, что уровень устья опустился метров на пятьдесят: где-то в центре Рифта ушел вниз новый блок. Миллионы лет спустя после образования гигантских разломов процесс все еще продолжался...

Цепляясь за острые камни, мы взобрались на новый перевал. Каждый втайне надеялся, что сейчас-то заметим на горизонте озеро. На гребне нас ждал ветер. Сильнейший теплый поток толкал в спину и гнал дальше, вперед. Вот где рождались легендарные бури на Рудольфе! Приходилось изо всех сил упираться в скалы, чтобы тебя не сдуло вниз. Но постоять так хотелось: ведь нам открылось озеро!

Незабываемый момент: сколько лет я разглядывал на карте волшебное название «озеро Рудольф» и вот теперь видел его наконец. Среди однообразного ландшафта сизых гор

виднелась широкая голубая лента. Кончились стиснутые скалами уэды, мы вновь вышли на безбрежный африканский простор, и нас подгонял необузданный ветер – подлинный владыка здешних мест.

Да, было именно такое впечатление: перед глазами расстилается целиком вся Африка. До самого горизонта уходили, сменяя друг друга, столообразные плато, упираясь где-то далеко-далеко в дымку зубчатых вершин. Озеро покоилось в середине панорамы, смыкаясь на севере с голубизной неба. Мы добрались до южной оконечности этого внутреннего моря, «Бассо норок», как зовут его пастухи-нилоты. Триста километров на шестьдесят – озеро вытянулось вдоль 36-го меридиана, в самом сердце Большого Рифта, которому оно обязано своим рождением.

К югу от побережья земля являла лунный пейзаж: ни следа растительности, одни хаотические черные нагромождения застывших лав недавних извержений и ржавые конусы вулканов с зияющими дырами кратеров. Десятки и десятки пайков, словно нарывы черной проказы.

Который же из них Телеки? В бинокль видно, как из склона одного кратера подымается дымок. Фумарол? Может, это и есть он? Сегодня к вечеру доберемся к озеру, а уж завтра как следует рассмотрим вулкан. Осталось всего несколько лье.

Но именно последний отрезок оказался самым трудным! Куда труднее, чем мы ожидали... Вначале мы осторожно спускались между шатавшимися глыбами. Тропа вывела нас на широкую лагу, устланную круглым галечником; лишь кое-где проглядывали языки песка. Альтиметр показывал 650 метров. Это очень низко, если вы находитесь в двух с половиной градусах от экватора, на сковороде пустыни; в тени под брюхом осла термометр подсказывал к 500...

Между тем до полудня было еще далеко, а значит и до полуденного привала тоже. В ложбине было безветренно. Мы механически переставляли ноги, согнувшись под палящим солнцем почти закрыв глаза: настолько нестерпимо сверкал песок. Горячий воздух плотной массой вползал в легкие, обжигал гортань, и долгожданная цель вдруг как-то потеряла свой смысл, уступив место мечтам о тени и свежей воде... Мы то и дело оступались на камнях, щиколотки больно ломило от напряжения, а песок мягко заглатывал ногу.

Долгожданный привал в иллюзорной тени акации; тонкие веточки и колючки, конечно, не в силах укрыть нас от жгучего солнечного потопа. Разгрузили ослов, и те, не обращая внимания на жару, начинают усердно щипать своими мягкими бархатными губами жесткие травинки, пробивающиеся между камнями. Мы пытаемся найти местечко, чтобы вытянуться. И пьем. Наконец-то!

Ленивые часы полуденной дремы. Время остановилось, огненный шар на небосводе не думает ползти дальше... Луи, обнаженный по пояс, лежит, надвинув на глаза ковбойскую шляпу. За время пути у него отросла жесткая черная борода, у Жака она пепельно-серая. А у меня? Провожу ладонью по подбородку – бррр!.. Со стороны мы выглядим беглыми каторжниками. Пятница с братом тоже изменились. Нет, борода и у них не выросла, но краска сползла с тел, смытая потом. Теперь они одинаково черные. Жара заставила их сбросить набедренные повязки, и они лежат нагишом в тени колючего зонта, продолжая свой бесконечный разговор. Аскари ни за какие коврижки не согласился расстаться с уставной формой, он при полном параде: шорты, рубашка, пилотка. Присев на камень, драит тряпочкой свою винтовку.

Часам к трем солнце чуть снижается, позволяя продолжить марш. Вернее, начать подготовку к нему. Надо собрать ослов, навьючить их, завязать ремешки, на одном – два раза, на другом – три... Лишь к четырем часам удастся выступить. Идем по уэду. Перед дорогой выпили чай, и жажда сразу становится неумолимой; мысль о неисчерпаемом количестве воды в озере сверлит мозг. На карте помечено: «Вода загрязнена, но пригодна для питья». Уверен, что она божественна! Воображение подстегивает, и я тороплюсь вперед, задевая за камни и увязая в песке. Боже, неужели к вечеру у нас будет целое озеро!

На тебе... Темнота застает на высохшем русле уэда... Делать нечего, придется

разбивать лагерь. Собрали колючие ветки, разожгли костер. Африканцы принялись варить просо, а мы – кипятить воду для чая. Литры чаю. Вяло жуем овсяную галету с кусочком грюйера.

Внезапно с вершин потянуло ветром. Мы лежали на спине, вытянувшись на походных койках, держа в одной руке горсть сушеных фруктов, а в другой – кружку горячего чая. И тут впервые за все время на востоке по звездам быстро пробежали два темных облака.

– Дожди, – тихонько сказал Ришар.

– Да...

Новость неприятная: дожди здесь – нечто совершенно страшное. Случается, они не выпадают несколько лет подряд, а потом проливаются библейским потопом. По высохшим уздам в брызгах пены прокатываются валы, таща куски скал в несколько тонн весом, вырванные с корнем деревья и трупы застигнутых врасплох животных.

Как бы такое не случилось с нами... Внимательно прислушиваемся. Нет, кажется, гром не гремит. Бывает, что дождя и не видно – торнадо обрушивается за несколько лье высоко в горах. А полчаса спустя оттуда низвергается поток, тысячи тонн мутной воды пополам с грязью, неся впереди таран из вырванных деревьев и обломков скал. Страшная картина.

Может статься, дожди пройдут дальше к югу и отрежут нас от машин. Это тоже очень неприятная перспектива. Поворачиваем головы и застываем: весь небосклон к югу в обложных тучах. Звезды погасли, и там упала грозная тьма.

Страх перед возможной бедой заставляет вскочить и, не обращая внимания на порывы ветра, начать перетаскивать багаж на крутой берег, почти нависавший над уэдом. Остаток ночи мы чутко прислушиваемся к далеким раскатам грома и наблюдаем за звездами, то появлявшимися, то вновь скрывавшимися за покровом туч.

До самой зари не стихал ветер. Наконец забрезжил рассвет. На юго-востоке, где неприступной твердыней высится гора, появилось великолепное белое облако, частью размазанное по лазури неба. Зрелище необычайно красивое, но у нас от него на душе скребут кошки.

Итак, вновь потерян день и сорван весь график: мы еще не добрались до озера, а значит, завтра не будем у вулканов. Пак урезан до четырех галет в день (в каждом печенье не больше двадцати граммов), тонюсенького ломтика сыра и двух горстей сушеных фруктов. Сахар и сгущенное молоко шли в чай.

– Мы мало едим соли, – заметил Тормоз, – и поэтому мучимся от жажды.

– А с чем ее есть? Вот были бы спагетти... Раньше следовало думать.

Мы сознательно отказались от продуктов, которые надо готовить, чтобы сэкономить драгоценную воду.

– Перестаньте поминать спагетти! – обернулся Жак Ришар. – Особенно под болонским соусом, с хорошим слоем тертого пармезана...

– Слушай, хватит! Пошли уже гастрономические грезы! А ведь мы даже не на обратном пути...

– Так вот, о соли, – упрямо гнул свою линию Луи. – Ее можно глотать просто так. Главное – чтобы она оказалась в организме.

Пустая соль – не самая аппетитная вещь на свете, но, поразмыслив, мы сошлись на том, что наш друг прав. Каждый проглотил по чайной ложке соли. Какая мерзость!

Для ускорения хода решено также оставить здесь Субботу, двух ослов и часть багажа: отснятые пленки, камеру, фотоаппарат «лейку», кремневые орудия и половину продуктов, в том числе три последние банки апельсинового сока и бидон с водой. В наше отсутствие Суббота починит вьючные ремни, что облегчит путь назад.

Выступили. Торопливо шагаем по загруженному камнями уэду. К счастью, вскоре тропа вывела на ровную почву, и идти стало гораздо легче. Посреди плоской долины, усеянной кое-где скальными обломками, громоздилось очередное высокое надгробие. Невозможно даже представить, что в этой ржавой пустыне, где все враждебно человеку, кто-то жил. И тем не менее это так.

Спускаясь в неглубокий овраг, неожиданно замечаем белый слой, будто прорисованный в толще черного базальта. Подходим ближе: мириады сравнительно недавно окаменевших ракушек. Довольно легко узнаем известные разновидности – унию, этерии, палудины, маленькие мули и пресноводные улитки. Среди бесчисленного множества моллюсков встречаются и останки рыб, скелеты позвоночных, некоторые довольно внушительных размеров. Сверяемся с альтиметром: сто метров над нынешним уровнем озера. Значит, тысячелетия назад пресное море поднималось сюда, покрывая вдвое большую площадь.

Срез оказался при ближайшем рассмотрении очень интересным. По нему можно было проследить геологическую историю этого места. На фундаменте черной лавы лежал пудинг – конгломерат гальки, сцементированной глиной, затем тонкая прослойка базальта, потом довольно значительная толща диатомита, а поверх ее новый слой более поздней лавы.

Когда озеро разлилось по вулканическому краю, его волны откатывали камни, превращая их постепенно в гальку. Вода продолжала наступать, и галечник зарывался в глину. В чистой и спокойной воде над этим новым дном во множестве развелись моллюски и рыбы, в том числе громадные нильские окуни. И тут произошла катастрофа: расплавленная лава залила дно озера, уничтожив все живое. Потом воды остыли, и жизнь вновь стала возможной, но расплодилось уже лишь микроскопические диатомовые водоросли. Десятками веков их останки скапливались поверх застывшей лавы. А после нового извержения мощные потоки огненной лавы заковали в скорлупу двухметровый слой диатомита.

Мы с Ришаром набили рюкзаки пакетиками с образцами и гимнастическим шагом припустились догонять ушедших спутников. Далеко, правда, нам бежать не пришлось: они сидели втроем на корточках в неглубокой ложине, сосредоточенно разглядывая что-то. Заинтригованные, мы подошли к ним и тоже заглянули вниз. Там, в глубине двухфутового отверстия, поблескивала волшебная вода... Пятница знал об этом колодце, он звал его Мусине, но ничего не сказал нам. И какая вода! Свежайшая, прозрачная, вкуснейшая! Было еще только десять утра, жажда не мучила, но как отказаться от такого подарка, нежданно-негаданно свалившегося на нас! Мы постарались унести как можно больше ее в желудках и наполнили двадцатилитровые бидоны.

Но в пустыне, равно как и в горах, едва ты начинаешь вволю пить, тебя тут же хватает за горло жажда. Она не прощает таких промахов. Последующие два часа мы не раз вспоминали о великой мудрости воздержания.

Теперь озеро было ясно видно, оно не пряталось больше за гребнем, но отсутствие масштаба мешало оценить расстояние. На пологом склоне, спускаясь к берегу, мы без конца натыкались на камни и попадали в рытвины. Между каменными надолбами оставались извилистые проходы, подчас шириной в двадцать сантиметров, так что нога, попав туда, не могла сразу выскочить. Тут того и гляди вывихнешь ногу. Приходилось взбираться на камни и прыгать с одного на другой. Сверху эти гладкие коричневые «лбы» напоминали обращенное в камень стадо.

Полуденный зной всюду терзал нас, когда ад наконец кончился и мы коснулись воды. Вы думаете, мы остановились на берегу? Нет, мы продолжали шагать, пока вода не поднялась до колена, потом по пояс. И тут мы бросились в голубые воды.

Попробуйте представить себе такую картину: человек лежит в озере пластом, раскинув руки и ноги, и пьет жадными глотками озерную воду снова, снова и снова! Вода теплая, с каким-то привкусом, возможно, даже отвратительным, но это – жидкость, и вы вбираете ее в себя полным ртом. Кажется, вы способны выпить озеро целиком. Вы ощущаете его всей кожей и, когда наконец наступает насыщение, принимаетесь в самозабвении плыть, изредка выставляя наружу лицо, дабы убедиться, что за вами не следит пара крокодилийих глаз. Сейчас самое жаркое время дня, но какое это имеет значение – пусть вы и не в тени, но у вас есть вода – снаружи, внутри, везде!

Озеро в пустыне

На черном базальтовом берегу натянули палатку, чтобы уберечь киноплёнку. Жар стал совершенно нестерпимым, несмотря на ветер, тянувший с вершины Кулала; приходилось без конца повторять одну и ту же процедуру, оказавшуюся, кстати, довольно эффективной, – чередовать купание с кратковременным высыханием. В момент, когда мокрую кожу овеивал ветерок, было дивное ощущение прохлады. Одежды, стоявшие коробом после четырехдневного марша по адской пустыне, были выстираны и сушились на берегу, а мы были в эти часы голые, как Пятница. Правда, в отличие от него обширные незагорелые области на наших телах выглядели диковато.

Часами мы смотрели на воду, не в силах наглядеться. Это было первозданное озеро нашей мечты. По нему пробегала рябь, время от времени плескали волны; далекие берега казались розовыми, кое-где поднимались выщербленные вершины. Прямо перед нами километрах в двадцати царил над водами большой гористый остров Саут-Айленд. Неведомая земля. В тридцатые годы там побывала группа американских и английских геологов. Они высадились на острове и без всяких происшествий провели там три дня, пока остальная экспедиция исследовала северную часть. Закончив работу, геологи сели в лодку и... исчезли. По всей видимости, их погубил внезапно налетевший шквал – один из тех, которыми славится озеро Рудольф. Лишь много времени спустя в ста километрах от этого места нашли их выброшенные на берег шляпы...

В отличие от нас ослы не бросились с разбегу в воду, а принялись с задумчивым видом принохиваться к озеру. Потом, к всеобщему удивлению, не обмочив даже толстых губ, они отошли и стали щипать траву. Великая мудрость инстинкта! Ослы напились у колодца Мусине, так что им незачем было уподобляться двуногим и глотать мутную воду. Кстати, очень скоро по ощущениям в желудке мы почувствовали, что этого действительно не стоило делать...

Часа в три пополудни с холмов спустилось стадо коз – несколько сот черно-белых животных в сопровождении голого пастушонка, двух молодых мужчин и девочки.

Мы с Ришаром двинулись навстречу, но у них явно не было желания вступать с нами в контакт. Уполномочили Пятницу вести дипломатические переговоры. Пастухи оказались рендилле – стройные красавцы, молчаливые, сдержанные. Опершись на копья и застыв в скульптурных позах, они смотрели на наши любопытные физиономии с тем же достоинством, с каким львы глядят на визитеров в заповеднике Серенгети.

Когда жара спала, мы свернули лагерь и загрузили ослов. Я же прошел метров сто до того места, где скалистый берег круто обрывался, чтобы зачерпнуть воды в пластмассовую флягу – химик Кюфферат просил доставить ему для анализа пробу из озера Рудольфа. Я отнесся к заданию со всей серьезностью и благоговейно опустил флягу в воду.

Через холмы и поля черного базальта тянулась тропа, ставшая после Лонджерина для нас нитью Ариадны. В сумерках она привела к южной оконечности Рудольфа. Здесь в сушу на несколько километров врезалась обширная бухта с совершенно ровными параллельно идущими берегами. Было ясно, что в этом месте в земной коре опустился *клин*.

Подошедший высокий с нежным лицом туркана сказал, что бухта называется Лотарр и что там полным-полно крокодилов. Его маньятта стояла неподалеку. На противоположном берегу в ста метрах поднимался правильный конус потухшего вулкана, который мы заметили еще накануне. Он назывался Набуят – «Место боевого рога»... Там мы и стали лагерем.

Наутро, сжевав по две галеты, уничтожив остатки сыра, а также проглотив мерзкую ложку соли и большую кружку сладкого чая, мы отправились к Телеки в сопровождении верного стража Ласедемона. Возле палатки при ослах и багаже остался Пятница. Времени было в обрез. Продуктов почти не осталось, а суровый паек последних дней того и гляди мог лишить нас последних сил. Пока что мы чувствовали себя нормально, но недоедание имеет коварное свойство сказываться вдруг без всякого перехода. Тогда мы не сможем шагать.

Надо было сегодня добраться до вулкана Телеки, сегодня же вернуться в лагерь и до ночи успеть пройти хотя бы часть пути до стоянки, где нас поджидал Суббота.

Торопливо зашагали к югу. Почва, к счастью, была терпимой – лагу покрывал вулканический пепел. Русло тянулось абсолютно прямо с севера на юг, с обеих сторон ее окаймляли внушительные берега; высохшая река, конечно, была продолжением бухты Лотарр. Но нам до них не было никакого дела.

Занимался день, но впервые за все время солнце не показывалось, закрытое легкой облачностью. К восьми часам стало даже немного моросить. Как бы не разверзлись хляби небесные... Тогда нас на недели отрежет от машин.

Дождичек, однако, быстро прекратился, и солнце разогнало облака. Страх потопа уступил место страху пекла! В девять часов мы начали карабкаться по уступам на берег лаги, и с гребня увидели всего в нескольких милях мощную стену, пересекавшую Рифт с востока на запад. На темном фоне выделялись несколько вулканических конусов. По свежему виду одного из них, а также по фотографиям, сделанным Чемпионом (хотя он снимал с другой стороны), мы определили один из них как Телеки.

Цель была перед нами! Почва под ногами вновь стала невообразимой, но уверенность в успехе заставила идти еще быстрее. Солнце, увы, тоже решило взять реванш за утреннее поражение. Мы с тоской глядели на разбегавшиеся в стороны пухлые белые облака.

Миновали несколько маленьких вулканов, уснувших много веков назад; ржавые склоны, следы эрозии, густая растительность, доходившая почти до вершин.

Быстро поднялись по отрогам барьера. Земля все гуще покрывалась крупным шлаком – это значит, что кратер, извергнувший его, был уже близко. А вот и перекрученные потоки лавы, они уходили вправо, насколько хватал глаз. Вулкан был уже совсем близко – за полем хаотического нагромождения, удивительным образом напоминавшим черные базальты вулканов Киву.

Но что-то вдруг укололо меня. Странно... Конус, поднимавшийся на несколько сот метров, зарос небольшими деревцами, похожими на безлистые яблони. Казалось, я очутился зимой где-нибудь во Франции в массиве Севенн или Юры... Если деревья успели вырасти в таком количестве, значит, последние извержения произошли лет сто назад, не позже. В здешнем жутком климате растительность поднимается с большим трудом. Это только возле Киву влажность настолько велика, что за несколько лет экваториальный лес успевает покрыть даже свежие потоки. Значит? Где же, черт побери, вулкан, чье извержение видел Телеки?!

Пересекли адское нагромождение шатких камней, грозивших отдавить ноги, достигли подножия конуса и по зыбкому склону, покрытому пеплом и лапилли, зигзагами поднялись на вершину. Было около одиннадцати утра, когда мы пожали друг другу руки. Конец.

Обрывистый кратер был забит каменными блоками. Взору открывалась величественная панорама. Поля серо-черной лавы простирались по дну Рифта до самой воды, а дальше, сливаясь с горизонтом, лежало озеро Рудольф, окаймленное с двух сторон размытой линией рыжих берегов. Позади над головой высился мрачный массив барьера.

Теперь уже развеялись последние сомнения. Место, называемое вулканом Телеки, не было очагом того извержения, которое описал Телеки, вернее, его спутник, геолог фон Хенель. Лавовые потоки вытекали не из воронки конуса, на котором мы сейчас стояли, а из канала в подножии барьера, он и сейчас был ясно виден. Огненная река спустилась оттуда на наш пьедестал и двумя рукавами растеклась вправо и влево. Ниже потоки превратились в гигантский хаос, заставивший отступить Телеки. Раскрывшаяся внезапно трещина рассекла буквально надвое наш конус, она-то и придала старому, давно потухшему пайсу вид действующего кратера. Между тем вулкан прекратил активность задолго до посещения его Телеки; извержение никак не было связано с конусом. В подтверждение мы заметили в долине сероватую полосу свежей лавы, спускавшуюся с юго-запада. Видимо, извержение 1921 года?

С нашего наблюдательного пункта отчетливо прослеживалось, что все молодые потоки

изливались из середины Рифта. Значит, эруптивная деятельность здесь продолжается...

Геологи, изучавшие центральный район Восточной Африки, установили, что вулканическая деятельность началась там приблизительно 75 миллионов лет назад, к концу вторичного периода. Тогда из трещин почти непрерывно изливались лавы без образования конусов.²⁶ Так были покрыты большие просторы, составляющие ныне обширные плато, разломанные Рифтом. Двадцать миллионов лет назад на заре третичной эры постепенно образовались вулканические горы. В Восточной Африке родилась гора Кения, превышавшая, видимо, тогда 6000 метров, Абердэр, чуть позже Элгон, а в центре континента – Кахузи, Микено, Биега.²⁷ Минуло еще двадцать – тридцать миллионов лет, в течение которых расширялись трещины Рифта и появлялись сбросовые долины. С тех пор разломы еще не раз бороздили этот район, вспомним хотя бы каньон в долине Лаисами.

Еще позже, в начале четвертичного периода, каких-то три миллиона лет назад, появились новые вулканические конусы: на востоке – Килиманджаро, высшая точка современной Африки, Сусва, затем спустя какое-то время Лонгонот; на западе – гиганты хребта Вирунга Махавура, Карисимби... Наконец в течение последних тысячелетий появились активно действующие сейчас вулканы: Ньямлагира, Ньирагонго в одной стороне, а в другой – Олдоньо Ленгаи, Меменгаи и Телеки. Кстати, как записал Чемпион, туркана зовут его на своем языке Нагира-Мваитен, что значит «Место, рассеченное надвое»...

Таким образом, за редким исключением, такие, как Килиманджаро,²⁸ все древние вулканы расположены в удалении от главной оси Рифта, а молодые группируются в центре.

Мощный барьер, у отрогов которого мы стояли в тот день 13 октября 1953 года, напоминал цепь вулканов Вирунга, пересекающих западный грабен. Заперев нагромождением лав воды реки, спускавшейся с высокого Абиссинского нагорья, барьер породил озеро Рудольф; точно так же, перегородив один из истоков Нила, Вирунга породил озеро Киву. И там и тут обширные поля базальтовых лав покрывают дно грабена неопишущим черным хаосом. И там и тут спорадически возникают «пайсы» – спутники крупных вулканов.

Недавняя активность в центре широкого разлома, по всей вероятности, связана с опусканием узкого клина под действием сил растяжения, скопившихся в земной коре. Если бы удалось очистить Рифт от всех обломков и наслоений, мы увидели бы картину, похожую на ту, которую наблюдали в Красном море с борта «Калипсо».

Солнце уже плавало высоко в небе; пора, давно пора возвращаться. Мы сложили на маленькой возвышенности тур из древних вулканических «бомб», а потом большими прыжками, зарываясь при каждом скачке по щиколотку в шлак и лапилли, спустились вниз. Там вытряхнули мусор из обуви и зашагали в обратный путь... Но разве можно удержаться от искушения остановиться возле старой бомбы и не разбить ее ударом молотка в надежде, что внутри, как случается иногда, заключен кусок другой породы – свидетель таинственных процессов, происходящих в земной глубине. Правда, все попытки оказались напрасными и только задержали нас. Приближался роковой полдень – час, когда надо укрыться (все равно где), поспать, переждать, пока чуть спустится с зенита горящая нестерпимым жаром звезда. В такую минуту страстно хочется, чтобы она отстояла еще на пару световых лет подальше!

Среди лавовых полей воздух был накален сверх всякого предела. А мы еще

²⁶ В наше время подобный тип извержений почти не встречается. Известна только катастрофа, начавшаяся в Лаки и опустошившая Исландию в XVIII веке.

²⁷ Став менее эффузивными, но зато более эксплозивными, извержения выбрасывали в воздух миллионы тонн продуктов, которые громоздились вокруг воронок, способствуя вместе с лавами росту этих гор.

²⁸ Килиманджаро возник, очевидно, на разломе, шедшем перпендикулярно или под углом к главной оси Рифта.

останавливались там и сям, чтобы стукнуть молотком по куску базальта или сунуть его в мешок, щелкнуть фотоаппаратом или снять кусочек кинофильма, занести пару строк в блокнот. Потом снова в путь хорошим шагом по едва проглядывавшей тропке. Мы шли каждый сам по себе, неся свою собственную жажду, собственную усталость, каждый мечтал о своей койке в далеком лагере, о палатке и чае... Воздух дрожал, как над раскаленным листом железа. Все контуры тихонько вибрировали, а дальние предметы вообще стали неузнаваемыми. Даже ветер был невыносимым: казалось, он вырывается из огнедышащей печи.

Подошва жжет ногу сквозь стельку, и, как мы ни торопились, усталость принуждала сбавить ход. Усталость сказывалась не мышечной болью, ибо наша подготовка была более чем достаточной, а свинцовой тяжестью, наливавшей ноги. Но мы упрямо считали шаги: один, два, три, четыре...

Часы... Века мы шагали по этому пожарищу. Последние облачка растаяли, осталось только пронзительное небо и дрожавшие камни. Я стискиваю губы, но жаркий воздух все равно проникает в рот, и небо с языком перестают быть влажной податливой плотью, превращаются во враждебные предметы, какой-то трут, сухую вату...

Где-то в бесконечности существует вода, журчащие потоки в Альпах, башалы савойских деревень, фонтаны холодной воды, бьющие день и ночь, круглый год. Я прямо слышу их пение, слышу, как струя слабеет, гортанно булькает, потом снова принимается бить – сильно и равномерно. А плохо закрученный кран на кухне! Я слышу, как она капает. Во всем доме тишина, воскресный день летом, а из крана на кухне кап-кап капает вода. Просто мука. Я вижу кухню моего детства, а еще читал когда-то – бог ты мой, у кого? – описание точно такого же воскресного дня, и воспоминания накладываются друг на друга. Столько влаги, столько прозрачной воды потеряно зря...

Я прибыл последним. Уже давно маячило впереди оранжевое пятно палатки, наполняя надеждой. Но я все шел и шел, а палатка по-прежнему была далеко. И тогда ее вид стал мне несносен. Шаг, еще шаг, еще и еще... До нее было не так уж много: я шел по реке из черных камней, переходившей в узкую бухту Лотарр... Переставляю ноги, так, еще и еще... С неба струится палящий жар.

Внезапно палатка возникает в двухстах метрах. Я вижу Жака и Луи у воды. Конечно, они пьют. И при мысли о том, что вода доступна, я вдруг убеждаюсь, что жажда моя не столь ужасна, что я просто размечтался о Франции, о коричневых пашнях, альпийских лугах, ручьях. Тепловатое грязное озеро вызвало у меня приступ тошноты. Эту воду еще кое-как можно пить сырой, но в чае она становилась просто отвратительной. Видимо, я в самом деле не чувствовал жажды, поскольку еще добрых четверть часа бродил по берегу, снимая на киноплёнку птиц, их водилось великое множество в болотистой оконечности озера: ибисы, фламинго, цапли, нильские утки... Потом подошел к товарищам. Все сидели на земле вокруг ямы, через которую пытались фильтровать воду. Они то отхлебывали маленькими глотками присоленную жидкость из кружки, то макали полотняные куртки в озеро, тотчас натягивая их на себя.

– Старина, потрясающе! Такого холода я не испытывал уже много месяцев!

И правда, вода, пропитавшая ткань, мгновенно испарялась, заставляя ежиться. Под конец даже стало неприятно, и мы решили оставить роль живых пугал и перебраться немного в тень. Да, но где ее взять посреди пустыни? В палатке можно задохнуться, как в печи. В воде, как вчера? Она казалась месивом планктона. Кроме того, здесь сновали крокодилы. Ришару пришла в голову отличная идея: поднять походные койки и, как экраном, заслониться ими от солнца. Так мы и провели оставшийся час жары. В нашей «тени» было 54° по Цельсию...

Часам к пяти из хижины вышел сосед-туркана и отправился ловить рыбу. Невероятная ловля в невероятной воде. Если бы все это не происходило на наших глазах, мы бы сами никогда не поверили рассказу. Первые несколько минут мы просто восклицали: «Что он делает?»

А он стоял на берегу и довольно небрежно бросал в воду примитивный гарпун, к концу которого была привязана длинная веревка из скрученных стеблей травы. Вторым концом она была замотана у него вокруг запястья. Не торопясь он тянул орудие назад, брал его в руку, замахивался и бросал снова. Все так же размеренно, не убыстряя движений... После трех-четырех бросков на острие гарпуна оказался великолепный нильский окунь, едва ли не самая вкусная из африканских рыб!

Мы были потрясены. Вот так, не целясь, бросать гарпун наобум в непрозрачную воду и вытаскивать добычу – уже одно это свидетельствовало о сказочном богатстве озера. Нетрудно понять, почему здесь развелось такое множество крокодилов: у них есть чем закусить! Крокодилы были повсюду: валялись на берегу, раскрыв жуткую пасть, вылезали из воды, плавали, выставив наружу глаза и кончики ноздрей...

– А что, если попросить у него продать рыбу? – предложил Тормоз.

Уже при одной мысли во рту собралась слюна, так что я даже не смог ничего ответить. За меня сказал Ришар, отыскивая глазами проводника:

– Превосходно! Где Пятница? Без него мы не сможем договориться.

Но Пятница отправился за ослами, которые разбрелись бог весть куда в поисках травы. В этот момент высокий туркана подошел и с доброй застенчивой улыбкой протянул нам свою рыбину – дар гостям...

Мы поели. Хорошая это штука – еда. Дневной паек, включавший несколько граммов галет и две горсти сухофруктов, великолепно вызывает аппетит, пусть даже приглушенный немного жарой. А сейчас мы ели рыбу! Она таяла уже в пальцах, и мы набивали рот дивной горячей густо посоленной снедью.

Солнце уже клонилось к западу, когда Пятница навьючил ослов. Все были готовы выступить в путь. Мне было по-честному жаль расставаться с нашим другом рыбаком. Хотелось подарить ему что-то на память, но у нас ничего не было, за исключением консервного ножа. Ришар дал ему несколько серебряных монет. Присев на корточки, туркана взял их, осмотрел и возвратил назад. Глаза его смотрели вопросительно: он никогда в жизни не видел белых и не был знаком с деньгами... Пятница начал хихикать, подмигивая нам с заговорщицким видом. Потом очень ласково, как ребенку, начал втолковывать ему: в Саут-Хорре, который за горой Ньиру, есть торгаш-сомалиец, и у него можно обменять эти монетки на что угодно: на веревки, просо, наконечники для гарпуна или кукурузную муку... Рыбак внимательно слушал. Он ничего не говорил, лицо оставалось задумчивым, а взгляд витал где-то далеко-далеко: все это ему было явно неинтересно.

Очень жаль. Нам так хотелось порадовать его, мы были тронуты проявленным гостеприимством... Тормоз проверил груз, обойдя все кругом, дабы удостовериться, что ничего не забыли. С земли он поднял какую-то вещь. Рыбак расплылся в улыбке. Глаза его светились добротой, он переводил их то на нас, то на чудесную вещь – консервную банку из-под сгущенного молока...

* * *

Горький привкус разочарования не покидал меня на пути назад. День за днем мы шли по каменистым руслам иссохших рек, карабкались на столообразные плато, спускались в узкие ущелья, брели по равнинам, покрытым переплетениями лав. Мы вновь обрели покой и безмятежность степного кочевья, перестав следить за временем. Нас уже даже не беспокоили колодцы, мы знали, что они лежат на пути следования – Мусине, Лаисами, Лонджерин. Мы были уверены, что сумеем утолить жажду, а через несколько дней и вдосталь поесть. Освободились от тревоги, освободились от Рудольфа, освободились от Телеки... Большой свободы и представить себе невозможно, в этом было что-то сверхчеловеческое.

Шагаем. Слышен лишь ветер – неутомимый дворник пустыни. Когда начинается самое пекло, устраиваем привал под редкой сенью колючего деревца. Потом снова шагаем до

ночи... Вспоминаю окончания этапов в мавританском Адрааре, дробный топот верблюдов, крики «геш-геш» караванщиков – туарегов в синих тюрбанах, их сверкавшие глаза и озорную, чуточку свирепую улыбку. Туареги понукали верблюда пяткой, ударяя в определенное место на шее. В сумерках мы останавливались, укладывали верблюдов и снимали с них вьюки. По земле скользили быстрые тени. На каждой остановке нас ждало чудо: обжигающий сладкий зеленый чай; после него ели рис с маслом, сбитым из овечьего молока. Поев, мы благоговейно заворачивались в одеяла и смотрели в небо затопленное половодьем звезд, по которому плыл тоненький серебряный ковчег луны...

Здесь у нас не было ни верблюдов, ни пищи. В конце этапа мы едва ковыляем налитыми тяжестью ногами по раскаленным камням, рот как будто залит гипсом, иссушающий ветер дерет лицо. Но, несмотря на сосущий голод (а может быть, именно из-за него), мы чувствуем себя настоящими кочевниками, сжившимися с пустыней.

Враждебная земля, по которой мы сейчас шагаем, действительно кажется коркой планеты, из милости терпящей жизнь. Все здесь безмолвно вопиет; жизнь – исключение, а не жизнь – правило. До смерти – один шаг. Среди обугленных скал и песка возрастает значение смерти. Ее очевидность становится наглядной, и мало-помалу проникаешься ею. На поверхности громадной массы Земли, а в таких местах особенно ощущаешь ее невероятный объем, жизнь выглядит слабо теплящимся огоньком, который можно затушить одним взмахом. На пустынных просторах ничто не скрывает эфемерности нашего существования, здесь ничто не затушевывает очевидность присутствия смерти на земле, ничто не отвлекает человека в его суетливом бытии.

Конечно, в другой жизни нам помогает все: улицы и деревья, дока, поезд, работа, борьба, удовольствия, искусство, тщеславие и деньги, сады, фонтаны... Даже слова от постоянного употребления теряют свой изначальный смысл. «Все мы смертны». Никто не пугается при этом: ни говорящий, ни слушатели. Но ту же фразу вряд ли решишься произнести в пустыне.

Здесь ничто не застилает взора, мысль упрямо цепляется за следы небытия вокруг – небытия, в котором еще недавно обретали человеческие существа. Инстинктивно начинаешь думать о том, что можешь оставить на память о кратком миге, проведенном тобой на свете... Разве только нагромождения в пустынях, каменные склепы, пирамиды царей или скромные могильные камни, так взволновавшие нас на необитаемом острове. Здесь рождались религии. Все предавались раздумьям в пустыне: Моисей и Иисус, Магомет и Будда.

Но душа взывает и оплакивает не самое себя. Истинная трагедия в том, что, умирая, мы покидаем тех, кого любим. «Крики отчаяния и заламывание рук – нет, я не смогу вынести этого зрелища», – писал Сент-Экзюпери, потерявшись в ливийских песках и думая, что настал последний час.

На долгом пути, приближавшем нас к привычной жизни, я невольно вернулся к мыслям, посетившим меня год назад в широких степях Адраара. Я подумал тогда, что вездесущее присутствие смерти порождает у человека жажду утешения и надежды. Когда сейчас я вновь вышел из узких пределов привычного бытия и освободился от суеты, как советовал Экклезиаст, неизбежность конца встала передо мной, не прикрытая никаким искусственным экраном. Но утешение себе я искал не в будущей жизни, которую воображает душа, а во всемогущей радости любви.

Это любовь матери к ребенку. Любовь мужчины к женщине – непрерывающаяся цепь продолжения жизни. Любовь оставшихся жить к тем, кто их породил и довел до взрослости.

Это любовь работников, занимающихся одним делом – созиданием или познанием. Любовь человека к миллионам других людей, которые на всей планете борются и страдают, трудятся и оберегают чудесное творение, которое сообща нам удалось вырвать у минерального мира, – человеческую жизнь.

